

Д Ж Е М С Г Р И Н В У Д

**МАЛЕНЬКИЙ
ОБОРВЫШ**

ДЕТГИЗ
1956

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА ДЛЯ НЕРУССКИХ ШКОЛ

ДЖЕМС ГРИНВУД
МАЛЕНЬКИЙ
ОБОРВЫШ

Рисунки И. Петровой

Государственное Издательство Детской Литературы
Министерства Просвещения РСФСР
Москва 1956

ИЗДАНИЕ ШЕСТОЕ, ИСПРАВЛЕННОЕ

В пересказе
Т. Богданович и К. Чуковского

Предисловие Е. Брандиса

О ДЖЕМСЕ ГРИНВУДЕ И «МАЛЕНЬКОМ ОБОРВЫШЕ»

1

Автор этой повести — английский писатель Джемс Гринвуд. Он написал много книг — главным образом о моряках и тропических странах. Герои Гринвуда терпят кораблекрушения, скитаются по пустыням и джунглям, томятся в плену у дикарей, охотятся вместе с ними на тигров и львов. Но ещё больше книг написано Джемсом Гринвудом о лондонской голодной бедноте, которая ютится в холодных, тесных и грязных жилищах, рядом с великолепными дворцами богатых банкиров и лордов. Жизнь мелких ремесленников, бродяг, беспризорных детей была хорошо знакома Джемсу Гринвуду; он правдиво изображал эту жизнь, причём всё его сочувствие было на стороне бедняков.

2

В те годы, когда Джемс Гринвуд писал свои книги, Англия была ещё самой могущественной в мире капиталистической державой. Её колониальные владения, захваченные ценою кровопролитных войн и безжалостного истребления борцов за свободу, находились в разных частях света и простирались на миллионы квадратных километров. Английские дельцы и дворяне неслыханно наживались за счёт ограбления колониальных народов. В то время Англия ещё обладала самой мощной промышленностью и самым многочисленным военным и торговым флотом. Английские фабриканты и купцы, выгодно сбывавшие свой товар во всех государствах и странах, хвастливо называли Англию «мастерской мира».

3

Но чем больше богатели и наживались господствующие классы, тем больше ухудшалось положение английских трудящихся. Ни в одной стране рабочие тогда не подвергались такому жестокому угнетению, как в Англии. Ни в одной стране не было такой вопиющей нищеты, такого количества самоубийств и уголовных преступлений, такой массы безработных, голодных и бродяг, как в Англии. Ни в одной стране не было таких ужасных условий существования, как в знаменитых лондонских трущобах.

С ужасами лондонских трущоб могли в то время соперничать только работные дома, которые были введены в Англии в 1834 году после того, как правительство отменило все пособия для бедных. Несчастные люди, попадавшие в работные дома, превращались в настоящих каторжников. Мужей разлучали с женами, детей отнимали от родителей. Отлучаться из работного дома разрешалось лишь в особых случаях, по усмотрению начальства. Обитателей работных домов заставляли бесплатно выполнять самую изнурительную работу: мужчины должны были дробить камень, женщины и дети — шипать старые канаты и т. п. Кормили в работных домах хуже, чем в тюрьмах. Поэтому многие жертвы «благотворительности» предпочитали прослыть в глазах смотрителей преступниками, чтобы попасть в обычную тюрьму, где режим был менее суровым.

Введение работных домов вызвало ряд восстаний. Но только в 1909 году, под давлением всё нараставшего возмущения народных масс, английское правительство вынуждено было закрыть работные дома.

В то же время в богатой и могущественной Англии десятки и сотни тысяч малолетних детей были оторваны от семей и школы, выброшены на улицу или отданы во власть жадных предпринимателей.

Известно, что ни в одной стране детский труд не приносил капиталистам таких огромных барышей, как в Англии XIX века. Маленьких рабочих заставляли гнуть спину с раннего утра до позднего вечера, а платили им такие жалкие гроши, что их хватало лишь на то, чтобы не умереть с голоду.

Передовые люди Англии на протяжении многих лет вели упорную борьбу против жестокой эксплуатации детей. В конце концов английское правительство должно было ввести законы, запрещавшие принимать на работу малолетних и заставлять детей трудиться до позднего вечера.

В первой половине XIX века в Англии развернулась деятельность нескольких крупных писателей, поставивших своей целью неустанно разоблачать чудовищные преступления английских капиталистов, повествовать миру суровую правду о горькой участи английских бедняков, рассказать о том, как тысячи людей живут и умирают в рабочих домах и долговых тюрьмах, в сырых подвалах и на холодных чердаках. В то же время эти писатели с негодованием изображали праздную, беспечную жизнь обитателей богатых особняков, огороженных высокими каменными стенами от всего остального мира.

К таким писателям-реалистам, суровым обличителям господствующих классов Англии, относятся Чарльз Диккенс, Уильям Теккерей, Шарлотта Бронте, Элизабет Гаскелл и другие английские писатели, творчество которых высоко ценили Маркс и Энгельс.

Кому приходилось читать романы Диккенса «Оливер Твист», «Николас Никльби», «Давид Копперфильд», «Крошка Доррит», наверняка найдут в них много общего и по теме и по отношению автора к героям из народа с «Маленьким обрывком» Гринвуда. И это не случайно. Гринвуд, безусловно, принадлежит к той же группе английских писателей-реалистов XIX века, которую в 60-е годы все еще возглавлял Диккенс.

Джемс Гринвуд родился в 1833 году в семье мелкого служащего. Кроме Джемса, в семье было одиннадцать детей — братьев и сестер, которые впоследствии пошли по разным дорогам. Трое братьев — Фредерик, Джемс и Уолтер — начали свою самостоятельную жизнь с того, что поступили наборщиками в ти-

пографию. Через несколько лет Фредерик и Джемс стали сотрудничать в газетах, а Уолтер, заболев туберкулёзом, умер у набóрной кассы.

Фредерик, всегда стремившийся к «солидному», обеспеченному существованию, в конце концов накопил изрядную сумму и стал редактором большой газеты. Джемса, напротив, всегда тянуло в самую гущу жизни, и он не пожелал променять свою свободу на хорошо оплачиваемую должность в редакции, которую не раз предлагал ему Фредерик.

Выбрав свою дорогу, Джемс стал талантливым журналистом и литератором, писавшим статьи, очерки и романы на самые злободневные темы. В 60—70-е годы имя Джемса Гринвуда в Англии было хорошо известно. Он привлёк к себе внимание беспощадно правдивыми очерками о лондонских ночлёжных домах.

Переодёвшись однажды бродягой, он несколько часов мёрз на улице в ненастную осеннюю ночь, прежде чем ему удалось получить место в ночлёжке. Здесь он столкнулся с такой неписуемой грязью и зловонием, с такой страшной нищетой и с такими невероятными человеческими страданиями, что это намного превзошло все даже самые мрачные его предположения об ужасах лондонских трущоб.

Обо всём увиденном Гринвуд поведал в своих очерках, которые были, однако, значительно смягчены цензурой. И всё же очерки вызвали такой интерес, что тираж газеты, в которой они были опубликованы, резко повысился. Затем очерки Гринвуда были перепечатаны многими другими газетами и вызвали многочисленные отклики. Так, например, в одной рецензии говорилось: «Картина, нарисованная Гринвудом, тем более ужасна, что сам он провёл в этих условиях только лишь одну ночь, а тысячи наших соотечественников вынуждены проводить таким образом всю жизнь...»

Свои лучшие книги Джемс Гринвуд написал в 60-е годы. Затем он начинает печататься реже и реже, пока наконец его имя вовсе не исчезает из литературы. Когда в 1905 году Гринвуд выпустил свою последнюю книгу, для нового поколения чи-

тателей он был уже неизвестным автором, так как его имя и его многочисленные произведения 60—70-х годов были забыты.

Умер Джемс Гринвуд в 1929 году, на девяносто седьмом году жизни.

4

Много суровой правды рассказал Гринвуд о бедственном положении детей английских трудящихся. Много печальных мыслей навеивает его книга.

И всё-таки от повести Гринвуда не остаётся гнетущего впечатления. Она согрета горячей любовью писателя к простым людям, которые во всех жизненных испытаниях не теряют самообладания, бодрости духа и веры в лучшее будущее.

До самой последней страницы мы следим с напряжённым вниманием за злосчастными похождениями маленького оборвыша, искренне сочувствуем его горестям и печалам, радуемся вместе с ним, когда ему удаётся достать корку хлеба или найти ночлёг.

Даже в самые трудные минуты маленький Джим не унывает и не теряет мужества. Его жизнерадостный и общительный характер, свойственное ему чувство справедливости и доброжелательное отношение к людям помогают ему обрести верных товарищей и друзей, которые не раз выручают его из беды. И до самой последней страницы мы не перестаём верить, что маленький оборвыш выдержит все испытания и невзгоды и сумеет победить в жизненной борьбе.

В автобиографической повести «В людях» Максим Горький вспоминает, какое большое впечатление произвёл на него, когда он был подростком, «Маленький оборвыш» Гринвуда. В трагической судьбе лондонского беспризорника Алёша Пешков, на каждом шагу сталкивавшийся с грязью и пошлостью старого мира, увидел много общего с превратностями своей собственной жизни. Но книга Гринвуда не навела на него уныния. Напротив! Она укрепила его душевную бодрость, его веру в способность человека выдержать любые испытания и невзгоды.

В повести «В людях» Горький вспоминает о том, как одна знакомая закройщица давала ему читать разные интересные книги, которые неожиданно открыли перед ним большой и широкий мир.

«Через несколько дней, — пишет Горький, — она дала мне Гринвуда «Подлинную историю маленького обрывыша»; заголовок книги несколько уколол меня, но первая же страница вызвала в душе улыбку восторга, — так с этой улыбкою я и читал всю книгу до конца, перечитывая иные страницы по два, по три раза...

Много бодрости подарил мне Гринвуд...»

Книга Гринвуда написана давно и рассказывает о далёком прошлом. Но все те уродливые жизненные явления, о которых писатель так правдиво повествует устами своего маленького героя, до сих пор — правда, в несколько изменённом виде — продолжают существовать в капиталистических странах и, в частности, в Англии.

Такие общественные бедствия, как безработица и обнищание трудящихся, детская безпризорность и непосильный труд детей на промышленных предприятиях, исчезнут окончательно только тогда, когда социалистический строй восторжествует во всём мире.

Е. Брандис

I

Мачеха

Мне было шесть лет. Моя мать умерла; отец женился на другой. Мачеха моя была злая, ленивая и хитрая женщина. Звали её миссис¹ Берк. Целый день морила она меня тяжёлой работой, заставляла нянчить ребёнка, носить из колодца воду, убирать комнату, бегать в лавку — и очень худо кормила меня.

Отец давал ей каждое утро деньги на хозяйство; она тратила их на водку, потому что была пьяницей и без водки не могла прожить ни одного дня. Чтобы обмануть отца, она посылала меня в лавчонку купить на грош кучу старых, негодных костей и рассказывала отцу, что это остатки от наших обедов.

Отец возвращался домой только вечером; он служил продавцом у одного богатого купца, торговавшего овощами на ба-

¹ Миссис (англ.) — госпожа.

заре, и очень уставал за целый день. Ему всегда было приготовлено к ужину горячее блюдо, а так как я очень часто с самого утра не ел ничего, кроме корки хлеба, мне сильно хотелось получить хоть кусочек мяса. Если мачеха видела, что отец даёт мне что-нибудь со своей тарелки, она сейчас же начинала лгать.

— Ах, милый Джемс, — говорила она, — пожалуйста, не кормите ребёнка: он, право, объестся и заболёт! Он ужасно жадный. Сегодня за обедом я три раза накладывала ему такие огромные порции варёной баранины, что хватило бы на двоих.

— Экий негодяй! — кричал отец. — Вертится тут да смотрит мне в рот, точно не ел целый месяц! Пошёл спать, объёра, пока я не отхлестал тебя розгой!

Я ложился спать с пустым желудком, не смея произнести ни слова в своё оправдание.

Раз мачеха сыграла со мной особенно гадкую штуку. К ней пришла в гости какая-то женщина, и они вместе пропили все деньги, которые отец оставил на обед и на ужин. Когда гостья ушла, мачеха, немного протрезвившись, струсила: ведь отец будет очень сердиться, если узнает, что она оставила семью без еды. Кроме того, надо было откуда-нибудь достать денег отцу на ужин. Но откуда?

Она стала плакать и причитать самым жалобным голосом.

— Бедная я, несчастная, что мне делать? — рыдала она. — Скоро придёт твой папа, голубчик Джимми! Он скоро придёт домой! Я не могу приготовить ему ужин, и он до смерти изобьёт меня! Несчастливая я, бедная женщина!

Её слёзы тронули меня, и сердце моё растаяло от нежного названия «голубчик». Я подошёл к мачехе, старался утешить её и спрашивал, не могу ли я чем-нибудь помочь ей.

— Это ты так только говоришь, Джимми, — сказала она, — а думаешь совсем другое. Да и правда, ты не можешь меня жалеть: я всегда дурно обращалась с тобой! Ох, уж только бы миновала эта беда, я пальцем тебя больше не трону!

Смирённое раскаяние мачехи ещё сильнее растрогало меня.

— Вы мне скажите только, чем вам помочь, я всё сделаю! — с жаром уверял я её.

— Помочь-то мне, конечно, можно, милый Джимми, только мне не хочется просить тебя об этом. Вот тебе, голубчик, полтора пенса¹, трать их, как хочешь.

Щедрость миссис Берк очень удивила меня, и я стал ещё больше упрощивать её сказать мне, как помочь ей.

— Да видишь ли, душенька, — проговорила она наконец, — ты бы мог сказать папе, что я дала тебе денег и послала тебя в аптеку купить для твоей маленькой сестрёнки лекарства и что ты будто бы потерял эти деньги. Ведь это нетрудно, голубчик Джимми?

— А если отец поколотит меня?

— Полно, дружок! Как же это можно? Ведь я буду тут. Я скажу отцу, что на тебя налетел ротозей огромного роста, толкнул тебя, выхватил у тебя деньги и убежал, так что ты ни в чём не виноват. Отец не станет тебя бить, будь уверен! А теперь поди погуляй, купи себе что хочешь на свой полтора пенса.

Я ушёл, хотя на душе у меня было беспокойно. Я нарочно не спешил в этот вечер возвращаться домой, чтобы мачеха успела рассказать отцу историю о потерянных деньгах.

Когда я вошёл, отец стоял у дверей с ремнём в руке.

— Иди-ка сюда, негодяй! — вскричал он, хватая меня за ухо. — Куда ты девал мой деньги? Говори сейчас!

— Я потерял их, папа! — проговорил я в страхе, смотря умоляющими глазами на миссис Берк. Я ожидал, что она вступится за меня.

— Потерял? Где же это ты их потерял?

— Да я шёл купить лекарство для Полли, а большой мальчик наскочил на меня и вышиб их у меня из рук.

— И ты думаешь, я поверю твоим рассказам! — вскричал отец, бледный от гнева.

Меня не особенно удивило недоверие отца, но я был просто поражён, когда мачеха вдруг проговорила:

— Да, вот он и мне сказал такую же неправду. А спросите-

¹ Пенс, пени — мелкая монета, не больше пятака.

ка у него, Джемс, где он шатался до сих пор и отчего у него масляные пятна на переднике?

На моём переднике действительно были пятна от жирного пирожка, которым я полакомился за свой полтора пенса.

— Ах ты, дрянной ворюшка! — закричал отец. — Ты украл мой деньги и угощался на них!

— Да, я думаю, что это так, Джемс, — сказала подлая женщина, — и я советовала бы вам задать ему хорошую порку.

Она стояла тут, пока отец стегал меня до крови толстым кожаным ремнём. Насколько было возможно, я прокричал ему всю историю о деньгах, но он не слушал меня и бил, пока рука у него не устала. После порки меня заперли в тёмную комнату и оставили там до ночи. О, как возненавидел я мамеху! Я был так взбешён, что почти не чувствовал боли от кровавых рубцов.

Отец слёпо верил этой лукавой обманщице и требовал, чтобы я любил её, как родную мать. Раз вечером он пришёл вместе с каким-то молодым человеком и послал меня за бутылкой рома¹. Когда я принёс ром, гость налил стаканы и стал пить за здоровье отца и мамехи и желать им всякого счастья. Меня это несколько не интересовало, и я уже собирался уйти вон из комнаты, когда отец остановил меня.

— Поди сюда, Джим, — сказал он. — Видишь ты, кто это сидит на стуле?

— Конечно, вижу, — отвечал я. — Это моя мамеха, миссис Берк.

— Не смей называть её мамехой! Она тебе не мамеха! — крикнул отец.

— А кто же она?

— Она тебе мама — вот как ты должен называть её! И ты должен любить её, как родную мать. Поди поцелуй её сию же минуту.

В словах отца не было ничего особенно печального, но, услышав их, я принялся горько плакать.

¹ Р о м а (ром) — очень крепкой водки.

— Скажите, пожалуйста, чего́ этот негодяй хны́чет? — закрича́л оте́ц.

— Оста́вь его́, друг мой, — вмеша́лась ма́чеха. — Он ужасно упрямый мальчи́шка... Да ведь ты и сам зна́ешь, какой он дрянно́й!

Я запла́кал ещё сильнее́, потому́ что я очень любил мою́ покойную мать и мне было́ больно называ́ть скве́рную, лживую же́нщину ма́терью.

Оте́ц рассерди́лся и уда́рил кулако́м по́ столу.

— По́лно, не напада́йте на мальчу́гана! — сказа́л гость. — Ско́лько ему́ лет, Джемс? — обрати́лся он к отцу́.

— Се́дьмо́й год.

— Э, так ему́, пожа́луй, ско́ро приде́тся само́му себе́ хлеб зараба́тывать.

— Ещё́ бы, ещё́ бы! Давно́ пора́! — затарато́рила ма́чеха. — Вон какой большо́й мальчи́шка! Пора́ зараба́тывать де́ньги. Дово́льно безде́льничать.

— Да ведь он и так рабо́тает, — недово́льным го́лосом за́мечил оте́ц: — он це́лые дни ня́нчит По́лли.

— Ну, уж рабо́та! Сиди́т себе́ с ми́лой кро́шкой на рука́х, а то бро́сит её да игра́ет с мальчи́шками.

— А я вам скажу́, — реши́тельным го́лосом произне́с гость, — что нет ху́же на све́те рабо́ты, как ня́нчить ребёнка! Меня́ само́го заставля́ли занима́ться э́тим ми́лым де́лом, но я бро́сил его́ при пе́рвой возмо́жности, хотя́ мне по́сле э́того пришло́сь вяза́ться просто за ла́янье.

При э́тих слова́х до́брый гость су́нул мне тихо́нько в ру́ку пе́нни. Мне ужасно хоте́лось скорей ули́знуть, что́бы проку́тить свой де́ньги, и я переста́л обраща́ть внима́ние на разгово́ры большо́их. Одна́ко слова́ молодого́ челове́ка о ла́янье кре́пко запа́ли мне в ум. Я сам охотнее́ стал бы ла́ять по-соба́чьи, чем ня́нчиться с ребёнком. Но кому́ могло́ понáдобиться моё ла́янье? Я ви́дал иногда́, как пасту́х гоня́л ста́до ове́ц, и ви́дел, как ма́льчики помога́ли ему́ загоня́ть ста́до и при э́том ла́яли и визжа́ли по-соба́чьи, но я нико́гда не вообража́л, что́бы за тако́е де́ло плати́ли де́ньги. За́чем пастуху́ нанима́ть ма́льчиков

для ла́янья? Ему́ дешёвле сто́ило бы содер́жать настоя́щую соба́ку, — рассу́жда́л я. Одна́ко гость сказа́л, что ла́ять лу́чше, чем ня́нчить ребёнка, а он ещё не знал, как х́удо мне живётся, как ма́ло заботи́тся обо мне о́тец, как му́чит меня́ зла́я ма́чеха! Ему́ было́ неприятно ня́нчить ребёнка, а для меня́ это́ — настоя́щая пы́тка.

II

Новые мучения. — Бегство

Малю́тка По́лли не дава́ла мне поко́я да́же но́чью. Её укла́дывали в мою́ постель́ ра́но ве́чером, и, ложа́сь спать, я все́ми си́лами стара́лся не разбудить её. Если́ это́ удава́лось, я мог спать споко́йно часа́ три-четы́ре. Но во второ́м часу́ но́чи де́вочка просыпа́лась и начина́ла крича́ть во все́ го́рло. Её ниче́м нельзя́ бы́ло унять, ей непре́менно́ ну́жно бы́ло дать пить и есть. Около́ на́шей постели́ всегда́ кла́ли кусо́к хлеба́ с ма́слом и ста́вили кувши́н молока́. Де́вочка молча́ла, пока́ е́ла, но по но́чам аппети́т у неё был о́чень большо́й, и, бы́стро истреби́в все припа́сы, она́ о́пять принима́лась крича́ть. Никакие́ ла́ски, никакие́ пе́сни, ника́кое баю́канье не могли́ успоко́ить её.

— Ма́ма! ма́ма! ма́ма! — ора́ла она́ так, что бы́ло слы́шно на друго́м конце́ у́лицы.

Я напряга́л все си́лы, что́бы успоко́ить её.

— По́лли, не хо́чешь ли погуля́ть с Джи́мми? — спра́шивал я её.

Иногда́, о́собенно в све́тлые, лу́нные но́чи, она́ соглаша́лась. Мы, коне́чно, не могли́ в са́мом де́ле иди́ти гуля́ть, но По́лли не понима́ла это́го. Мы с ней одева́лись, как бу́дто собира́лись вы́йти на у́лицу. Я надева́л на неё шля́пку ма́чехи и на́кидывал ей на́ плечи свою́ куртку. Мой костю́м для гуля́нья состоя́л про́сто из ста́рой меховой́ ша́пки о́тца, храни́вшейся под на́шим тю́фяком. Когда́ мы бы́ли одёты, я говори́л го́лосом ма́чехи:

— Джи́мми, погуля́й с По́лли, покажи́ ей ла́вку с леденца́ми!

И отвеча́л уже́ свои́м го́лосом:

— Мы готовы, сейчас идём!

Затём мы отправлялись на прогулку, но никак не могли найти двери. В этом состояла главная штука. Нам нужно было выйти на улицу, чтобы купить леденцов, а мы не могли добраться до дверей. Большая шляпа, надетая на голову Пóлли, отлично помогала мне в этом случае. Чáсто Пóлли, прогуляв таким образом у меня на руках с полчаса, засыпала, и я осторожно укладывал её в постель. Случалось — и это было хуже всего, — что она совсем не хотела идти гулять. Напрáсно обещал я ей леденцов, напрáсно я ла-ял по-собáчьи, мяукал кошкой, изображал индюков, поросят и цыплят: она ничего не слóшала, ни на что не смотрела и громким гóлосом требовала «леп». Слóвом «леп» она называла хлеб с мáслом, и это слóво она с криком повторяла в отвёт на все мои уговóры. За стеной раздавался стук: это мáчеха колотила пáлкой в стéну:

— Что ты там делаешь с бедной крошкой, злой мальчишка?

— Она просит «леп».

— Так что же, ты не можешь встать и подать ей, лентяй?

— Да нечего подавать, она всё съела.

— Как — всё съела? Ах ты, лгун! Ты, верно, опять принялся за свои гáдкие штуки — сам слóпал всю еду бедной малютки! Сейчас же успокой её, не выводí меня из терпéния, не то тебе достáнется!

Я знал, что мне в самом деле сильно достáнется, и начинал со слезами упрашивать Пóлли, чтобы она замолчала. Но не тут-то было! Заслышав гóлос мáчехи, она принималась кричать пуще прёжнего. Дрожá от стрáха, я слышал шагí в соседней комнате, скрип дверной ручки, и вот рассерженная мáчеха в одной рубáшке и ночном чепце врывáлась в комнату. Не говоря ни слóва, она бросáлась на меня и начинала без милосердия

бить меня по голому телу. Она прижимала мою голову к подушке — так что я не мог даже кричать.

Отец не знал, что она со мной выделывает: она всё время повторяла громким голосом, что отколотит меня, если я ещё раз съем то, что приготовлено для ребёнка.

— Да что ты страшась его попусту? — кричал отец из другой комнаты. — Ты бы хорошенько задала ему, обжоре поганому, а то он в грош тебя не ставит.

— Да уж и моё терпение скоро лопнет! — говорила мачеха. — Смотри же ты, негодяй!

Затем она возвращалась в комнату и говорила отцу:

— Лучше обойтись без побоев, Джемс. Побоями мало хорошего можно сделать из ребёнка.

Удивительно, что после потасовки, заданной мне, Полли обыкновенно свёртывалась клубочком и засыпала как ни в чём не бывало. Оттого отец думал, что я и в самом деле могу успокоить её, когда захочу. Раз я не вытерпел и стал жаловаться на мачеху.

— Нисколько я тебя не жалю! — отвечал отец. — Такого упрямого негодяя надо бы ещё не так учить.

— Ну, — сказал я, — недолго ей надо мною потешаться: вырасту большой, я ей покажу!

Отец посмотрел на меня и засмеялся.

— Если бы я был большой, — продолжал я, ободрённый его смехом, — я бы ей нос расшиб, я бы ей ноги перебил! Я её ненавижу!

— Полно глупости болтать! — остановил меня отец.

— Она вам всё время лжёт. У меня минутки нет свободной, я должен всё время возиться с Полли!

— Эка важность — присмотреть за ребёнком! Другие мальчики в твой годы уж умеют сами деньги зарабатывать.

— И мне бы хотелось работать, папа.

— «Хотелось бы работать!» Работу надо искать, она сама к людям не приходит. Вон, как я иду на рынок, часа в четыре утра, когда ты ещё спишь, я встречаю мальчиков вдвое меньше тебя. Зарабатывают себе пенни-другой, ну и поедят. А нет, так и сидят голодные.

— У меня нет ни' порядочных штанов, ни чулок, ни сапог, папа. Как же я пойду искать работу?

— Ах ты, дурак, дурак! Ты думаешь, для работы нужен шикарный наряд! Вон у тех мальчиков, про которых я говорю, одна рубашка на теле, а дело делают не хуже других: носьят рыбу, корзины с картофелем, стерегут лодки и тележки с товаром. А тебе нужно идти на работу в белом воротничке да в перчатках! Хорош гусь!

Отец с презрением отвернулся от меня и ушёл.

С каждым днём мачеха всё больше мучила меня. Особенно плохо стало после того, как один раз отец нашёл её пьяной и побил. Часто мне приходилось бы голодать по целым дням, если бы меня не жалела старая прачка, миссис Уинкшип. Миссис Уинкшип давно знала мою мать и всегда хвалила её: «Она была слишком хороша для твоего отца, а он слишком хорош для этой злой, хитрой Берк», — говорила она. Я обыкновенно поверял миссис Уинкшип все свои огорчения. Она зазывала меня к себе на кухню и кормила остатками своего обеда. Иногда она брала к себе Пблли и нянчилась с ней, пока я играл часок-другой. Я спросил у миссис Уинкшип, что такое «ляятель». Она объяснила мне, что так называют мальчугана, которого нанимает разносчик, чтобы везти тележку с товаром, присматривать за ней, пока хозяин закупает на рынке разные вещи, и потом помогать ему выкрикивать свой товар.

— А какой был самый маленький ляятель, какого вы видели? — полюбопытствовал я.

— Какой? Да я видела таких, что придутся тебе по плечо. Тут рост — последнее дело. Главное — надобно иметь музыкальный голос.

Миссис Уинкшип долго толковала, как много значит для продавца умение громким и приятным голосом выкрикивать свой товар. Она говорила, что каждую вещь следует выкрикивать особенным голосом. Продавцы угля кричат так, а продавцы молока — вот этак.

После этого меня стал мучить вопрос: есть ли у меня музыкальный голос? Мачеха моя считалась хорошей певицей, я

научился у неё несколькими песнями и часто напевал их, как будто неплохо. Но кто знает — может быть, мой голос, хороший для песен, окажется никуда не годным для криков о рыбе или о каких-нибудь фруктах! Мне во что бы то ни стало хотелось избавиться от колотушек мачехи, а я не мог придумать для этого другого средства, как сделаться лаятелем. Я несколько раз пытался кричать, подражая то тому, то другому разносчику, но не мог решить, хорошо я кричу или худо.

Раз, сидя на лестнице с Полли на руках, я так задумался, что малютка выпала у меня из рук и с криком покатилась по ступеням. Миссис Берк услышала её крик и налетела на меня с быстротой молнии. Не слушая моих объяснений, даже не подняв ребёнка с полу, она схватила меня за волосы и стукнула несколько раз головой о стену. Она хотела взять меня за ухо, но я увернулся, и она до крови расцарапала мне щеку. Потом она принялась бить меня кулаками и защемила мой нос между пальцами. Боль привела меня в бешенство. Я вырвался и укусил её за палец. Она вскрикнула от боли и выпустила меня. Воспользовавшись этим, я бросился от неё в сторону и пустился со всех ног бежать по нашему переулку.

III

Вечер на Смитфилдском рынке.—Мне угрожает серьёзная опасность

Не знаю, преследовала ли меня миссис Берк. Я бежал по нашему переулку и даже не оглядывался. Прачка миссис Уинкшип увидела меня и, догадавшись по моему перепуганному лицу, что я бегу от большой опасности, крикнула мне:

— Беги, Джимми, беги скорей, чтобы тебя не догнали!

Из переулка я побежал по Тернмиллской улице и повернул к Смитфилдскому рынку. Я понимал, что на открытом месте миссис Берк легко может догнать меня, а в закоулках и узких проходах рыночной площади ей меня не найти.

Рыночная площадь была спокойна и пуста. Я хорошо знал

эту площадь, так как часто играл на ней с товарищами. Теперь я вспомнил, что мальчишки не любили ходить в свиной ряд, и направился именно туда. Я влез на ступеньки одной закрытой лавки и осмотрелся кругом. Миссис Берк не было видно нигде. Я запыхался от сильного бега, я ревел от боли и злости. Слезы мои смешивались с кровью царяпин, проведенных по моему лицу ногтями миссис Берк. Волосы у меня были всклокочены, шапки не было; босые ноги были в грязи, куртка покрыта дырами и заплатами. Вот в каком виде сидел я на ступеньках свиного ряда в теплый майский вечер.

Первые полчаса мои мысли были заняты одним: я все боялся, что миссис Берк притаилась где-нибудь в углу и вдруг набросится на меня. Я беспрестанно осматривался по сторонам и пугливо прислушивался к каждому шороху. Но время шло, а моего врага нигде не было видно. Мало-помалу я успокоился и, услышав, что пробило четыре часа, начал серьезно обдумывать, что мне делать. Идти домой? Нет, невозможно! Она убьет меня. Теперь она может делать со мной все, что захочет: она покажет отцу свой укушенный палец, и он скажет, что я заслужил наказание. Что я скажу отцу? Я укусил ее — это было гадко. Кроме того, я уронил ребенка. Мне велели сидеть смиренно и крепко держать девочку, а я выпустил ее из рук, она ушиблась и, может быть, очень сильно. Бедная Полли! Она упала с ужасными криками: может быть, у нее переломаны теперь все кости. Может быть, оттого мачеха за мной и не погналась. Нет, нечего и думать о возвращении домой!

Но куда же мне деться? На улице стемнело. Начали зажигать фонари. Сидеть в свином ряду было очень неприятно. Я пробрался в другой ряд и там опять сел, стараясь обдумать свое положение. Становилось темно. Мне все больше хотелось есть. Я стал думать: что со мной случится, если я вернусь домой? Я припоминал самые сильные побои, какие мне случалось получать когда-либо, и старался представить себе, в состоянии ли я буду перенести такое наказание. Вдруг кто-то дотронулся до моей руки, и, подняв глаза, я увидел перед собой какого-то мужчину, державшего в руке дга пенса.

— Ах ты, замарашка! — сказа́л он сострада́тельным го́лосом. — Возьми́, купи́ себе́ хлѣба.

Пре́жде чем я успе́л опомни́ться от уди́вления, прохо́жий исче́з в темноте́. Я да́же не поблагодари́л его́ и не зна́л, ра́доваться ли мне полу́ченным деньга́м. За́чем он не сказа́л прѳсто: «Вот тебе́ два пѣнса!» Меня́ мно́гие называ́ли замарашкой, и э́то не оскорбля́ло меня́, но за́чем он велѣ́л мне купи́ть хлѣба, как бу́дто я ни́щий! Что́бы поддержа́ть свое́ досто́инство, я закрича́л гро́мким, здоро́вым го́лосом в ту сто́рону, куда́ уше́л сострада́тельный челове́к:

— Не ста́ну я покупа́ть хлѣба! Куплю́ чего́ взду́мается!

И я поше́л с твѣрдым жела́нием сде́лать назло́ челове́ку, пода́вшему мне ми́лостыню. Я решите́льно отве́тывался от бу́лочных, попада́вшихся мне по доро́ге, и стара́лся ду́мать то́лько о ла́комствах. Так я доше́л до небольшо́й лавчо́нки, где продава́лось варе́нье. На ка́ждой ба́нке была́ на́дпись с обозна́чением це́ны. Особе́нно соблазните́льною показале́сь мне одна́ ба́нка с варе́ньем из слив. На ба́нке бы́ло напи́сано: «18 пѣнсов за фунт». Я ста́л счита́ть по па́льцам и нашѣ́л, что 3 гра́мма э́того варе́нья бу́дут сто́ить 2 пѣнса и 1 фа́ртинг¹. Одно́го фа́ртинга у меня́, пра́вда, не хвата́ло, но все́ равно́ я могу́ спроси́ть себе́ прѳсто на два пѣнса варе́нья. Два пѣнса — де́ньги хоро́шие, э́то не то что ка́кие-нибу́дь полпѣнса.

«Пожа́луйте мне варе́нья из слив на два пѣнса!» — повто́рил я само́му себе́ и твѣрды́ми шага́ми поше́л к дверя́м ла́вки. Но едва́ ступи́л я на поро́г, как получи́л уда́р по́ уху.

— Убира́йся прочь! — крикну́ла стару́ха-хозя́йка. — Я уже́ мину́т де́сять слежу́ за тобо́й, дрянно́й вори́шка!

И с э́тими слова́ми она́ захло́пнула дверь.

Я бы́л стра́шно раздоса́дован. Я бро́сился на у́лицу за ка́мнем и хоте́л разби́ть о́кна га́дкой лавчо́нки. Но в э́ту мину́ту меня́ порази́л тако́й заманчи́вый за́пах, что гнев мой сейча́с же исче́з.

За́пах выходи́л из сосѣ́дней заку́сочной. Должно́ быть, там

¹ Фа́ртинг (англ.) — са́мая ме́лкая моне́та, ме́ньше копе́йки.

только что вынули из печи гороховый пудинг и масляные лепёшки. Что было бы со мной, если бы я подошёл к дверям закусочной, уже истратив на жалкую каплю варенья свой два пенса! Не колеблясь ни минуты, я вошёл в закусочную и купил себе ужин: одну масляную лепёшку, кусок горохового пудинга на полпенса и на полпенса печёного картофеля. Мне хотелось тотчас же приняться за ужин, но я слышал, что на свете есть злые люди, которые подстерегают беззащитных детей и обирают их. Поэтому я завернул свой ужин в пустной лист, спрятал его за пазуху, вернулся в свинной ряд и там с величайшим наслаждением съел всё до последней крошки.

Не скажу, чтобы я был вполне сыт. Нет, я мог бы съесть втрое больше, но всё-таки ужин несколько утолил мой голод. Мысли мои опять перенеслись к маленькой Пóлли. Какое-то ей теперь? Она не могла разговаривать со мной, но я видел, что ей очень неприятно, когда я плачу. Когда миссис Берк колотила меня, маленькая Пóлли обвивала мою шею ручонками и нежно целовала меня.

Мне стало так тяжело, что я решил пойти домой или хоть побродить около нашего переулка, пока кто-нибудь из соседей не расскажет мне, что у нас делается.

Было уже совсем темно, и по дороге от Смитфилдского рынка мне встретилось мало прохожих. Я шёл очень осторожно, осматриваясь по сторонам, и прятался в подворотни, когда мне казалось, что навстречу идёт кто-нибудь похожий на отца или на миссис Берк. Но страхи мои оказались излишними, и я безопасно прошёл уже половину Тернмиллской улицы. Вдруг, не доходя сажени двадцати до нашего переулка, я наткнулся на одного из моих приятелей, Джерри Пёпа, мальчишка годами

тремя-четырьмя старше меня. Впрочем, не я наткнулся на него, а он на меня. Он бежал через улицу прямо ко мне и обнял меня обеими руками, как будто необыкновенно обрадовался мне.

— Джим! Милый друг! — крикнул он. — Куда ты идёшь?

— Сам не знаю, Джерри, — отвечал я. — Хотелось мне сходить домой посмотреть...

— Разве ты не был дома? Не был с самого утра, с тех пор как убежал?

— Да, я целый день пробыл на улице. Что там у нас делается, Джерри? Не видел ли ты маленькой Пólли сегодня после обеда?

Пеп не отвечал на мой вопрос.

— Если ты не был дома, так иди скорее! — сказал он, хватая меня за ворот и толкая по направлению к нашему переулку. — Пойдём, пойдём!

Поведение Джерри показалось мне подозрительным.

— Я пойду домой, когда захочу, — сказал я и сел на мостовую. — Тебе нечего толкать меня, Пеп!

— Я тебя толкаю? Вот выдумал! С какой стати мне тебя толкать! Ты же сам сказал, что идёшь домой. Стоишь ты, чтобы тебе оказывали услуги!

— Какие услуги, Джерри?

— Какие? Очень просто — какие! Там в переулке все ревмя ревут по тебе! И отец, и мачеха, и маленькая Пólли, даже слюшай жалько! Ужинать без тебя не хотят садиться, а у них к ужину приготовлен огромный мясной пудинг с картофелем! Я и думаю: они тут убиваются, ждут своего любимого Джимми, а Джимми шатается по улицам, боится вернуться домой. Пойду-ка, скажу ему, что бояться нечего. Вот и пошёл. А ты валяешься себе на мостовой да думаешь, что я вру!

Я посмотрел прямо в лицо Джерри, и при свете газового фонаря лицо его показалось мне таким честным, что я перестал сомневаться. А между тем рассказ его был почти невероятен. Все обо мне плачут? Все с любовью говорят обо мне? Мясной

пудинг стынет из-за меня? Я почувствовал угрызения совести, и даже слёзы выступили у меня на глазах.

— Джёрри, ты это правду говоришь? — вскричал я, вскакивая на ноги. — Ты уверен, что это правда? Потому что ведь ты знаешь, как мне плохо придётся, если ты сказал неправду. Ты знаешь, как она бьёт меня и таскает за волосы!

— Чего там неправду! Все воют о тебе, точно весь дом горит, а отец хуже всех! Да если ты мне не веришь, войди в переулочек: его голос слышен уже возле дома Уинкшип. Он повеситься готов от горя!

— А Полли? Что она? Здорова? Не сломала ли она себе какой-нибудь кости, когда я уронил её с лестницы, не разбила ли носа в кровь? Не вскочила ли у неё на голове шишка?

— Ах, вот ты чего бойшься! — весело сказал Джёрри. — Полно, она совсем здорова! Когда её подняли, она хохотала, как сумасшедшая. Её схватили и понесли к доктору...

— Как! Зачем же к доктору, Джёрри? Ведь ты говоришь — она не ушиблась?

— Да разве я сказал: к доктору? — проговорил Пеп, отворачиваясь от меня в смущении.

— Сказал, сказал, Пеп! Ты сказал, что её понесли к доктору.

— Ну, так ведь я не сказал, зачем. Я только сказал, что когда её подняли, она хохотала. Ну, она так сильно хохотала, что они даже испугались, подумали, не больна ли она, и снесли её к доктору.

Совершенно успокоенный и утешенный этим объяснением, я радостно подскакивая, пустился к нашему переулку. Джёрри шёл рядом со мной, весело болтая. Мы уже были в нескольких шагах от переулка, как вдруг к нам подскочил один мальчик, с которым я тоже играл не раз, и схватил меня за руку.

— Поймали, поймали! — закричал он. — Ведь пополам, Джёрри? Пополам, не правда ли?

— Ну нет! — вскричал Джёрри, схватывая меня за другую руку. — Не стану я делиться с тобой! Я за ним гоняюсь с тех пор, как его отец вернулся домой. Я первый поймал его!

— А я тебе говорю: пополам! — сказал другой мальчик, крепче сжимая мне руку. — Я следил за вами с тех пор, как вы встретились. Без меня тебе не дотащить бы его до дому. Нечего болтать пустяков, ведём его!

— Ступай прочь! Джемс Бализет что сказал? Кто первый его поймаёт и приведёт домой, тому — шиллинг¹. А о втором он ничего не говорил!

— Ну, ну, помалкивай! — сказал другой мальчик. Он был сильнее Джерри. — Иди же, иди! — Эти последние слова относились ко мне. — С тобой-то я делиться не стану. Тебя отец избьёт до полусмерти, как только ты попадёшь к нему в руки.

Не помня себя от страха, я выскользнул из их рук и упал на мостовую, крича во всё горло, что скорее умру, чем сделаю ещё хоть шаг к нашему переулку. Так как я был босой, я не мог очень сильно лягаться, но всё-таки довольно удачно отбивался от своих неприятелей.

Оба мальчика были в отчаянии. Низкий изменник Джерри побледнел от злости. Хотя он был известен своей трусостью, но тут на него вдруг нашёл припадок храбрости. Он повернулся к

¹ Ш и л л и н г (англ.) — серебряная монета, равная полтиннику.

своему противнику и со всего размаха ударил его кулаком по лицу. Мальчик стоял секунду неподвижно, ошеломленный ударом, и пристально смотрел на Джерри, потирая ушибленный нос. Потом вдруг одним прыжком бросился на Джерри, повалил его на землю и принялся колотить изо всех сил.

Несчастье моего врага было так приятно мне, что я, забывая об опасности, несколько минут любовался этой сценой. Однако в голове моей мелькнула мысль: «Пока они дерутся, мне надо спасаться!» Я в ту же секунду вскочил на ноги и с быстротой молнии пустился бежать, пока мои противники били друг друга, валяясь в грязи среди улицы.

IV

Я пробую лаять.— Мои новые знакомые

Я побежал назад, в ту сторону, откуда пришёл, и снова очутился в Смитфилде, в той части рынка, где провёл большую часть дня. Никто не гнался за мной, и на базаре было ещё тише и тише, чем полчаса назад, когда я ушёл оттуда. Теперь я уже знал, что возвратиться домой — безумие. После разговоров между Джерри Пэпом и его товарищем я не сомневался, что и отец и миссис Берк страшно рассержены на меня. Отцу так хотелось расправиться со мной поскорее, что он даже обещал целый шиллинг тому, кто меня поймаёт. Для него это были большие деньги: на шиллинг он мог купить себе три кружки пива. Но если я не вернусь домой, что же мне делать? Где я буду спать?

До сих пор я всегда спал на кровати. Было не очень удобно, но всё же это была кровать. А теперь... Неужели мне ночевать там, где я сижу? Впрочем, почему бы не так? Я хорошо поужинал, а ночь не особенно холодная. Одну ночь можно переспать. Свернусь здесь в уголке, да и засну! Светает теперь рано, и тогда...

Тогда... да, что же я буду делать тогда? Прежде чем ложиться спать, соображу, за какую работу взяться, и завтра с

утра поищу себе занятий. За какую же работу мне взяться? Конечно, за л а я н ь е! Пойду завтра на какой-нибудь рынок, высмотрю там разносчика подороже и предложу ему свои услуги. А что, если голос мой окажется недостаточно звонким? Надо попробовать!

Было ещё не поздно, всего десятый час, и я удалился в самую середину свиного ряда, чтобы начать там свои упражнения.

Какие цветы и плоды я буду продавать? Из цветов верней всего, что желтофиоли, — теперь их много покупают.

— Желтофиоли! Свежие, душистые желтофиоли!

Голос мой показился мне довольно громким, но всё-таки выходило не так, как у настоящих разносчиков. Надо было побольше протянуть «о-фио-ли». Попробуем ещё раз:

— Желто-о-фиоли! Свежие, душистые желто-о-о-фиоли!

Так было гораздо лучше. Я с четверть часа ходил взад и вперёд по тёмному ряду и громко торговал желтофиолями. Я кричал «го! го!» воображаемому ослу, перевозившему корзины с цветами, и почтительно обращался к воображаемому хозяину за мелочью. Выучившись вполне удовлетворительно продавать желтофиоли, я принялся за землянику. Оказалось, что выкрикивать землянику труднее.

— Земляника сладкая, земляника сочная, купите землянику! — кричал я на разные голоса и всё не мог попасть в тон.

Наконец, после множества повторений, я наловчился выкрикивать землянику как будто бы совсем хорошо. Тут я заметил, что за углом склада притаились два мальчика. Мне сейчас же представилось, что это Джерри Пеп и его противник, что, окончив свою битву, они согласились действовать заодно против меня. В ту минуту, когда я повернулся к ним, один из них выскочил из своей засады и схватил меня за волосы.

— «Земляника сладкая! Земляника сочная!» — закричал он, передразнивая меня и дёргая за волосы при каждом слове. — Чего ты тут кричишь? Как ты смеешь поднимать шум на базаре, когда тебе давно пора лежать у себя на кровати, а?

Он подражал голосу и жестам рассерженного полицейского.

Хотя он преболѣно таскал меня за волосы, но, повернувшись к нему, я почувствовал радость. Это не Джерри Пеп и не его соперник, это другие мальчики! Значит, они не потащат меня домой!

— Слышишь, мальчик? — продолжал шутить мой «полицейский». — Иди сейчас домой, не то я сведу тебя в полицию!

— Сами вы идите домой! — отвечал я, вырываясь из его рук. — Чего вы сами не идёте домой? Что вы ко мне пристали?

— Да мы и то идём домой, — отвечал другой мальчик, хохотавший над проделкой товарища. — Мы были в театре, а теперь возвращаемся домой. — Потом, обращаясь к своему спутнику, он прибавил: — Пойдём, в самом деле, Мбулди! Мы этак и к ночи не доберёмся до Вестминстера¹.

Я несколько раз бывал с отцом на рынке Ковентгартен и знал, что рынок находится или в самом Вестминстере, или около него, но дороги туда я не мог найти и решил расспросить мальчиков.

— В какой части Вестминстера живёте вы? — спросил я у мальчика, сказавшего последние слова.

— Конечно, в самой лучшей, — отвечал он.

— А близко от вас до Ковентгартена?

— До театра Ковентгартен? — спросил Мбулди. — Помилуйте, в нашей коляске минуты две езды, и мы с Рипстоном всегда берём себе там самые дорогие места! Правда ведь, Рипстон?

— Полно тебе пустяки болтать, — остановил его Рипстон. — Мы живём, правда, близко и от рынка Ковентгартена и от театра. Живём в Дельфах. А ты, мальчуган?

¹ Вестминстер — центральная, аристократическая часть Лондона.

«Не всё ли равно, где я живу? — подумал я. — В Ковент-гартене я найду себе такой же удобный ночлег, как и в Смит-филде. Если я пойду туда с этими мальчиками, они покажут мне дорогу, и я буду завтра во-время на месте».

— Пойдёмте, — сказал я, — уже поздно.

— Да ты куда же идёшь? — с удивлением спросил Мбулди.

— Я иду с вами, — смело отвечал я.

— Да ведь мы идём в Дэльфы.

— И я туда же.

— Разве ты живёшь в Арках?

— В каких Арках? Вы сказали — в Дэльфах?

— Ну да, Дэльфы, или Арки, — это ведь всё равно.

— Ах, я не знал! Да я и не мог знать, я ведь никогда там не бывал.

— Никогда не бывал! Ты же сказал, что живёшь там?

— Нет, я нигде не живу, у меня нет никакой квартиры.

— Ну, уж это пустяки! — вскричал Мбулди. — У всякого человека есть квартира. Где же твоё старое жильё?

— Где моё жильё?

Мне не хотелось рассказывать этим незнакомым мальчикам про все свои дела, но они пристали ко мне с расспросами, и я не мог больше скрывать от них, что я бездомный бродяга. Впрочем, им, кажется, не опасно открыться. Они, повидимому, живут сами по себе и, может быть, даже помогут мне пристроиться и найти работу.

— А вы обещаете, что не выдадите меня, если я вам всё расскажу? — спросил я.

Они торжественно заверили меня, что не способны на такую низость.

— Ну, вот видите... я жил дома, с отцом, там я и спал до сегодняшней ночи.

— И ты убежал? И не хочешь возвращаться домой?

— Я никогда не возвращусь! Мне нельзя возвратиться, — с убеждением отвечал я.

— Понимаю, — сказал Мбулди. — Ты что же там такое стибрил?

— Как — ст í б р и л?

— Ну стащил, украд. Тебя поймали? Или тебе удалось благополучно улизнуть?

— Как — поймали? Я ничего не украд, я просто бежал от того, что меня там били.

Мальчики недоверчиво переглянулись.

— И неужели ты в самом деле только оттого убежал, что тебя били? — спросил Рипстон.

— «Только»! Если бы вам задавали такого трезвону, вы не говорили бы «только»!

— А тебе давали там обедать и всё такое?

— Давали.

— И у тебя была настоящая постель с простынями, с одеялом, с подушкой?

— Конечно.

— Каково! Он ещё говорит: «конечно»! — вскричал Рипстон. — И неужели, ты думаешь, мы поверим, что ты бросил всё — и еду и постель — и убежал из дому только оттого, что тебя били! Ты просто лгунишка.

— Или набитый дурак! — решительно сказал Мбулди.

— Не верьте мне, если не хотите, — проговорил я. — Только я сказал вам сущую правду.

— Что же, может, оно и так, — заметил Рипстон. — На свете случаются странные вещи... Только вот я тебе что скажу, мальчик: кто бежит из хорошей квартиры да от хорошей еды только потому, что его бьют, того и стоит оставить без квартиры и без еды, пока он научится ценить их!

— Пусть бы меня бил кто-нибудь с утра до вечера, — заметил Мбулди, — только бы дал мне порядочное жильё.

— Ну, ему это было бы невыгодно, Мбулди, — смеясь, отвечал его товарищ. — Нет, я не верю, что этот мальчишка убежал от побоев. Он, должно быть, обокрал или поджёг кого-нибудь, только не хочет признаться: боится, что мы выдадим. Оно и понятно: ведь он нас не знает.

Разговаривая таким образом, мы шли вперёд очень скоро. Впрочем, нам приходилось часто останавливаться, так как у

Мо́улди то и де́ло па́дали с ног его́ о́грóмные сапоги́. Мы прохо́дили по та́ким те́мным, изви́стым переу́лкам, ка́ких я в жи́зни не ви́дывал. Да́же днём путеше́ствие по э́тим узким, мра́чным переу́лкам не мо́гло быть при́ятно. А тепе́рь бы́ла ночь, те́мная ночь, и я чу́ствовал, что ка́ждый шаг удаля́ет меня́ от до́ма. Мо́я дома́шняя жи́знь бы́ла о́чень горька́, но всё-таки, по сло́вам мо́их спúтников, я был дура́к, что бро́сил её. Я начина́л чу́ствовать раская́ние, и слёзы вы́ступили у меня́ на глаза́х. Мы шли всё да́льше и на́конец очути́лись на широ́кой, освещённой я́ркими фонаря́ми у́лице.

V

Арки

Бы́ло уже́ по́здно, о́коло о́дннадцати часо́в, но на у́лице толпи́лось мно́жество наро́ду. Нас толка́ли на ка́ждом шагу́, и мы с трудо́м пробира́лись впе́рёд.

— Идём скорей! — заме́тил Ри́пстон, оборо́чиваясь ко мне. — Тепе́рь нам уже́ недале́ко.

Э́то заме́чание обра́довало меня́. Ко́гда мы вы́шли на широ́кую све́тлую у́лицу, я подумал: «В ка́ком прекра́сном ме́сте живу́т мо́и спúтники, и с ка́ким удово́льствием я сам стал бы жить здесь!» Но зате́м меня́ взяло́ разду́мье. О́ни сказа́ли, что идúт до́мой, в своё жили́ще, а меня́ с собо́й не зва́ли. Пожа́луй, о́ни войду́т в тот дом, где живу́т, а меня́ оста́вят сре́ди у́лицы. Сло́ва Ри́пстона: «Пойдём, тепе́рь уж недале́ко», обо́дрили меня́; я реши́л, что, зна́чит, о́ни приглаша́ют меня́ к себе́.

Вд́руг о́ба мо́и спúтника исче́зли. Куда́ о́ни дева́лись? Мо́жет быть, я обогна́л их, сам то́го не замеча́я? Хотя́ э́то бы́ло неправдоподобно, но я всё-таки повороти́л наза́д, грóмко кли́ча их по именáм. Ни́кто не отве́чал мне. Я побежа́л о́пять впе́рёд и изо всех сил кри́кнул: «Ри́пстон!» Не́т отве́та.

Отча́яние о́пять овладе́ло мно́ю. Мо́жет быть, ма́льчики на́ро́чно сыгра́ли со мно́й э́ту злу́ю шу́тку? Им не хоте́лось иди́ти со мно́й, и о́ни бро́сили меня́ сре́ди у́лицы. Мо́жет быть, о́ни

завели меня совсем не туда, где находится Ковентгартен, и я от него ещё дальше, чем был до встречи с ними? Все эти мысли были так печальны, что я не мог совладать со своим горем. Я прислонился к фонарному столбу и начал громко плакать. Вдруг я услышал знакомый голос:

— Смитфилд, где ты?

Меня не звали Смитфилдом, но так называлось то место, где меня встретили мои товарищи, и они, не зная моего настоящего имени, прозвали меня так. Голос, услышанный мною, был голос Мбулди, я в этом не сомневался.

— Я здесь! — отвечал я. — А вы где?

— Мы здесь. Разве ты не видишь?

Я не видел никого. Голос выходил словно из-под земли. Рядом с теми лавками, перед которыми я теперь очутился, тянулась невысокая стена. В стене, возле самой земли, были проделаны круглые дыры, которые вели куда-то вглубь. Не оттуда ли доносился ко мне этот голос?

Вдруг кто-то схватил меня за руку.

— Это ты, Мбулди? — спросил я.

— Конечно, я, — нетерпеливо отвечал он. — Иди же, если хочешь идти!

И Мбулди ввёл меня в одну из тех круглых пещер, которые были в стене. В лицо мне пахнуло сырым и холодным воздухом. Вокруг было так темно, что за два шага ничего нельзя было разглядеть. Пройдя метров десять в том ужасном проходе, который, как звериная нора шёл вглубь, я почувствовал такой страх, что принуждён был остановиться.

— Вы здесь живёте, Мбулди? — спросил я.

— Здесь, внизу, — отвечал он. — Надобно ещё немножко спуститься. Идём, чего ты боишься?

— Да здесь так темно, Мбулди...

— Ты, верно, привык спать на пуховиках, а мы не так избалованы. Идём, не топусти мою руку, не задерживай меня!

Я изо всех сил уцепился за его руку. Я не знал, что делать. Он, должно быть, почувствовал, как дрожала моя рука.

— Полно, чего тут бояться, малютка! — сказал он почти

ласково. — Пойдём скорей, там мы найдём фургон или телёгу и охапку соломы — будет на чём прилечь.

Я пошёл с ним дальше в тёмный, сырой проход. Проход этот так круто спускался вниз и был такой скользкий, что, будь я в башмаках, я, наверно, раз десять упал бы. Я старался ободрить себя, думая о том, как недурно будет в конце этого прохода найти телёгу с соломой, о которой говорил Мбулди, и улечься на ней. Какой добрый мальчик Мбулди, что так гостеприимно предлагает мне разделить с ним постель! Мы спускались всё ниже и ниже, а ветер, дувший нам в лицо, становился всё холоднее. Наконец мы догнали Рипстона. Он заворчал на нас, что мы так замешкались, и предсказывал, что теперь не найдётся ни одной пустой телёги.

— Куда мы идём? — спросил я несмело. — Куда ведёт эта дорога?

— В реку, если идти всё прямо, — смеясь, отвечал Рипстон.

— Чего ты его пугаешь? — добродушно вмешался Мбулди. — Да, Смитфилд, дорога ведёт в реку, если идти по ней всё прямо, но мы не пойдём прямо, мы свернём в сторону.

Я не помнил себя от страха и шёл вперёд потому, что если бы я вздумал воротиться, то не нашёл бы дороги. Кругом было попрежнему темно. Мбулди вёл меня за руку, а Рипстон шёл сзади, напевая какую-то весёлую песенку. Мы свернули в сторону и спустились вниз по лестнице. Дойдя до самой нижней ступени, Мбулди сказал:

— Ну, вот мы и пришли! Рип, возьми его за другую руку, а то он наткнётся на что-нибудь и разобьёт себе голову.

— Поднимай ноги, Смитфилд, — посоветовал мне Рипстон. — Да коли наступишь на что-нибудь тёплое, мягкое, не думай, что это муфта, не трбай, не то, пожалуй, укусит!

— Кто укусит? — боязливо спросил я, рассказывая, что не остался ночевать в свином ряду.

— Кто? Крыса! — отвечал Рипстон, видимо наслаждаясь моим страхом. — Тут бегают громадные крысы, с добрую кошку величиной.

— Полно болтать пустяки!
Иди вперед! — остановил товарища Мбулди.

Куда мы попали? Темно и страшно. От кирпичных стен валит густой пар, это видно при мерцающем свете салных огарков, рассеянных там и сям. Один из таких огарков прилажен к стене на старом ноже со штопором шагах в двадцати от лестницы, по которой мы спустились. Свет его падает на грязного, оборванного старика, который чинит сапог. Старик сидит на крышке рыбной корзины.

Рабочими инструментами ему служат старая столовая вилка и кусок бечевки. Провертев вилкой дыру в сапоге, старик заостряет губами конец бечевки и держит развалившийся сапог поближе к огарку, чтобы лучше разглядеть, куда попасть бечевкой. На носу у него очки или, лучше сказать, медная оправка с одним стеклышком. Руки у него дрожат так, что, даже высмотрев дырку, он не сразу может попасть в нее бечевкой. Огарок, освещающий старика, бросает свет также на передок повозки, в которой сидят несколько мальчиков и кидают комки грязи в свечу старого сапожника. Комок грязи попал старику в лоб.

— Ха, ха, ха! Смотри, Смитфилд! — засмеялся Мбулди. — Славная штука! Поделом старику.

— Отчего поделом? Что он им сделал? — спросил я.

— О, он такой жадный! — отвечал Мбулди. — У него, говорят, зарыто под этими камнями много денег, много золота и драгоценных камней. Эх! Хорошо бы нам найти их!

В эту минуту метко пущенный комок грязи вышиб сапог из рук старика — только что ему удалось продеть бечевку сквозь дырочку. Теперь он ползал на четвереньках, отыскивая на полу,

сапог. С повозки, в которой сидели мальчишки, раздался дружный хохот.

— Дёточки! Дайте мне, пожалуйста, кончить работу! — просил старик. — Мне осталось сделать стежков шесть-семь, и я отдам вам свою свечку. Можете тогда играть в карты или во что хотите.

— А ты нам спой, дядя, песню! — раздался голос из повозки. — Тогда мы не будем тебя трогать.

Старик запел дрожащим голосом, стараясь воспользоваться перемирием, чтобы кончить работу. Когда он пропел первый куплет и дошёл до припева, мальчики хором подтянули ему. В эту самую минуту ловко пущенный комок грязи совершенно залепил одинокое стёклышко на очках старика. Другой комок свалил свечку на пол. В телеге поднялся смех ещё громче прежнего.

— Идём, — сказал Мбулди, — нечего нам тут стоять. Наш фургон¹ там, в заднем конце.

Крепко держась за Мбулди, я последовал за своими товарищами. Оба они, видимо, совершенно привыкли к этому месту. Они ловко пробирались вперёд, между тем как я беспестанно наткался на оглобли повозок, которые трудно было различить в темноте. Одна только свеча бедного старика могла сколько-нибудь освещать пространство. Все остальные огарки были окружены толпами мальчишек и взрослых, которые, присев на сыром полу и на клочках соломы, играли в карты, курили трубки и ругались самыми гадкими словами. Наконец мы остановились.

— Стой, Смитфилд, вот наш фургон! — сказал Мбулди.

Я ничего не видел, но слышал, что Мбулди лезет по спицам колесá.

— Ну что, каково там? — спросил Рипстон.

— Отлично! — отвечал Мбулди с фургона.

— Ну, полезай, — сказал мне Рипстон. — Становись ногой на колесó, я тебя подсажу.

¹ Фургон — большая крытая повозка.

Он действительно подсадил меня, да так энергично, что я упал на четвереньки на дно повозки.

— Ты сказал: отлично, — проворчал Рипстон, также влезая в телегу, — а соломы тут и нет!

— Ни крошки! — подтвердил Мбулди.

— Я так и знал! — продолжал ворчать Рипстон. — Я как только ступил на колесо, так сейчас почувствовал, что в этой телеге возили сегодня уголь.

— А ты бы, — заметил Мбулди, — написал перевозчику, чтобы он перестал возить уголь, занялся бы перевозкой мебели, да оставлял бы всякий вечер хорошую охапку соломы, не то мы переменим квартиру.

— Это ещё ничего, что соломы нет, — проговорил Рипстон. — Главное, неприятно, что проклятая угольная пыль постоянно лезет в нос и в рот.

— Ну как тебе здесь нравится, Смитфилд?

— Мы здесь ляжем спать?

— Это и есть наша квартира. Милости просим, будьте как дома! — любезно проговорил Мбулди.

— А где же ваша постель? Ведь есть же у вас постель?

— Ещё бы! Перина, набитая лучшим пухом, и целая куча подушек и простынь! У нас всё есть, только вот беда: не знаю, куда всё это девалось!

И Мбулди принялся шарить по повозке, как будто отыскивая пропавшую вещь.

— Эх! — сказал он потом. — Толкуй ты нам о постелях! Вот наша постель! — И он стукнул каблукom о край повозки. — Жесткая она тебе кажется, так полезай вниз, там много мягкой грязи!

— Не слушай его, Смитфилд, — заметил Рипстон. — Сегодня здесь хуже, чем всегда, потому что нет соломы. А когда есть солома, здесь очень хорошо. Придешь сюда этак в холодную ночь, думаешь: какой ты несчастный, опять будешь спать на голых досках! Вдруг, смотришь, в повозке целый ворох славной сухой соломы, в которую хоть с головой зарывайся.

И при воспоминании об этой роскоши Рипстон причмокнул языком так аппетитно, точно хлебнул ложку горячего, вкусного супу.

— А вам не холодно, когда вы раздеаетесь? — спросил я.

— Не знаю, — коротко ответил Рипстон. — Никогда не пробовав.

— Я раздевался в последний раз в прошлом августе, — сказал Мбулди. — Однако пора спать, давай ложиться. Кто будет подушкой? Смитфилд, хочешь ты?

Я был до того несчастен, что мне казалось всё равно, чем ни быть, и потому я согласился.

— Да ты, может, не хочешь? Так ты скажи, не стесняйся! — заметил Рипстон. — Ведь это как кто любит! Одному нравится, чтобы было мягко, другому — чтобы было тепло. Тебе что лучше?

— Я люблю, чтобы мне было и тепло и мягко, — со слезами отвечал я.

— Ишь как! И то и другое! — усмехнулся Мбулди. — Ну, слушай: хочешь быть подушкой, так полезай сюда и не хнычь! Нам плакс не нужно! Напрасно мы взяли тебя с собой!

Я поспешил уверить Мбулди, что плачу потому, что не могу

удержаться от слёз, но что я готов быть подушкой, если он мне покажет, как это делается.

— Тут нечего показывать, — отвечал Мбулди смягчившись. — Подушка — тот, кто ложится вниз так, что другие кладут на него голову. Ему от них тепло, а им мягко; это и просто и удобно.

— Ну, прочь с дороги: я буду подушкой! — вскричал Рипстон и лёг в одном конце фургона. — Ложитесь на меня!

— Ложись, как я, Смитфилд, — сказал Мбулди, укладываться спать.

Но подражать его примеру было довольно трудно: он захватил для себя всё туловище Рипстона, а мне предоставил одни ноги. Роптать было бесполезно, и я постарался устроиться кое-как.

— Ты хочешь спать, Рип? — спросил Мбулди после нескольких минут молчания.

— Хочу. А ты?

— Я никогда не могу спать после таких сражений. Представь себе, что на твой корабль наскакивают трое разбойников, а на тебе всего рубашка, штаны да два ножа и никакого другого оружия!

— Да, славные штуки представляют в театре! — проговорил Рипстон сонным голосом. — Спокойной ночи!

Опять наступило молчание, и опять Мбулди прервал его:

— Ты спишь, Рип? Рип. Слышишь, спишь?

— Ну, уж другой раз не заманишь меня в подушки, если будешь этак болтать! — сердито отозвался Рипстон. — Чего тебе надо?

— Станный ты человек! Ты не любишь лежать и разговаривать о том, что видел.

— Из-за этакой-то глупости ты меня разбудил?

— Я хотел только спросить у тебя: как ты думаешь, разбойники бросили в колодец настоящее тело?

— Конечно! Я видел руки сквозь дырку в мешке, — насмешливо отвечал Рипстон.

— И ты думаешь, там был настоящий глубокий колодец?

— Ещё бы! Конечно.

— А я не слышал, как плеснула вода, — настаивал Мбулди.

— Ты плохо слушал. Колодец-то ведь глубокий, сразу не услышишь, а я услышал уже через три минуты.

Мбулди замолчал, но он дышал очень тяжело. Видно, что ему хотелось поговорить. Он попробовал покликать Рипстона, но тот вместо ответа громко захрапел. Он позвал меня, но мне не хотелось разговаривать, и я притворился, что сплю.

А на самом деле мне не спалось. Прижавшись мокрой от слез щекой к коленям Рипстона, я думал о своем прошлом, о бегстве из дома и о том, что ожидает меня в будущем. Лучше бы я выдержал потасовку миссис Берк! Лучше бы я вернулся домой, когда Джерри Пеп схватил меня! Отец отстегал бы меня ремнем, но теперь всё было бы уже кончено, я лежал бы в теплой постели и баюкал бы маленькую Пблли. Конечно, боль от побоев ещё не прошла бы, но в эту минуту я готов был вынести всякое мучение, только бы меня перенесли в наш переулок, в дом № 19, и простили бы мне все мои прегрешения.

Бедная маленькая Пблли! Я не мог думать о ней без слез, а между тем она не выходила у меня из головы.

Может быть, она убилась о каменные ступени лестницы и теперь лежит в комнате одна без движения, мертвая... Эта последняя мысль была так ужасна, что остановила мои слезы. Я вспомнил свою мать, вспомнил тот вечер, когда она умерла, и тот день, когда её похоронили.

Вдруг слышались тяжёлые шаги. Подростки и мальчишки, игравшие в карты, бросались к фургонам, крича:

— Туши свечи! Идут крючки!

Я знал, что крючками называют полицейских, и мне вдруг стало страшно. Наверно, миссис Берк донесла полиции о моем побеге, и теперь меня разыскивают! Зачем я не лёг подушкой! Тогда бы меня не видно было из-под других. Шаги приближались. Трое полицейских подошли к нашему фургону. Я задрожал всем телом, и на лице у меня выступил холодный пот. Один из полицейских вскочил на колесо и осветил наш фургон ярким светом фонаря.

Но вот он соскочил вниз, и я вздохнул свободнее. Они ушли все трое, разговаривая о своих делах, и шум их шагов слышался всё слабее и слабее. Мало-помалу все звуки стихли, кроме храпения спящих и писка крыс. Я заснул.

VI

Товарищество „Рипстон, Моулди и К^о“

Я спал крепким сном, когда «подушка» вывернулась из-под меня и голова моя ударилась о дно повозки. Я протёр глаза и заметил, что Моулди уже встал. Кругом было полутемно; мне казалось, что полицейский осветил нас фонарём всего минут пять назад. Я чувствовал себя усталым и измученным, как будто совсем не спал, и потому без дальних рассуждений опять свернулся в углу, подложив себе руку под голову.

— Чего же ты, Смитфилд? — вскричал Рипстон. — Поворачивайся! Разве ты намерен целый день сидеть здесь?

— Да теперь ещё не день, — проворчал я. — Какой же день, когда так темно!

— Глупости ты говоришь! Вставай и смотри, как светло! Солнце уже взошло. Полежай сюда, так сам увидишь!

Кругом всё было темно; но там, куда указывал Рипстон, видно было что-то, с первого взгляда похожее на блестящий серебряный шар. Присмотревшись лучше, я понял, что это круглое отверстие, в которое врываются солнечные лучи. Через это светлое отверстие видна была вода реки, подёрнутая мелкой рябью и сверкавшая под лучами солнца. Виден был клочок голубого неба и нагруженная сеном барка, медленно двигавшаяся по течению.

— Пойдём, — сказал я, перекидывая ногу за стенку фуры¹, — пойдём туда, где светит солнце. Чего нам сидеть здесь в темноте!

— Всякий идёт, куда ему дорога, — ворчливо ответил Моулди. — Иди туда, если хочется!

¹ Фуры (фура) — длинной телеги.

— А вы с Рипстоном разве не пойдёте?

— Мы пойдём туда, куда всегда ходим, — в Ковентгартен. Что нам делать около рек?

— Может быть, он идёт собирать кости, — заметил Рипстон.

— Хорошее дело! Получать по медному грошу за фунт, да ещё когда наберёшь этот фунт? А лодочники приколбят. Они думают, что всякий идёт на берег воровать уголь. Ты за костями, что ли, Смитфилд?

— Нет, я этого дела не знаю.

— Так что же ты думаешь делать?

— Мне всё равно. Мне надо только что-нибудь заработать себе на хлеб. Я думал взяться за лаанье. Ведь это хорошо, а?

Оба мальчика переглянулись и засмеялись.

— С чего это ты вздумал? — спросил Мбулди. — Разве ты уж у кого-нибудь лааял?

— Нет, я так только — пробовал, учился. Помните, вчера на рынке?

— В самом деле? Э, да у тебя славный голос!

Мне было очень приятно слышать эту похвалу.

— Значит, ты думаешь, — спросил я у Мбулди, — мне удастся найти себе хозяина и заработать этим хлеб?

— Хозяина ты, может быть, найдёшь, — отвечал Мбулди, — а уж насчёт хлеба... — Он сделал выразительный жест рукой. — Мы попробовали это дело, да и многие наши знакомые мальчики пробовали — ничего в нём хорошего нет... Правда, Рип?

— Ещё бы! — подтвердил Рипстон. — Что за жизнь? Встанешь поутру, ещё совсем темно, должен везти тележку на базар, потом присматривать за тележкой, пока хозяин закупает разные разности. Если он торгует овощами, надо их мыть и раскладывать, а потом шляться целый день и кричать по улицам.

— Вечером, — подхватил Мбулди, — весь товар сложат в одну корзину, и опять надо бегать с ним да орать, пока не погаснут огни во всех домах. И за всё это что ты получишь? Только что покормят!

— И кормят-то не всегда, — прибавил Рипстон.

Это было далеко не утешительно. Я надеялся сделаться лаятелем, и эта надежда заставила меня бросить отцовский дом и потом идти за Рипстоном и Мбулди к Ковентгартену. А вот теперь оказывается, что два мальчика уже пробовали заниматься лаем и бросили это дело, так как оно оказалось невыгодным.

— Чем же вы добываете себе хлеб? — спросил я у своих товарищей.

— Чем добываем? Разными разностями, — отвечал Мбулди.

В это время мы все трое шли по тому узкому проходу, через который вошли вчера ночью.

— Мы глядим в оба и что попало, то и хватаем, — пояснил Рипстон.

— Значит, у вас ничего нет определённого?

— Э, нам нельзя быть разборчивыми! — сказал Мбулди. — Иной раз так хорошо, что сидим себе да поедаем жареную свинину, а другой раз куска хлеба не достанем. Всё дело счастья.

— И мы не знаем, когда подвернется счастье. Вот хоть, например, вчера вечером. Целый день мы не добыли ничего. Не завтракали, не обедали — не ели ни крошки. Нашли в сорной куче несколько кочерыжек капусты, вот тебе и вся еда! Мбулди уж рукой махнул. Говорит: «Пойдем под Арки спать, что тут шляться!» А я говорю: «Попробуем еще немного; коли ничего не будет, пойдем». Только что я это сказал, вдруг, слышим, кто-то кричит: «Эй!» Видим, стоит какой-то джентльмен¹, хочет нанять карету. Мбулди побежал, привел карету; джентльмен дал ему шесть пенсов да извозчик один пенс. Вот мы и разбогатели: пять пенсов проели, а за два ходили в театр. Мы часто бываем в театре. А ты когда-нибудь видел представление, Смитфилд?

— Я видел только в балагане.

— О, это совсем не то! Мы ходим в настоящий театр, где дают славные пьесы: «Капитан-вампир», «Смерть разбойника», «Пират пустыни», «Окровавленный бандит»...

¹ Джентльмен (англ.) — господин.

В это время мы вышли на набережную. Там было очень тихо, на часах только что пробилло пять.

Мбулди остановил нас.

— Слушай, — сказал он мне. — Прежде чем идти дальше, ты должен решить: пойдёшь ты вниз к реке или в Ковентгартен со мной и Рипстоном?

— Да я бы лучше с вами пошёл, если бы вы позволили.

— Чего тут позволять! Всякий может идти куда хочет. Ты, главное, придумай, за какую работу ты возьмёшься.

— Я не знаю никакой работы. Я совсем один, я не знаю, за что взяться, — отвечал я. — Я бы хотел идти с вами, чтобы вы меня научили.

— Да ты как хочешь? — спросил Рипстон. — Работать сам по себе или идти с нами в долю?

— Я бы лучше хотел идти к вам в долю, — с радостью ухватился я за это выгодное предложение.

— Ну хорошо, так ты и во всём должен быть с нами в доле, — сказал Рипстон. — С нами и работать, и есть, и жить!

— Конечно.

— Значит, ты пойдёшь с нами и будешь делать то же, что мы? — сказал Мбулди.

— Всё, что найдёшь, всё, что получишь — всё будешь отдавать нам, ничего не истратишь без нас?

— Никогда! Я знаю, что это нехорошо.

— И если тебя поймают полиция, ты не выдашь нас, чтобы самому вывернуться из беды?

— Ладно! Не выдам!

Я на всё соглашался, хотя не вполне понимал, чего от меня требовали.

— Ты будешь нам верным товарищем, не струсишь, не изменишь?

— Никогда!

— Ну, так по рукам! Мы товарищи. Пойдём и примемся сейчас же за работу.

Судьба моя была решена. Целый день и целую ночь меня не было дома, теперь я и думать не смел о возвращении домой.

Кроме того, жизнь, которую вели мой новые товарищи, казалась мне гораздо приятнее моей домашней жизни: их никто не бил, они делали что хотели, ели иногда свинину, которой мне никогда не давала миссис Берк, и даже ходили в театр. Эти мысли занимали меня, пока мы дошли до Ковент-гэрдена.

Мы не вошли в крытую часть базара, а стали ходить по окраинам, где нагружались тележки и тачки. Мы долго ходили таким образом, и я уже хотел спросить, когда же начнется наша работа, как вдруг Рипстон отбежал от нас и кинулся к человеку, стоявшему с поднятым пальцем подле груды салата.

— Куда он пошел? — спросил я.

— На работу, — объяснил мне Мбулди. — Ты видел этого человека, что стоял с поднятым пальцем? Это значит — ему нужен был мальчик. Если бы он поднял два пальца, — значит, работа для взрослого. Рипстонова работа даст нам кофе. Если мы с тобой что-нибудь добудем, мы купим булок, а то кофе без булки — плохой завтрак. Ты смотри в оба, Смитфилд!

Я смотрел во все стороны, но никто не поднимал пальца.

Минут через двадцать мы подошли к кофейной, недалеко от базара. Туда же пришел и Рипстон. Он заработал полтора пенса, и мы решили, не ожидая, пока добудем себе на хлеб, тотчас же выпить кофе. В кофейной нам дали по чашке слабого, но очень горячего кофе. Выпив его, мы почувствовали себя гораздо бодрее и пошли опять искать работу.

Наши поиски на этот раз оказались неудачными. Мы исходили овощной рынок вдоль и поперек, мы побывали во всех

закоулках фруктового базара, но работы себе не нашли никакой. Я не унывал, видя, что Рипстон и Мбулди спокойно и весело прохаживаются взад и вперед, нимало не огорчаясь нашим несчастьем. Часов в десять утра мы оставили базар и пошли глухими улицами и задворками к Дрюри-Лейну:

— Ну что, Смитфилд? — спросил у меня Мбулди. — Нравится тебе быть с нами в доле?

— Нравится, — отвечал я, — только жалко, что сегодня у нас было так мало удачи.

— Ну, не особенно мало, — заметил Рипстон. — Тебе, кажется, Смитфилд, было очень хорошо?

Я принял это за шутку и отвечал, смеясь:

— Конечно, мне везде хорошо! Так же, как и вам!

Весело и беззаботно шли мы по улице до входа в какой-то грязный переулок. Здесь товарищи мой остановились.

— Ну, Смитфилд, — сказал Мбулди, — выкладывай!

— Что такое выкладывать? — с удивлением спросил я.

— Э, да всё, что у тебя есть! — сказал Рипстон. — Тот старик, с которым мы ведём дела, живёт здесь.

Я решительно не понимал, чего хотели от меня мои товарищи. Мбулди принялся обыскивать меня и обшарил все мои карманы. Когда он убедился, что они пусты, лицо его выразило сильнейшую ярость.

— Вот так товарищ у нас! — вскричал он, обращаясь к Рипстону. — Славный товарищ, нечего сказать!

— Да в чём дело? — спросил Рипстон.

— У него нет ничего, решительно ничего! Хоть бы какая дрянная луковица!

— И это ты называешь быть нашим товарищем? — с укором спросил у меня Рипстон. — Хорошо гусь, нечего сказать!

— Что же мне было делать, — оправдывался я, — если я нигде не мог найти работы? Ведь вы знали, что денег у меня нет. Да если бы и были, я скорей купил бы себе хлеба, чем луку.

Я никогда в жизни не видал лица сердитее того, с каким

обратился ко мне Мбулди, выслушав мои объяснения. Гнев его был так силен, что он не мог произнести ни слова.

Рипстон засмеялся.

— Ну, не злись так, Мбулди, — сказал он. — Смитфилд ещё глуп. Смотри сюда, Смитфилд!

С этими словами он вынул из кармана своей куртки семь отличных яблок. Затем показал мне карманы своих штанов: карманы были полны орехов.

— Зачем же это ты купил столько яблок и орехов? — спросил я.

— Зачем? Чтобы перепродать их. Я ведь торгую ими.

— Да когда же ты покупал? Я не видел...

— И тот торговец, у которого я покупал, тоже не видел: он в это время занимался с другими покупателями, и я не хотел отрываться от дела. Понимаешь?

Я начинал понимать, и мне становилось страшно. Я боялся даже высказать свои догадки, чтобы не вышло какого-нибудь недоразумения.

— Э, что с ним толковать! — вскричал Мбулди. — Он не понимает твоих намеков. Смотри сюда, Смитфилд! Видишь эти яблоки и орехи, которые добыл Рипстон? Ну, он стащил, украд их! Понимаешь? Теперь смотри сюда! Вот это украд я и очень жалею, что мне не удалось стащить побольше. Теперь мы идём в этот переулок продавать украденное нами. Получим деньги и купим себе съестного.

Грубое признание Мбулди поразило меня.

— Ну, чего же хныкать? — насмешливо вскричал он. — Неужели ты воображал, что мы тихие, скромные мальчики?

— У тебя есть семья, — сказал Рипстон, — ты можешь вернуться домой, когда хочешь. Ты ведь не обязан есть тот пудинг, который мы купим себе, потому что этот пудинг достался нам нечестным путём. Иди добывай себе хлеб как знаешь!

С этими словами они отвернулись от меня и вошли в переулок, оставив меня одного.

Я начинаю работать

Я стоял на улице и должен был, как сказал Рипстон, добыть себе хлеб. Я мог убежать домой. Правда, я не знал туда дороги, но я мог расспросить у прохожих. Вполне честный мальчик не остановился бы ни перед какими трудностями. А разве я не был честен? Я ночевал, я провёл всё утро, я завтрак вместе с ворами, но это мучило меня, краска бросалась мне в лицо при одной мысли об этом. Отчего же я не шёл домой? Чего я ждал? Это может спросить только тот, кто не испытал, что такое голод, страшный голод, который мучает мальчика, мало евшего накануне и с утра проглотившего всего одну чашку жидкого кофе без булки, — страшный голод, от которого по всему телу распространяется дрожь, цепенеют руки и ноги.

Мысль, что Мбулди и Рипстон воры, была ужасна, но мой голод был не менее ужасен. Рипстон сказал, что я могу не есть их пудинга, если не захочу; значит, если захочу, они дадут мне поесть. И какой это, должно быть, чудный пудинг! Я его знаю, он продаётся во всех съестных лавках. Его делают из муки, из почечного сала и из чего-то ещё необыкновенно сытного. Он такой горячий, что греет руки, пока не положишь в рот последнего куска. Его обыкновенно режут большими-большими кусками, и каждый кусок величиной с кирпич.

Картина такого огромного горячего, вкусного куска пудинга носилась у меня перед глазами, когда я увидел, что Рипстон и Мбулди возвращаются из переулка. Я спрятался за фуру с мешками муки и следил за ними.

— Ну вот, — весело говорил Рипстон, — наконец-то мы можем позавтракать!

— Да, славные денежки дал нам старик за яблоки и орехи! — ответил Мбулди, весело подбрасывая и ловя на лету пять или шесть пенсовых монет.

— Но куда же запропастился Смиф? Надо позвать его!

И Рипстон свистнул.

Но я прижалеся плотно к колесу, и они прошли мимо, не заметив меня. Я перешёл дорогу и стал следить за ними.

— Вот и лавка Блинкинса! Зайдём и купим себе две порции пудинга, Рип. Пускай этот дурачина Смиф голодает, если ему нравится.

Мбулди вошёл в лавку и через несколько секунд вышел оттуда, неся на листе целую грудку того самого пудинга, о котором я мечтал.

— Славно пахнет! — сказал Рипстон, вдыхая душистый пар, распространявшийся вокруг.

Я перешёл на ту сторону улицы и пошёл за ними; я был довольно далеко, однако мог ясно видеть, как Рипстон взял один из больших ломтей, поднёс его ко рту и откусил от него кусок... ах, какой большой кусок! Я подходил к ним всё ближе и ближе, наконец так близко, что мог слышать, как они едят. Я слышал, как Рипстон втягивал и выпускал воздух, чтобы остудить забранный в рот слишком горячий кусок. Когда он поворачивал голову, я даже видел удовольствие, блиставшее в его глазах.

Когда они начали есть, на капустном листе было всего пять ломтей; теперь каждый из них уже доедал по второму.

— Люблю я пудинги Блинкинса! — сказал Рипстон. — В них так много сала!

— Это правда, — отвечал, облизываясь, Мбулди. — Они всё равно что с мясом.

— Мне уж, пожалуй, и довольно, — заметил Рипстон. — Пудинг такой сытный!

— Конечно, не ешь насильно, — засмеялся Мбулди, — я и один справлюсь с последним куском.

Я не мог выдержать.

— Мбулди! — воскликнул я, положив руку на его плечо. — Дайте мне кусочек!

— А, это ты? — вскричал Мбулди, увидев меня. — Что, верно, бегал домой посмотреть, не примут ли назад, да тебя выгнали?

— Или ты, может быть, ходил на базар и выдал нас? — спросил Рипстон.

— Никуда я не ходил, я всё шёл следом за вами. Дайте мне кусочек, будьте так добры! Если бы вы знали, как я голоден!

— А разве ты не знаешь, что красть нехорошо? — подсмевался безжалостный Мбулди, засовывая в рот последний кусок своего второго ломтя. — Как же ты хочешь, чтобы я кормил тебя ворованной едой? Ты ещё, пожалуй, подавишься.

— Мы же решили, что всем будем делиться, — сказал я, видя, что мне не разжалобить Мбулди.

— Да, конечно, я и теперь не прочь от этого, — возразил он. — Но ты хочешь есть с нами пудинг, а не хочешь с нами воровать. Так нельзя... Не правда ли, Рип?

— Да он просто, может быть, не понял, в чём дело, — заметил Рипстон, который был гораздо добрее своего товарища. — Если бы ему хорошенько всё объяснить, он, может быть, и не сплоскал бы... Правда, Смитфилд?

И Рипстон дал мне последний, оставшийся у него кусочек пудинга. Что это был за кусочек! Никогда в жизни не ел я ничего подобного. Такой тёплый, вкусный! А на ладони Мбулди лежал на капустном листе дымящийся ломоть, из которого могло выйти по крайней мере десять таких кусочков.

— Так как же, Смитфилд?

Мбулди уже подносил ко рту последний кусок. Рипстон знаком остановил его. Кто съест этот кусок? Всё зависело от моего ответа. А я со вчерашнего завтрака ничего не ел, кроме скудного ужина.

— Конечно, — смело отвечал я, — я бы не сплоскал.

— Значит, теперь, когда ты знаешь, в чём дело, ты не станешь плошать?

— Не стану.

— Ну и отлично... Дай ему этот кусок пудинга, Мбулди. Он, кажется, ужасно голоден.

— Нет, постой, — возразил Мбулди. — Я не буду есть этот кусок, — он спрятал его в карман куртки, — но пусть Смитфилд прежде заработает его и докажет, что говорит правду. Пойдём.

Мы пошли назад в Ковентгартен. Я держался поближе к тому карману Мбулди, где лежал пудинг, и не отставал от товарищей.

Когда мы подошли к рынку, Мбулди огляделся кругом.

— Видишь там ларёк... между столбами, где стоит человек в синем переднике? — спросил он меня. — Там расставлены корзины с орехами.

— Вижу.

— В первой корзине миндальные орехи. Иди туда, мы подождём тебя здесь.

Я понял, чего требовал от меня Мбулди. Он хотел, чтобы я пошёл и наворовал из корзины орехов. Я уже решил, что приобрету себе порцию пудинга во что бы то ни стало, и не колебался, хотя сердце моё сильно билось, пока я подходил к ларёку. С этой стороны ларёк был завален грудами цветной капусты и зелени. Подойдя поближе, я понял, что мне нужно обойти его кругом и приблизиться к орехам. Я притаялся за грудой капусты; продавец орехов разговаривал с покупателем, повернувшись ко мне спиной.

Женщина, торговавшая капустой, также сидела спиной ко мне. Она обедала, держа свою тарелку на коленях. Корзина была доверху наполнена орехами. Я запустил руку раз, другой, третий, насыпал себе полный карман и затем, выскочив из узкого прохода, в котором стоял, пошёл к Мбулди и Рипстону, выглядывавшим из-за столба.

— Славно, Смитфилд! — воскликнул Мбулди. — Я всё видел. Ты напрасно уверяешь, что не знаешь дела. Молодец! Вот тебе твой пудинг!

— Мне бы так чисто никогда не сработать! — заметил Рипстон.

— Тебё? — с презрением вскричал Мбулди. — Да если ты воображаешь, что ты можешь своровать хоть в четверть так хорошо, как Смитфилд, так ты ужасный хвастун! Я бы сам не сумел стащить орехи так ловко, как он. Но, конечно, в других вещах ему со мной не сравниться, — прибавил он, вероятно боясь, чтобы я не слишком возгордился.

Всё шло хорошо, пока было светло, но когда наступила ночь и я снова очутился в тёмном фургоне, я начал чувствовать сильнейшие угрызения совести. На этот раз Мбулди был подушкой, и мне предоставили лучшее место. Я лежал головой у него на груди и всё же не мог заснуть. Я сделался вóром! Я украд миндальные орехи, я убежал с ними, продал их и истратил вырученные деньги! Все мои жилы напряглись и бились, беспрестанно повторяя мне ужасное слово «вор». «Вор, вор, вор!» — твердило мне сердце, и я ни на минуту не находил себе покоя.

— Вор! — прошептал я.

Мбулди ещё не спал.

— Кто вор? — спросил он.

— Я вор, Мбулди, — отвечал я.

— Ну, а кто же тебе говорит, что ты не вор? — насмешливо спросил Мбулди.

— Но ведь я никогда прежде не был вóром, — серьёзно сказал я. — Уверю вас, никогда! Оттого-то мне так и грустно теперь.

— Ты врешь, — произнёс Рипстон, также ещё не спавший.

— Нет, право, — уверял я. — Умри я на этом месте, если неправда!

— Ну что же, — заметил Мбулди, — ты точно так же и теперь можешь сказать: умри я на этом месте, если я вор!

— Нет, этого я не скажу, а то, пожалуй, и в самом деле умру. Ведь я теперь вор.

— Пустяки! Какой ты вор! — вскричал Мбулди. — Разве то, что ты сегодня сделал, можно назвать воровством? Это совсем не воровство.

— А что же это такое? Мне всегда говорили, что брать чужое — значит воровать.

— Это говорят люди, которые сами не пробовали и потому не понимают, — сказал Мбулди, приподнимаясь на локте, чтобы удобнее обсудить интересный вопрос. — Вот видишь, если какой-нибудь мальчишка войдёт в лавку да запустит руку в ящик с деньгами и его поймают, это будет воровство. Если он ползёт в карман к покупателям — это также воровство. За это отдадут под суд, и судья также скажет, что это воровство. Ну, а если какой-нибудь маленький мальчишка старается заработать себе полпёни, да его поймают с чужими орехами или с чужими яблоками, разве, ты думаешь, его будут судить? Никогда! Просто купец даст ему подзатыльника и самое большее, если позовёт сторожа. Тот поколотит его палкой, да и отпустит; а разве сторожу позволили бы самому расправляться с настоящими ворами? Ни за что!

— Если брать орехи и другие вещи не называется воровать, так как же это называется? — спросил я у Мбулди.

— Мало ли как! Это называется стащить, взять... Да не всё ли равно, как назвать!

— Ну, а если бы я спросил у полицейского, как бы он это назвал?

— Вот выдумал! Кто же станет спрашивать у полицейских? Известно, какие они лгуны! — возразил Рипстон.

— Признайся, Смитфилд, что ты просто трусишь, — сказал Мбулди.

— Нет. Но мне думалось, что это — воровство, а если не воровство, так и прекрасно.

— То-то же! — сказал Мбулди. — Когда я был маленький и жил дома, я нередко слышал, как отец читает матери газеты. Вот и в газетах часто говорится, что даже судейские — на что хитрые люди, а и те должны быть осторожны, должны называть всё как следует. Если кто не пойман на настоящем воровстве, они не смеют назвать его воров. Они говорят, что он «присвоил», совершил «похищение» или «сплутовал». А похищение

не бедá. Воң Рѣпстон стащѣл раз чайныя лóжки, так егó заса-
дѣли в тюрьму на две недѣли... Прáвда, Рѣпстон?

— Нечего тѣкать мне э́тими лóжками в глаза́! — сердѣто
отвечáл Рѣпстон. — Я зна́ю ребят, ко́торым доставáлось, по-
болъше двух недѣль, да ещѣ и рóзги впридáчу, я то́лько не бол-
та́ю всегó.

Намѣк э́тот, вѣдимо, относѣлся к Мóулди, ко́торый обѣделся
и назвáл Рѣпстона бродя́гой. Впрóчем, онѣ скóро помири́лись,
поболта́ли ещѣ нѣсколько вре́мени о том о сѣм, и оба споко́йно
засну́ли.

Но я опя́ть, как и в прóшлую ночь, до́лго не мог засну́ть.
Рассуждѣния моѣх това́рищѣй не убеди́ли меня́. Мóжет быть,
похищѣние орѣхов не назывáется воровствóм, но, во вся́ком слó-
чае, я не хотѣл занимáться ничѣм подобным. Я соби́рался зáвтра
же ўтром объáвить Мóулди и Рѣпстону, что б́уду чѣстным
мáльчиком и ста́ну прóсто рабóтать на ры́нке. Если онѣ не хо-
тѣт оставáться моѣми това́рищами, я уйд́у от них. Приня́в э́то
решѣние, я засну́л.

Просну́вшись на слѣдующее ўтро, я почув́ствовал себя́ ужáс-
но несчастным. Мне б́ыло хóлодно, зу́бы у меня́ стучáли, я го-
то́в был отдáть всю одѣжду за глотóк горя́чего ко́фе.

У Мóулди б́ыли дѣньги на ко́фе. Вчерá вѣчером он подер-
жа́л лóшадь одному́ господѣну, заше́дшему в ресто́ран поѣсть
ўстриц, и получи́л шесть пѣнсов. Четы́ре пѣнса мы истрáтили на
ўжин, а два оста́вили себѣ на зáвтрак.

Мы вы́шли на ўлицу, дрожа́ от хóлода. Моросѣл дождь. На
мостовóй б́ыло мо́кро и грязно. Мы не успѣли ещѣ дойти́ до ко-
феѣйной, как я почув́ствовал, что мо́я рубáшка и штаны́ промо́к-
ли наскво́зь и прили́пли к тѣлу. Я не забы́л своего́ вчерáшнего
решѣния уйти́ от э́тих ворѣшек и все́ соби́рался с д́ухом, чтóбы
сказа́ть им об э́том. Но как я мог собрáться с д́ухом? Я был го-
лоден, я промо́к до костѣй, я чув́ствовал, что б́уду совсѣм оди-
но́к и беспóмошен, е́сли поссо́рюсь с моѣми това́рищами.

— Три ча́шки ко́фе на два пѣнса! — потребо́вал Мóулди у
буфѣтчика.

Все́ б́ыло ко́нчено. Если бы э́тот ко́фе принадлежа́л кому́-ни-

будь другому, я, пожалуй, сказал бы, что хочу уйти, но я не мог, принимая угощение Мбулди, попрекать его тёмным промыслом.

Прежде чем мы допили кофе, Мбулди сказал:

— Ну, нечего прохладяться! Сегодня нам будет много дела. Знаешь, Смитфилд, в хорошую погоду всякий сам бегает по своим делам, а в дурную все норвят как бы кого-нибудь нанять для беготни.

Это оказалось верным. Дождь лил всё утро, и работы у нас было вдоволь. Я заработал одиннадцать пэнсов, Рипстон — шиллинг и полтора пэнса, а Мбулди — девять с половиной пэнсов. Меня очень радовало, что я добыл больше Мбулди. Хотя я промок до костей и больно порезал себе палец на ноге, наступив на разбитую бутылку, но я чувствовал себя необыкновенно счастливым, поглядывая на свои деньги, добытые честным трудом. Рипстон и Мбулди, заработав себе достаточно на пропитание, также не стацили ни одного яблока на базаре.

— Вот, можно сказать, честно поработали утро! — сказал, принимая от нас деньги, Мбулди, который всегда был нашим казначеем.

— Это лучше, чем добывать разные вещи дурным манером да продавать их, — осмелился заметить я.

— Ещё бы! Конечно, так больше добудешь.

— Мне бы хотелось, чтобы меня заставляли работать, а не.. делать другое, — сказал я.

— Кто же тебя заставляет? Беда в том, что нельзя всегда одним заниматься. Порюю так плохо придётся, что недолго и с голоду помереть. По-моему, надо браться за всё, что попадёт под руку.

Рипстон был совершенно согласен с мнением своего товарища.

Мы пошли в дешёвую столовую, очень весело пообедали, отложили себе денег на ужин, и у нас ещё осталось шесть пэнсов. На эти шесть пэнсов товарищи решили купить мне сапоги. Мы пошли в лоскутный ряд и купили несколько широкую, но очень удобную обувь.

Собачонка. — За мною следят. — Неприятная ночь

Жизнь наша была, в сущности, довольно однообразна. Каждый день мы вставали с рассветом, ходили по одним и тем же улицам и переулкам и исполняли одну и ту же работу. Когда работы не хватало для нашего пропитания, мы воровали разную мелочь из одних и тех же корзин и продавали её одному и тому же старику, а затем обедали. Иногда мы угощались свиной, а иногда целый день должны были питаться куском чёрного хлеба. Иногда находили в своём фургоне солёму, иногда должны были спать на голых досках.

Когда я убежал из дому, у меня было мало одежды; всего пара штанов, одна рубашка и рваная, старая куртка. Теперь рубашка и штаны у меня были новые, а куртку заменило нечто вроде сюртучка. Шестипенсовые сапоги мой очень скоро развалились, и я попрежнему ходил босиком, так как у нас не хватало денег для покупки новой пары обуви.

Я познакомился с Рипстоном и Мбулди в половине мая, а теперь была уже половина октября. В течение осени я раз семь или восемь побывал в театре, и это доставило мне величайшее удовольствие. Раз мне пришлось провести ночь в полицейском участке.

Вот как это случилось. Возвращаясь домой под Арки, мы заметили маленькую собачку, бежавшую за нами следом.

— Пошла прочь! — ворчал Мбулди. — Нёкогда нам возить с тобой!

Он поднял камень и бросил в собаку.

— Как тебе не стыдно, Мбулди! — добродушно заметил Рипстон. — Пускай себе бежит.

— Рип, возьмём её с собой, — сказал я. — Мы можем приютить её в нашем фургоне и даже покормить; она, верно, бездомная.

Ночью я проснулся от резкого света фонаря, направленного мне в лицо. Около нашего фургона стоял полицейский, держа на руках приведённую собачку.

— Это ты украл собачонку, мошённик?! — закричал полицейский, грубо хватая меня за руку.

— Она сама пристала ко мне, сэр, — ответил я, дрожа от страха.

— Знаем мы это «сама пристала»! — передразнил меня полицейский и вытащил за шиворот из фургона.

Я горько плакал.

— Ничего, не беспокойся, Смиф, — утешал меня Рипстон. — Я выручу тебя.

И он действительно спас меня от грозившей мне тюрьмы. Он расспросил, чья это собачка,

прямо отправился в дом к её хозяевам и рассказал им всё дело. Собачка принадлежала больной дочери городского доктора.

В середине следующего дня меня вызвали в приёмную комнату участка. Грустная молодая женщина, сидевшая там, подождала меня к себе и спросила:

— Это ты тот мальчик, который приютил вчера маленькую собачку?

— Я, — ответил я, не зная, пугаться мне или радоваться.

— Тебя сейчас выпустят отсюда. Я пришла похлопотать за тебя и поблагодарить за свою маленькую дочку. Она больна и не могла заснуть: всё плакала о своей собачке. Теперь ей стало немного лучше. Спасибо тебе. Не сердись, что из-за нас ты провёл ночь в полицейском участке.

И она ласково погладила меня по голове.

Выходя из участка, я прыгал от радости, ощупывая в кармане монету в пять шиллингов, которую она мне дала.

Пять шиллингов! Это было такое богатство, какого наша

мáленькая компáния никогдá ещё не получáла срáзу. Решенó бы́ло вдóволь насладиться им. Мы пообéдали в хоро́шей столов-ке, выпили по кру́жке пíва и развесели́лись так, что реши́ли éхать в теа́тр в омни́бусе, платя́ по два пéнса за мéсто. От вы́питого пíва Рипстону и Мо́улди сде́лалось дурно; нас вы́вели из теа́тра в полови́не пéсы, и мы должны́ были вернуть́ся до-мо́й пешко́м по дождю́, не имéя ни пéнса в карма́не.

Раз у́тром, неде́ль че́рез пять по́сле моего́ побéга из дому, я встрéтил на базáре одногó нашего́ сосе́да.

«А! — закрича́л он. — Вот ты и попался, негодя́й! Сейча́с я отведу́ тебя́ к отцу́».

И он хоте́л схватить́ меня́, но мне удало́сь уверну́ться. По́сле это́го я стал внима́тельнее пре́жнего посма́тривать по сторо-на́м, боя́сь встрéтить отца́. Товáрищи, кото́рым я подро́бно опи-са́л его́ нару́жность, усéрдно помога́ли мне.

На слéдующее у́тро, часо́в в семь, Мо́улди указа́л мне на двух мужчи́н, шéдших от фрукто́вого ря́да. Я то́тчас узна́л тогó челове́ка, кото́рый чуть не пойма́л меня́ вчера́, и отца́. Оте́ц был о́чень блéден — ви́димо, си́льно взволно́ван, а в руках держáл большо́й кнут, кото́рый, вероятно́, достáл у когó-нибудь для это́го слúчая. При одно́м взгля́де на него́ колéни мой затрясли́сь и губы́ задрожáли.

— Рип, голубчик, спаси́ меня́! — проговорил я, прýчась за спину́ товáрища. — Ви́дишь, како́й он сердитый и како́й у него́ кнут...

Рипстон попятился, подвёл меня́ таким о́бразом к гру́де пу-сты́х корзи́н и прикрýил меня́ ими, а сам сел на опроки́нутое лу-ко́шко, и принялся как ни в чём не бывáло чи́стить и есть мор-ковку. Че́рез нéсколько секунд подошёл отец.

— Слу́шай-ка ты, мáлый, — обрати́лся он к Рипстону, — не ви́дал ли ты тут на базáре мáльчика в ста́рой кúрточке? Ро́сту он бúдет вот э́такого.

Я ви́дел сквозь шéли корзи́ны, как отец указа́л мой рост.

— А как его́ зову́т? — спросил Рипстон, продолжая́ жевáть морковёв.

— Джим.

— Джіма я зна́ю. Он та-
ко́й то́лстый, си́льный, сла́вно
дерётся на кулачка́х, любо́го
мужчи́ну сва́лит.

— Эх ты! — нетерпеливо
отозва́лся оте́ц. — Я спра́ши-
ваю тебя́ о ма́леньком ма́ль-
чике, лет э́так восьми́.

— Восьми́... — ме́дленно
повтори́л Ри́пстон. — А его́
то́чно Джим зову́т?

— Да, коне́чно! Его́ зову́т
Джим Ба́лизет.

— Джим Ба́лизет! —
вскрича́л Ри́пстон, то́чно

вдруг вспо́мнил. — Зна́ю, зна́ю! Мы его́ прозва́ли Ра́узер, отто-
го́ я и не мог вдруг вспо́мнить. Он жил где-то о́коло Ка́у-Кро́с-
са, и оте́ц у него́, ка́жется, разно́счик?

— Ну, он и есть! Где же он?

— Оте́ц ещё злой та́кой? Ча́сто стегáл Джи́ма ко́жаны́м
ремне́м?

— Он э́то расска́зывал? Экий неблагода́рный мальчи́шка!

— И у него́ есть ещё ма́чеха, э́такая га́дина, ябеднича́ет на
него́, пьёт во́дку как во́ду...

— Где он? — заревéл оте́ц. Он броси́лся на Ри́пстона и
тряхну́л его́ за шиворот так си́льно, что корзи́ны чуть не разле-
те́лись в ра́зные сто́роны.

— Пу́стите, так скажу́, а то не скажу́! — крикну́л Ри́пстон,
и по то́ну его́ го́лоса мне показáлось, что он в са́мом де́ле хо́чет
вы́дать меня́.

— Ну, говори́! — сказа́л оте́ц.

— Сказа́ть вам пра́вду, он поше́л в гру́зчики.

— Когда́, куда́?

— Этого́ я не зна́ю, — угрю́мо отвеча́л Ри́пстон. — А то́ль-
ко вчера́ ве́чером оди́н мой знако́мый встрети́л его́ на Вестми́н-
стерском мосту́, да и спра́шивает: «Ты что здесь де́лаешь, Ра́у-

зер, разве на базаре нет работы?» А Раузер и говорит: «Нет уж, говорит, я на базары больше не стану ходить, там меня выследил отец, а я пойду к одному своему знакомому барочнику, который живёт на Уенсвортской дороге, да и поступлю к нему в грузчики». Вот, больше я ничего не знаю.

— Проклятый мальчишка! — вскричал отец. — А не говорил он, когда он думает воротиться?

— Не знаю... Да вряд ли он вернётся! Он всё говорит, что хочет в море уплыть, — отвечал Рипстон. — Попадёт теперь на реку, увидит там корабли и всё такое, и поминай его, как звали!

— Это верно, — сердито сказал отец. — Пойдём, Джек, — обратился он к своему знакомому. — Чего нам гоняться за этим негодяем? Пусть он потонет в море, бродяга!

И, сунув кнут подмышку, отец ушёл вместе с приятелем, а Рипстон помог мне выбраться из моего убежища.

После этого мне ни разу не случалось встречать ни отца, ни кого-нибудь из своих прежних знакомых.

Вскоре я захворал.

Хотя я держался на ногах и не жаловался, но я уже давно чувствовал себя не совсем здоровым. И это не удивительно. Осень стояла очень дождливая, платье не высыхало на мне по нескольку дней кряду. Я не мог не только просушить его, но даже снять на ночь. Несколько раз я чувствовал сильную боль в горле и в спине между лопатками. Целых две недели меня мучила зубная боль. Это было ужасно. Я не мог съесть куска хлеба, не размочив его сперва в воде, я не мог разжевать ни репы, ни кочерыжек, часто составлявших нашу единственную пищу, и принуждён был голодать, пока какой-нибудь счастливый случай не давал мне возможности купить себе мягкую пищу в булочной или в съестной. Я целые ночи просиживал без сна в уголке фургона, покачиваясь из стороны в сторону и не смыкая глаз от боли, к досаде моих товарищей.

— Чего ты хнычешь, Смиф? Не мешай нам спать! — ворчал Рипстон.

— В самом деле, Смиф, какой ты несносный! — прибавлял

Моулди. — Не только не помогаешь раздобывать пропитание днём, но ещё надоедаешь по ночам.

— Но что же мне делать, Рип? — плакал я. — Вы оба стали бы добрее ко мне, если бы сами промучились столько времени, как я.

— Надо ему как-нибудь помочь, Моулди, — сказал Рипстон, разжалобленный моими слезами. — Позовём старого скрипача, который ночует в соседнем фургоне. Мне говорили, что он умеет рвать зубы. По-моему, лучше сразу вынести сильную боль, чем возиться с каким-то несчастным зубом целые недели.

— Вот это дело! — сказал Моулди и отправился за скрипачом.

Через несколько минут они вернулись оба. В руке у скрипача была длинная ржавая струна.

— Ну, бедный малый, — сказал скрипач, — садись и разевай рот пошире, а вы, ребята, держите его за руки, чтобы он не мешал мне работать.

Я повиновался, хотя сердце моё сильно стучало от страха. Старик обмотал струной мой большой зуб и... дернул её изо всей силы.

— А-а-а! — закричал я, повалившись на спину.

Из рта у меня текла кровь, но с зубной болью было покончено...

Наши дела в Ковентгартене в последнее время шли всё хуже и хуже. Нас там заприметили, и это было очень невыгодно. Все знали, что мы ворюшки, и зорко следили за нами. Чуть не каждый день нас колотил то какой-нибудь торговец, то базарный сторож.

Рипстону удалось открыть погреб, где хранилась на зиму морковь. Мы забрались туда и целую неделю питались одной морковью. Сначала мы сочли это за большое счастье для себя, но скоро увидели, что питаться одной морковью очень вредно. Вероятно, она и была отчасти причиной моей болезни.

Обыкновенно в воскресные дни, если погода была неплохая, мы долго гуляли по берегу реки, а потом ложились в свой фургон и рассказывали друг другу разные истории. В тот день, ко-

гда я заболел, Рипстон и Мбулди пошли гулять, а я остался в фургоне. У них от вчерашнего дня сохранилось несколько пенсов, и они пообедали хлебом с патокой; я же ничего не ел со вчерашнего обеда. Я весь горел и дрожал, язык у меня пересох, глаза болели, голову ломило, точно кто-нибудь бил её колотушками. На моё счастье, в фургоне было немного соломы, и товарищи предоставили её всю в моё распоряжение. Но я никак не мог улечься как следует: сколько я ни встряхивал свою соломенную подушку, она всё казалась слишком низкой для моей отяжелевшей головы.

К ночи мне сделалось ещё хуже. Я должен был на этот раз служить подушкой, но Рипстон великодушно занял моё место, а Мбулди позволил мне положить голову к нему на колени, хотя право выбирать место принадлежало ему, так как он был подушкой накануне. Он даже легли спать раньше обыкновенного, чтобы я мог скорее улечься как следует. Но все заботы их были напрасны. Скоро Рипстон заметил, что голова моя жжёт его через куртку. Мбулди, вообще мальчик короткий, был ужасно зол спросонья. Он вдруг, ничего не говоря, ударил Рипстона по ногé.

— Ты чего это? — с досадой спросил Рипстон.

— А ты что не лежишь смирно? Дрыгает ногами, точно та-нец отплясывает!

— Да разве это я! — вскричал Рипстон. — Это Смитфилд.

— Ты чего трясёшься, Смиф?

— Мне ужасно холодно, Мбулди. Я просто как лёд холодный.

— Хорош лёд! От него пышет, как от печки. Пощупай-ка, Мбулди, — сказал Рипстон.

Мбулди приложил руку к моей щеке.

— Вот тебе! Не смей лгать! — вскочил он и дал мне сильную пощечину. — А расплачешься, так я и другую влеплю!

Я старался превозмочь себя и не плакать, но это было выше моих сил. Целый вечер удерживался я от слёз, но выходка Мбулди прорвала плотину. Рыванья душили меня, и слёзы полились из моих глаз так быстро, что я не успевал вытирать их. Я как будто переполнился горем, которому непременно надо

было излиться. Я плакал тихо, припав ко дну фургона, и товарищи могли заметить мой слёзы только по судорожным всхлипываниям, вырывавшимся у меня иногда. Когда я увидел отца с кнутом на Ковентгартенском рынке, я решил никогда не возвращаться домой. С того дня я даже не вспоминал ни о маленькой Полли, ни о домашней жизни, сердце моё замерло и очерствело. Теперь я почувствовал, что оно как будто оттаивает, становится мягче, и в то же время на него ложится тяжесть, которую я не в силах выносить.

У Мбулди, должно быть, тоже не хватало сил выносить мой плач. Исполняя своё обещание, он размахнулся ещё раз и дал мне пощёчину сильнее прежней.

— Экий ты разбойник! — набросился на него Рипстон. — Бьёт бедного мальчика, который меньше его, да к тому же болен! Встань-ка, голубчик Смитфилд, помоги мне, мы ему зададим!

И, не ожидая моей помощи, Рипстон засучил рукава и принялся бить Мбулди. Мне не хотелось драться, я старался примирить их, уверяя, что мне не больно, что я плачу не от пощёчины, а от болезни.

Как только Мбулди совсем очнулся, он выказал полнейшее раскаяние. Он сознался, что поступил как негодяй и в виде удовлетворения предложил мне ударить его изо всей силы по носу, причём он будет держать руки за спиной. Рипстон убеждал меня принять это предложение, но я отказался, и тогда Мбулди заставил меня взять по крайней мере его шапку под голову и укрыться его курткой. Рипстон так же охотно отдал бы мне свою одежду, но у него была всего одна синяя фуфайка, заменявшая ему и рубашку и куртку, а шапку он потерял накануне, убегая от рыночного сторожа.

Хотя товарищи всеми силами старались уложить меня поспокойнее и укрыть потеплее, мне не становилось лучше. Я попрежнему весь горел и в то же время дрожал от холода, язык мой был сух, а дыхание прерывисто и тяжело. Впрочем, после слёз мне стало как-то легче, я готов был лежать спокойно и покоряться всему, что со мною сделают.

Я попадаю в рабочий дом¹

Моя болѣзнь сильно тревожила товарищей. Укрыв меня курткой и уложив как можно спокойнее, они сами не легли, а сѣли в дальний угол фургона и начали перешѣптываться.

— Это, должно быть, простуда, — шептал Рипстон. — Беда, если на человека нападѣт простуда. Ведь это простуда, правда, Мбулди?

— Должно быть, что-нибудь такое, — еще тише отвечал Мбулди.

— Хорошо бы горчичники поставить... Я помню, мне ставили, когда я был маленький... Как ты думаешь, Мбулди, не сходить ли за горчицей?

— Чего ходить? Ведь сегодня воскресенье, все лавки закрыты, одни аптеки открыты, а в аптеках горчицы нет.

— В аптеке можно бы купить пилюли, — предложил Рипстон. — Одна беда: у этих пилюль такие трудные названия — не знаешь, как спросить.

— Да так и спроси: пилюль на четыре пенса.

— А аптекарь спросит: каких вам?

— Сказать: слабительных. Они, кажется, все слабительные, — равнодушно ответил Мбулди. Он вообще вел разговор неохотно и, казалось, думал о чем-то совсем другом.

— Значит, решено, Мбулди, — опять заговорил Рипстон: — наш первый пенс завтра пойдѣт на пилюли для Смитфилда?

Мбулди ничего не ответил, они оба на минуту смолкли. Я лежал тихо и вслушивался в их шопот. Сдержанность Мбулди возбудила подозрение Рипстона.

— Мбулди, — спросил он, — если это не простуда, то что же такое у Смитфилда?

— Почѣм я знаю! — неохотно ответил Мбулди.

¹ Работный дом — приют для бедняков, где за плохую пищу их заставляли выполнять тяжелую работу. Более подробное описание смотри в предисловии.

— Да ведь ты же был в больнице, ты видал так много больных. Может, с кем-нибудь было то же, что с ним?

— Тише, — заметил Мбулди, — он, пожалуй, не спит.

— Спит. Слышишь, как он ровно дышит?

— Да. А слышишь, как под ним солома шуршит, — должно быть, опять озноб сделался. — Затем он прибавил ещё более тихим шопотом: — Жалко мне, что я отдал ему свою куртку, Рип. Шапка — не беда, а куртки жаль!

— Экая ты жадная скотина! — выбранился Рипстон. — Он бы наверно отдал тебе свою куртку, кабы тебе понадобилась!

— Ну, пусть пропадает, всё равно! — вздохнул Мбулди.

— Отчего же пропадает? Ты ведь завтра возьмёшь её?

— Ну, нет, с ней вместе можно захватить такую вещь, которой бы мне не хотелось.

— Да что такое? Говори толком!

— Тише, тише! Коли он услышит, так перепугается.

Они тихонько приподнялись и высунули головы из фургона, но я всё-таки слышал всё, что они говорили.

— У тебя привита оспа, Рип? — спросил Мбулди.

— Привита, и свидетельство есть.

— Ну, и отлично: значит, тебе и бояться нечего. А у меня не привита, ко мне горячка как раз пристанет!

— Разве у него горячка? — испуганным голосом спросил Рипстон. — Значит, он умрёт, Мбулди?

— Наверно.

— Вдруг, Мбулди? Так вдруг и умрёт?

— Нет, не вдруг, — прошептал Мбулди. — С ними там ещё прежде разные штуки делают, головы им бреют и всё такое.

— Это зачем же, Мбулди? — с сильнейшим страхом спросил Рипстон.

— Да они совсем как сумасшедшие делаются. Если их не обрить, они себе все волосы вырвут, — отвечал Мбулди.

— Ах, какая беда! Бедный Смитфилд умрёт! Бедняга Смитфилд!

И Рипстон заплакал. Я едва верил глазам своим, но это была правда: он плакал.

Я не испугался и даже не удивился тому, что у меня, по словам Мбулди, была горячка. Горячка была самая худшая болезнь, какую я знал, а я чувствовал себя очень, очень худо. Я знал, что горячка смертельна, но даже это не пугало меня. Мне хотелось одного: чтобы меня оставили в покое, чтобы никто не трогал меня, не говорил со мной. Рипстон и Мбулди продолжали шептаться в другом углу фургона. Я слышал их шопот и разговоры, смех и ругательства мальчиков, игравших в карты, и топот ног, и всякие другие звуки. Понемногу всё стихло, только товарищи мои продолжали разговаривать. Я рад был, что они не спят. Мне ужасно хотелось пить, и я попросил Мбулди достать мне глоток воды. Товарищи всполошились.

— Полно, дружище! — уговаривал меня Мбулди ласковым голосом. — Как же я тебе достану воды? Ведь ты знаешь, что у меня нет никакой посуды. Потерпи, лежи спокойно до пяти часов, тогда придут перевозчики, и ты можешь пить сколько хочешь.

— Ах, я не могу ждать до пяти часов, Мбулди! Право, не могу, я с умом сойду! Не говори мне, чтобы я ждал до пяти!

— Ну хорошо, я не буду говорить, только ведь это правда, оттого я и сказал.

— А который теперь час?

— Должно быть, около часу.

Меня мучила страшная жажда, а волны реки беспрестанно ударялись о нижнюю часть стены, около которой стоял наш фургон. Я представил себе реку, какой я видел её утром после первой ночи, проведённой под Арками. Она искрилась в солнечных лучах, и по ней тихо плыла барка с сеном. Мною овладело непреодолимое желание сойти вниз, к берегу, и напиться. Мне не нужно было посуды, я мог просто свесить голову вниз и пить прямо из реки. Я поднялся и стал перелезать через стену фургона. Было так темно, что товарищи не могли видеть меня, но они слышали шорох, и я едва успел перекинуть одну ногу за край телеги, как Рипстон крепко схватил меня за другую.

— Что ты, Смитфилд? — вскричал он испуганным голосом и чуть не со слезами. — Куда это ты, голубчик?

— За водо́й.

— Да ведь водо́й нет... Мо́улди, иди́, помоги́ мне! — с отча́нием вскрича́л бе́дный Ри́пстон. — Нет водо́й, Сми́ти.

— Вода́ есть, — говори́л я. — Я пойду́ к реке́ и там напью́сь.

— Нет, не пить ты идёшь. Ты, ве́рно, хочешь топи́ться, ты ведь тепе́рь всё равно́ что сумасше́дший! — с отча́нием крича́л Ри́пстон. — Мо́улди, да по́лно тебе́ тру́сить, хвата́й его́ да помоги́ удержа́ть.

Но Мо́улди не реши́лся подойти́; он боя́лся: ведь у него́ не приви́та о́спа. Кро́ме того́, ему́ каза́лось, что в бе́шенстве я могу́ укуси́ть его́. Он нача́л со мной перегово́ры, не выходя́ из своего́ угла́.

— Чего́ э́то ты вскочи́л, Сми́ф? — говори́л он успокаи́тельным го́лосом. — Ведь ты э́так разбу́дишь все Арки. Ляг споко́йно, я сейча́с добу́ду тебе́ водо́й.

— Ты ведь э́то врёшь, что принесёшь водо́й, — сказа́л Ри́пстон. — Ты про́сто хочешь удра́ть и оста́вить меня́ одно́го с ним!

Я ду́мал то же, но мы бы́ли несправедли́вы к Мо́улди. Он взял свою́ ша́пку у меня́ из-под голо́вы, соскочи́л с фу́ргона и че́рез не́сколько мину́т вороти́лся с по́лною ша́пкой све́жей рече́ной водо́й. Пробира́ться в темноте́ к реке́ бы́ло небезо́пасно.

Моулди, одна́ко, посчастливилось соверши́ть своё путеше́ствие благополу́чно. Ша́пка его́, хоть и ста́рая, была́ крепка́ и до того́ заса́лена, что совсе́м не пропуска́ла воды́. Я опоро́жнил её пятью́ больш́ими глотка́ми, и э́то пи́тьё доста́вило мне несказáнное наслажде́ние. В ту ночь мо́и ма́ленькие това́рищи-о́бръвыши положи́тельно спасли́ мне жизнь. Если бы они́ пусти́ли меня́ на бе́рег, ре́зкий холо́дный ве́тер с реки́, наве́рно, уби́л бы меня́. Пробира́ясь в темноте́, я легко́ мог поскользну́ться и упа́сть в ре́ку.

Утолив жа́жду, я лёг и засну́л. Мне всё сн́ились ка́кие-то отрывки́ страна́ных и неприятных снов, пока́ Рипстон не потря́с меня́ за плечо́, говоря́, что пора́ вылезáть из фурго́на, что фурго́нщик уже́ поше́л за лоша́дьми. Я попробова́л привста́ть, но не мог. Я мог сиде́ть, но когда́ поднимáлся на́ ноги, колéни мо́и дрожа́ли, и я па́дал.

— Ну, ребята́, — сказа́л фурго́нщик, подхо́дя к теле́ге, — выва́ливайтесь, не́когда мне вози́ться с ва́ми!

— Да вот у нас тут оди́н ма́льчик не мо́жет вы́валиться, — сказа́л Моулди, уже́ вы́скочивший из фурго́на.

— Что ты тако́е говори́шь? Как э́то — не мо́жет вы́валиться?

— Вы́валиться-то, пожа́луй, он и мо́жет, то́лько ему́ не вы́лезть. Он говори́т, что у него́ но́ги отня́лись. Не потру́дитесь ли вы са́ми высадить его́?

— Я его́ выса́жу так, что он до́лго меня́ не забу́дет!

С э́тими слова́ми серды́тый фурго́нщик бы́стро пры́гнул в теле́гу с фонаре́м в руках.

— Поше́л вон, лентя́й! — закрича́л он на меня́.

Но в э́ту мину́ту свет от его́ фонаря́ упáл на моё́ лицо́, и он сразу́ перемене́л тон.

— Бе́дный мальчу́ган! — вскрича́л он. — Давно́ э́то с ним?

— Со вче́рашнего ве́чера, — отве́чал Рипстон, — да мы не зна́ли, что ему́ так пло́хо.

— Где же он живёт? На́до свезти́ его́ домо́й, — сказа́л фурго́нщик.

Мне вспо́мнилось серды́тое лицо́ отца́, когда́ я ви́дел его́ в

последний раз сквозь щели корзин на базаре. Я боялся его кнута, когда был здоров, а вернуться к нему теперь казалось мне совсем невозможным.

— Мальчик, где ты живёшь? Где твой дом? — спрашивал меня фургонщик.

Я ничего не отвечал, притворившись, что не слышу.

— Да вы, ребята, не знаете ли, где он живёт? — обратился он к моим товарищам.

Они это очень хорошо знали, но мы поклялись друг другу никому не открывать, где наши дома, и они не выдали меня.

— У него нет никакого дома, он живёт здесь, — сказал Мбулди.

— И отца с матерью нет, он сирота, — прибавил Рипстон.

— Несчастный! — сказал фургонщик. — Если оставить его здесь, он, наверно, умрёт. Свезу его хоть в рабочий дом. Хочешь в рабочий дом, мальчик?

Мне было всё равно, только бы не домой. Я был так слаб, что не мог говорить. На вопрос фургонщика я только кивнул головой. Добрый человек заботливо укутал меня в попону¹ своей лошади и, взяв лошадь под уздцы, вывез фуру из-под Арок. Рипстон всё время сидел рядом со мной в фургоне.

Мбулди, несмотря на свою боязнь горячки, не мог расстаться со мной, не попрощавшись. Я услышал, что он цепляется руками за задок фургона, и, взглянув в ту сторону, увидел его грязное лицо.

— Прощай, Смитфилд! — сказал он мне и затем обратился к фургонщику: — На нём моя куртка, так вы, пожалуйста, скажите в рабочем доме, пусть её спрячут и отдадут ему, если он выздоровеет. Ну, прощай, голубчик Смиф! Не скучай!

И он исчез.

Рипстон долго оставался в фургоне. Наконец крепко пожал мою горячую руку, с любовью посмотрел на меня, плотнее завернул меня в попону, перескочил через задок фургона и, не говоря ни слова, ушёл прочь.

¹ Попону (попона) — покрывало для лошади.

Я остаюсь в живых

Добрый фургонщик привёз меня в рабóтный дом. Там меня раздѣли, обмыли и уложили в постѣль. Все говорѣли, что мне очень плохо; однако — странное дѣло! — я не чувствовал себя особенно дурно. Я лежалъ очень спокойно и удобно, у меня ничего не болѣло. Если бы кто-нибудь спросилъ меня, что лучше: быть здоровымъ под тѣмными Арками или лежать здесь в горячке? — я, не задумавшись, выбралъ бы горячку. Да и чего было задумываться? Горячка не причиняла мне никакой боли. Я не испытывал и двадцатой доли тех страданий, какіе перенёс от зубной боли в фурго́не. Постѣль у меня была чистая и мягкая, лекарство не особенно противное, а бульон, которымъ меня кормили, превосходный. И, однако, все, да́же доктор, смотрѣли на меня как-то серьёзно, все подходили к моей постѣли осторожно и говорѣли со мной тихим, мягкимъ голосом, точно думали, что я ужасно какъ мучаюсь. Не раз приходило мне в голову, что я, можетъ быть, попалъ сюда по ошибке, что у меня совсемъ не та страшная болѣзнь, которую называютъ горячкой, что, какъ только ошибка откроется, меня тотчасъ же выгонятъ прочь.

Не знаю, сколько времени пролежалъ я такимъ образомъ, но помню, что разъ утромъ я проснулся гораздо бодрѣе, чемъ былъ накануне. Все с удивлениемъ глядѣли на меня. Сидѣлка, подавая мне завтракъ, чуть не разлила его, начавъ что-то бормотать о людяхъ, которые спасаются отъ гроба. Надзирательница остановилась подле моей постѣли и сказала:

— Ну, его, кажется, не скоро придётся хоронить!

Больше всех удивлялся докторъ.

— Ай да молодецъ! — вскричалъ онъ. — Вотъ ужъ не ожидалъ, что онъ такъ ловко вывернется!

— Да, сэръ, — замѣтила сидѣлка, — онъ, можно сказать, обманулъ свою смерть.

— Вотъ это верно, — засмеялся докторъ, — онъ вправду обманулъ её! Вчера ночью жизнь его висѣла просто на волоскѣ, а теперь какимъ молодцомъ глядитъ! Онъ, навѣрно, поправится. Мы

поставим его на ноги, прежде чем ему придётся ещё раз стричь волосы.

Я не совсем понимал весь этот разговор, но последние слова доктора удивили меня. В первый же день моего пребывания в рабочном доме меня обрили так, что голова моя была совсем гладкая, волосы мой долго не нужно будет стричь; неужели же я не выздоровлю раньше этого времени? Должно быть, доктор ошибается.

Действительно, доктор ошибся; худо было то, что и я также ошибся. Волосы мой росли очень медленно, но выздоровление шло ещё медленнее. Можно сказать даже, что настоящие страдания мой начались именно около того времени, когда, по мнению доктора, я должен был бы бодро стоять на ногах. На ногах я, правда, стоял, то-есть меня принуждали вставать, одеваться и ходить по палате. Но я не чувствовал себя ни бодрым, ни весёлым. Аппетит у меня был хорош, даже слишком хорош, так что я без труда мог съесть втрое больше скудных больничных порций. Но мне было гораздо приятнее лежать в горячке, когда все за мной ухаживали и я мог сколько хотел нежиться в постели, чем слоняться из угла в угол, попадаясь всем под ноги, беспрестанно натываясь больными костями на край кровати и на жёсткую мебель. Одну неделю у меня сделалась опухоль в ногах, так что я не мог надеть башмаки, потом у меня заболели уши, потом глаза, так что я должен был ходить с большим зелёным козырьком. И всё время я ужасно скучал, чувствовал себя и несчастным и сердитым. Каждый скрип двери раздражал меня, рабочий дом опротивел мне. Я захотел поскорее выздороветь, чтобы мне отдали моё платье и отпустили меня на волю.

Я был вполне уверен, что ничего другого со мной не сделают. Мне хотелось только одного: чтобы к моему костюму прибавили рубашку, шапку и, пожалуй, сапоги. Я думал, что могу, когда захочу, сказать: «Благодарю вас, что вы вылечили меня, теперь я уйду», и предо мной тотчас же отворятся все двери и мне можно будет идти на все четыре стороны. Куда идти, об этом я также не задумывался. Я, конечно, возвращусь

под тёмные Арки к Рипстону и Мбулди, которые очень обрадуются мне. Хотя я пользовался в рабочем доме и хорошей пищей и хорошим помещением, но я без всякого страха думал о возвращении к прежней жизни маленького бродяги. Мне вспоминалось, как мы свободно расхаживали по улицам города, добывая и тратя деньги на что хотели, мне вспоминались все наши весёлые проделки и я от души хотел поскорее увидеться с Мбулди и Рипстоном. В целом мире о них одних думал я с любовью. Мой родной дом как будто не существовал для меня.

В одной палате со мной были и другие мальчики, давно уже жившие в рабочем доме, но я не сблизился с ними. Они казались мне какими-то глупыми, я боялся рассказывать им что-нибудь о своих делах, чтобы они не выдали меня. В рабочем доме все со слов фургонщика считали меня сиротой, у которого нет ни жилья, ни друга, ни кровителя.

Наконец я выздоровел. Это было уже в феврале. Снег толстым слоем покрывал землю, когда доктор, обходя палату, приказал завтра выписать из больницы меня и другого мальчика, Байльса, у которого недавно была скарлатина.

Когда доктор ушёл, Байльс спросил меня:

— Слушай, Смитфилд, ты — сирота?

— Сирота, — отвечал я.

— Ну, так тебе морские работы.

— Как так? С какой стати?

— А так, что всех сирот отправляют в Стратфорд, и тебя туда отправят. Разве ты не знаешь? Ужасно больно секут в Стратфорде и в чёрную яму сажают. Я знал одного сироту — такого же, как ты, так его там убили.

— За что же убили?

— А его поймали, когда он хотел убежать: он перелезал через высокую стену, утыканную гвоздями. Его схватили, бросили вниз, заперли в тёмную яму, и с тех пор о нём ни слуху ни духу. Все говорят, что его убили.

— Какой же он был дурак, что поехал в Стратфорд! — заметил я.

— Да разве он сам поехал? Его повезли, вот как и тебя повезут, — отвечал Байльс.

— Нет, меня не повезут, — решительным голосом объявил я. — Когда начальник будет проходить по нашей палате, я попрошу, чтобы он отдал мне платье и позволил мне идти куда хочу.

— Вот это ловко! — засмеялся Байльс. — Попроси его, он тебя, наверно, пустит, да ещё, пожалуй, даст тебе денег на извозчика!

Я не обратил внимания на слова Байльса; я всегда думал, что он глуп, а теперь вполне убедился в этом. Кому охота удерживать меня в рабочем доме? Напротив, все будут очень рады отделаться от меня.

Начальник каждый вечер обходил палаты, чтобы посмотреть, все ли в постелях. Когда он подошёл ко мне, я позвал его. Все в палате подняли головы с подушек и посмотрели на меня с удивлением. Я и не подозревал, что совершаю дерзкий поступок.

— Ты меня позвал, мальчик? — спросил у меня начальник, как будто не доверяя ушам своим.

— Да, сэр, я хотел просить вас, чтобы вы приказали отдать мне моё старое платье и положить его сюда на стул. Я надену его завтра утром. Я хочу отсюда уйти.

В глазах начальника блеснул гнев. Затем он спокойно обратился к надзирательнице.

— Что, этот мальчик в своём уме, миссис Браун? — спросил он.

— В своём, сэр, если у этого дерзкого негодяя есть ум, — отвечала надзирательница.

— Очень хорошо! — сказал начальник, вынимая карандаш и записную книжку. — Он ведь из той партии, которая уходит завтра? Какой его номер?

— Сто двадцать седьмой, сэр, — ответила надзирательница.

— Благодарю... Ну, номер сто двадцать седьмой, тебе придётся вспомнить сегодняшний вечер!

И, взглянув на меня ещё раз, он пошёл своей дорогой.

Я закрыл голову одеялом и долго не мог опомниться. Неужели это правда? Я не смею выйти из работного дома, когда захочу! Я здесь пленник, завтра меня увезут в то ужасное место, о котором рассказывал Байльс, и там, конечно, сразу засадят в чёрную яму за дерзость начальнику!

Что мне делать? Как избавиться от ужасной участи, грозящей мне? Если бы даже мне удалось вырваться из работного дома, я не могу бежать в этом платье. Я должен сознаться, что не постыдился бы унести с собой одежду, данную мне работным домом, но одежда эта была какая-то странная: коротенькая курточка, штаны с лифчиком, доходящие только до колен, синие шерстяные чулки и башмаки с медными пряжками. Как я мог бежать в таком наряде? Всякий за версту узнал бы меня. А впрочем, от работного дома до Арок недалекó. Только бы мне добраться туда. Моулди и Рипстон, конечно, выручили бы меня. Но как улизнуть из работного дома?

Я долго не мог уснуть, раздумывая об этом. Наконец я составил план, очень рискованный, но другого я не мог придумать.

У нас в палате была одна добрая женщина — помощница сиделок, которая часто получала от кого-то письма. Звали её Джен. Письма эти привратник¹ оставлял у себя, а она обыкновенно или сама сходилá вниз за ними, или посылала кого-нибудь из нас. За то, что привратник сберегал её письма, она

¹ Привратник — здесь: сторож у входа в больницу.

ча́сто дава́ла ему́ на таба́к. Я реши́лся воспользоваться э́тим. Конечно́, мне придётся мно́го лгать, но э́то пустяки́. Стра́тфорд каза́лся мне сли́шком стра́шным.

Наступи́ло у́тро. Мы за́втракали в полови́не восьмо́го, а пи́сьма приходи́ли с восьмичасово́й по́чтой. Когда́ я просну́лся, я на́чал колеба́ться, но за за́втраком ма́льчики осыпа́ли меня́ насме́шками и всё толкова́ли о том, как мне зададу́т в Стра́тфорде. Э́то разру́шило все мои́ колеба́ния.

В че́тверть девя́того я ухитри́лся, спря́тав ша́пку в штана́, незаме́тно вы́браться из пала́ты и спуститься́ с ле́стницы. Внизу́ шёл дли́нный коридо́р до са́мого дво́ра, на да́льном конце́ кото́рого находи́лись воро́та. Там сидёл привра́тник. Окно́ больни́чной пала́ты выходи́ло во дво́р, и я уви́дел, что Джен сме́трит на меня́ и как бу́дто уди́вляется, с како́й ста́ти я очути́лся во дво́ре в тако́е вре́мя. Я не обрати́л на неё внима́ния и хра́бро подошёл к камо́рке привра́тника.

— Пи́сем нет! — сказа́л он, уви́дев меня́.

— Я зна́ю, — отвеча́л я, — но Джен про́сит, что́бы вы позво́лили мне сбегать за́ угол, купи́ть ей почто́вой бума́ги. Она́ говори́т...

— Вот вы́думала! — серди́то вскрича́л привра́тник. — Ра́зве я могу́ позво́лить э́то? Скажи́ твоёй Джен, что уж о́чень она́ зазна́лась: проси́ть такие глупости́!

С э́тими слова́ми он взгляну́л вверх, в окно́, а в окне́ Джен де́лала ему́ са́мые отча́нные зна́ки.

— Ла́дно, не́чего зна́ки де́лать! Если я пу́щу его́, меня́ за э́то, пожа́луй, прого́нят со служ́бы...

— Позво́льте, — переби́л я его́ поспешно́, ви́дя, как моя́ наде́жда исче́заёт. — Джен ещё́ велела́ мне купи́ть вам восьму́шку табаку́.

— Гм, э́то друго́е де́ло!.. — Он о́пять взгляну́л в окно́ больни́чной пала́ты, где всё ещё́ сто́яла Джен. Она́ вся раскрасне́лась: ве́рно, у неё мелькну́ло подо́зрение, и она́ отча́нно мота́ла голово́й. — Да то́лько не́чего ва́шей Джен зада́бривать меня́ табако́м. Ну, дава́й де́ньги, а сам беги́ скорей, да смотри́ не копа́йся, не то тебе́ доста́нется!

Дать ему деньги и бежать! Он меня отпускает, дорога открыта, и вдруг всё дело должно погибнуть из-за того, что у меня нет каких-нибудь двух пёнов! Я прибежал к новой лжи.

— У меня нет мелочи, — сказал я. — Джен велела мне купить вам табак из тех денег, что дала мне на бумагу.

Я стал искать в кармане воображаемую серебряную монету.

— Ну, иди скорей! Чем тут стоять да болтать, ты бы уж и вернуться успел!

Он отодвинул засов маленькой калитки, и я был свободен! Мне хотелось тотчас же пуститься бежать, но я боялся, не подстерегает ли меня кто-нибудь, и потому сначала просто пошёл скорым шагом. Зато, дойдя до первого угла, я бросился бежать во весь дух.

Было пасмурное холодное утро, я чувствовал себя необыкновенно лёгким и бодрым. Местность была мне знакома; я знал самую близкую дорогу и минут через шесть добежал до того прохода на набережную, который вёл вниз, в тёмные Арки.

XI

Я ещё раз направляюсь к улице Термилл

Когда я повернул в проход к Аркам, на часах пробил девять. Это заставило меня остановиться. Мбулди и Рипстона не могло быть под Арками — они, наверно, давно уже на работе и не вернуться раньше сумерек. Надо было провести весь день, не видавшись с ними. Это значительно уменьшило радость, которую я испытывал, вырвавшись так благополучно из рабочего дома. Я мог, конечно, разыскать своих друзей на базаре, но явиться туда в моём костюме было немислимо. Я решился пробраться под Арки и там ждать их возвращения. Странно: то место, где стоял наш фургон, оказалось совсем не таким уютным, как я ожидал. Там было темно и жутко. Сырость пронизала меня до костей.

У одной из стен я увидел кучу какого-то тряпья и напразил-

ся тудá. Но едва́ я подошёл́ ближе́, кúча зашевели́лась, и раздал́ся скрипúчий стáрческий гóлос:

— Чегó ты здесь ищешь, мальчи́шка? Я дúмал, что хоть днём все уйдúт и дадут́ мне умереть́ спокóйно. Тяжелó умирать́ на людях...

— Я не помешáю вам умирать́, — вежливо́ сказа́л я. — Умира́йте, пожа́луйста. Я то́лько ищú местéчка, где бы укры́ться от хóлода.

— Полеза́й в ящик, что сто́ит на теле́жке водовóза, — прохрипéл мой но́вый знако́мый. — Если бы меня́ ещё носили́ но́ги, я сам забрáлся бы тудá и не стал бы надоеда́ть люд́ям глúпыми разговóрами.

Я осмотрéлся и замéтил теле́жку, на котóрой сто́ял большóй ящик с отvéрстием наверху́.

Я влез в него́, раду́ясь, что нашёл́ себе́ уютный уголо́к. Ско́ро, одна́ко, оказа́лось, что убежище́ это́ не так удо́бно, как я вообража́л. Внутри́ ящика́ оста́лось мно́го воды́, она́ замёрзла и сначáла была́ соверше́нно твёрдой, но когдá я сел на лёд, он стал отта́ивать, и вода́ просáчивалась сквозь мой брúки. Я вы́лез из ящика́ и прилёг за бо́чкой водовóза, чтóбы укры́ться от вéтра. Но вéтер был тако́й рёзкий, пронзительный, что укры́ться от него́ не́ было возмо́жности. Он с си́лой врыва́лся сквозь узкий проход и приносил́ с бéрега реки́ обледенéлый снег. Меня́ прохвата́вало до костéй, щипáло за уши. А когдá я приподнимáл гóлову, вéтер дул мне прýмо в рот. Я дол́жен был держáть ша́пку обеими́ рука́ми, пáльцы у меня́ заболéли от хóлода, то́чно обожжённые огнём. Я не́ мог больш́е получа́са переносить́ эту пы́тку. Я соскочил́ с теле́ги, засúнул рúки в карма́ны и принялся́ бéгать взад и вперёд, то́пая по ско́льзким камн́ям, чтóбы как-нибудь́ разогрéть окоченéвшие но́ги.

Наконéц хóлод до того́ измúчил меня́, что я реши́лся попрóбовать развест́и огóнь. На берегу́ мóжно бы́ло подобрáть мно́го шéпок и куски́ у́гля; одна́ бедá — у меня́ не́ было спички. На реке́ сто́яло мно́го бáрок, на них работáли люд́и, и мно́гие из них кури́ли. Они́, конечно́, дали́ бы мне спичку, е́сли бы я попросил́ у них; но как подойти́ к ним в моём кóстюме? Они́ стá-

нут расспрашивать меня, стáнут рас-
сказывать обо мне своим знакомым,
и кончится тем, что меня поймáют.
Оставáлось одно: снять кúртку, ко-
тóрая могла уличить меня, и вы́ма-
зать лицо и рúки грязью, чтобы быть
похожим на одногó из мáльчиков-
«костяников», рóющих в речнóм
íле. Это бýло дéло нетрúдное, но
мне онó показáлось в то врéмя стра́ш-
но тяжёлым: я ещё не совсём опрá-
вился пóсле болéзни, я ужáсно про-
зjáб, а мне пришлóсь снять не тóлько
кúртку, но и чулки, башмаки и шáп-
ку, так как «костяники» éтой одéжды
не нóсят. Их нóги, рúки и лицо вéчно
вы́пачканы грязью. Чтóбы вы́мазать-
ся таким же óбразом, я дóлжен

был прóйтись гóлыми ногáми по речнóму íлу, покúрýтому свёрху
слóбом льда, окунуть в éтот ил рúки и натерéть им лицо.
«Костяники» нóсят с собóй всегда íли мешóк, íли какúю-ни-
будь посúдину, в котóрую собирают всé, что найдут. На моё
счáстье, я увидел под кормóй однóй бáрки стáрую кастрюлю,
лежáвшую в íле. Я взял её в рúки и, подойдя к однóму стáро-
му бáрочнику, попросил у негó спичку.

— Пошёл прочь, сквёрный ворíшка! — закричáл он. — Ты
тóлько что из тюрьмы и опя́ть берёшься за прéжнее!

— Я нé был в тюрьме, — со слезáми отвечáл я. — Я нико-
гдá нé был в тюрьме.

— Нé был в тюрьме, гáдкий лгун! Да ты посмотри́ на свою
гóлову — рáзве éто не тюрéмная стрíжка?

— Нет, я был в рабóтном дóме, и меня там обрúли,
потому́ что у меня была́ горячка. Я убежáл из рабóтного
дóма!

Старик свéсил седúю гóлову чéрез край бáрки и пытли́во
посмотрéл на моё грязное, зáлитое слезáми лицо. Он, должнó

быть, убедился, что я говорю правду, потому что сказал гораздо ласковее:

— Ну, если тебе нужна только спичка, так возьми себе хоть две да иди своей дорогой.

Он воткнул спички в расщелину багра и передал мне их таким образом. Но, увы, все труды мои оказались напрасны! У меня были и щепки, и уголья, и клочок бумаги, но всё это было такое сырое, что обе спички мои истлели и ничего не могли зажечь. Я посмотрел на берег; старика, давшего мне спички, не было на барке, пришлось обойтись без огня. Я опять сошёл к реке, смыл грязь с рук, с ног и с лица, дал им просохнуть на ветру, так как у меня не было полотенца, потом надел опять чулки, башмаки, куртку и шапку и принялся расхаживать взад и вперёд под Арками.

Часа в два пошёл снег. Это не огорчило, а, напротив, обрадовало меня: я думал, что из-за дурной погоды Рипстон и Мбулди скорее вернутся домой. Я уселся на последней ступеньке той лестницы, по которой они обыкновенно спускались под Арки, и стал ждать.

На церковных часах пробило семь, но мои друзья не являлись. Куда мне теперь деться, за что мне приняться? Уж не вернуться ли, пожалуй, домой?

Когда эта мысль в первый раз пришла мне в голову, я прогнал её, как совершенно нелепую. Но время проходило, у меня исчезла надежда увидеться с моими единственными друзьями. Мысль о доме возвращалась. Наконец я уже не мог думать ни о чём другом. Чего мне так бояться возвращения домой? Я уже больше девяти месяцев не видал никого из своих; может быть, они обрадуются мне, может быть, в худшем случае, отец сделает мне строгий выговор. Теперь я уже не такой маленький мальчик, каким был, когда бежал из дома, я знал, как искать работу, за какое дело взяться, я не буду в тягость своему семейству.

Однако, прежде чем идти в наш переулок, я побродил несколько времени около Арок, затем добежал до рынка, посмотрел, не там ли Рипстон и Мбулди, и, не найдя их нигде,

решился направиться к Тернмиллской улице. Я шёл бодро, нигде не останавливаясь и ни на кого не обращая внимания.

Но когда я дошёл до Смитфилда, шаги мои стали замедляться, а подойдя к переулку, я и совсем остановился: не опасно ли так прямо явиться к отцу? В это время дня он обыкновенно бывает в пивной. Подождать разве, пока он выйдет оттуда? Он всегда добрее, когда немного выпьет. Я остановился против переулка и стал поджидать отца. Он всегда возвращался домой в одиннадцатом часу, а теперь был только десятый. Я ждал терпеливо, и мысль о том, как меня встретит отец, что он мне скажет, мешала мне даже чувствовать голод и холод.

Но время шло, а отца всё не было. Я решился наконец дойти до пивной, куда всегда заходил отец, и посмотреть, там ли он.

Вдруг дверь пивной распахнулась, и из неё вытолкали женщину. Платье этой женщины было всё изорвано и испачкано, рыжие волосы всклокочены, губы разбиты, а на руках она держала ребёнка, завернутого в какие-то грязные тряпки. Я тотчас же узнал её: это была миссис Берк с моей бедной сестрой Полли.

— Ах ты, проклятый пьяница! — визжала она. — Как ты смеешь бросать в меня бутылками? Ты чуть не убил ребёнка! Вернись только домой, я обломаю об тебя всю кочергу!

Мужчина, вытолкнувший её из двери, бросился на неё с поднятыми кулаками.

— И ты ещё смеешь попрекать меня пьянством, низкая тварь! — кричал он. — Сама пропиваешь деньги, которые я даю на еду. Вся семья голодает с тех пор, как ты поселилась в моём доме. Мало убить тебя!

— Полно вам буяннить, Джим Бализет, — сказал мистер Пигот, удерживая его за руки. — Я не позволю вам бесчинствовать у меня в кабаке. Можете бить её дома, если хотите, а не здесь!

Джим Бализет! Он назвал этого пьяного, грязного человека Джим Бализет! Неужели это мой отец? Я привык всегда ви-

деть отца одетым опрятно, даже щеголевато. Бывало, возвращаясь с работы, он тщательно умывался и не выходил из дому иначе, как в чистой рубашке, в крепкой фланелевой куртке и в шелковой косынке на шее. А у этого человека немывтое, опухшее лицо с заплывшими глазами, небритая, щетинистая борода. Его волосы давно не видали гребенки. На нем страшная грязная рубашка и старая, измятая шляпа.

— Пустите меня! — кричал он мистеру Пиготу. — Я должен разбить морду этой скотине, этой змее, этой пиявке, высосавшей всю кровь из моих жил!

— Перестань, Джим! — убеждали его люди, выскочившие из пивной. — Успеешь расправиться с ней; пойдём-ка лучше выпьем ещё по стаканчику.

К шумевшей толпе подошёл полицейский.

— Что, опять Бализеты скандалят? — спокойно спросил он трактирщика.

— Да, — ответил мистер Пигот. — Сил не хватает с ними справиться. Наконец-то вы пришли на подмогу.

— Да, господин полицейский, — кричал отец, — уберите отсюда эту рыжую тварь, чтобы глаза мой больше её не видали!

И он, шатаясь, вернулся в пивную.

— Нет, лучше пристукните этого изверга, пропившего всё моё добро, — захныкала миссис Берк, немного успокоившись при виде полицейского.

— Ну, иди, иди домой, бесстыдная пьянчужка! — заорчал полицейский, бесцеремонно втащил её в наш переулок и втолкнул в дверь нашего дома.

Что мне было делать? Идти за миссис Берк было, конечно, глупо. Я никогда не рассчитывал на ласковый приём с её стороны. Соваться ей на глаза, когда её побили, было уж совсем нелепо. Я очень жалел малютку Пблли, но меня утешало то, что она по крайней мере жива и не сделалась калёкой по моей вине. Подойти к отцу? Может быть, отец сжалится надо мной. Прёжде миссис Берк восстанавливала его против меня. Тепёрь он с ней поссорился; может быть, он примет меня на зло ей. Я робко вошёл в пивную. Там было много народу, и я

не сразу увидал отца. Только оглядевшись хорошенько, я заметил, что он сидит, положив обе руки на стол и склонив на них голову.

— Эй ты, работный дом, чего тебе? — спросил у меня слуга.

— Я пришёл сюда к отцу, он там, — отвечал я, указывая на отца.

— А как зовут твоего отца, мальчик?

— Джим Бализет.

— А! Я так и думал, я его сразу узнал! — вскричал скорняк, живший в нашем переулке. — Джим, проснись-ка, смотри — воротился твой сын! — закричал он отцу, слегка расталкивая его.

— Врёшь, не тронь меня! — проворчал отец, не поднимая головы.

— Поговори с ним, маленький Джим, он узнает твой голос.

— Это я, отец! — проговорил я, дотрагиваясь до его локтя дрожащей рукой. — Я пришёл назад.

Отец медленно поднял голову и устремил на меня такой свирепый взгляд, что я отступил на два шага. Он несколько минут смотрел на меня таким образом, и я уже начинал надеяться, что гнев его исчезнет, как вдруг он, не говоря ни слова, бросился на меня и схватил за ворот рубашки и куртки. Рука его сильно сдавила мне горло, и я упал на скамейку.

— А, попался, негодяй! Попался! — проговорил он, отстегивая другой рукой страшный ремённый пояс.

— Что вы с ним делаете, Джим?.. Джим, ведь вы его задушите!.. Оставьте его, Джим!.. Можно ли так обращаться с ребёнком? — вступились за меня окружающие.

— Сын — мой! Что хочу, то и делаю с ним! — закричал отец.

Он остановился на минуту, должно быть соображая, как удобнее положить меня, для того чтобы высесть, затем приподнял меня за шиворот и бросил на стол лицом вниз. Тут он, должно быть, в первый раз заметил, какая на мне странная одежда.

— Это что у тебя за наряд? — спросил он.

— Это, должно быть, тюремное платье, — заметил кто-то, — стрижка тюремная.

— Нет, это не тюрьма, — сказал слуга, — это рабочий дом.

— Да, рабочий дом, — подхватил я. — Мне выдали это платье, когда я заболел горячкой и попал в рабочий дом.

Я думал этими словами разжалобить отца, но вышло наоборот. Он отскочил от стола с отвращением и, обращаясь к окружающим, проговорил слезливым голосом:

— Вот, вы говорите, чтобы я отпустил его, а знаете ли вы, что сделал этот мальчишка? Он бежал из дома, он чуть не убил мою дочку, он нищенствовал, он опозорил меня, он был в рабочем доме, слышите ли вы? В рабочем доме! И чтобы я его пустил! Да ни за что на свете, я его до смерти изобью!

— Только, пожалуйста, не в моем кабаке! — вскричал мистер Пигот, хватая на лету конец ремня, который отец уже поднял надо мной.

Мистер Пигот хотел выхватить и весь ремень, но другой конец ремня был крепко обмотан вокруг отцовской руки. Между ними завязалась драка, и, воспользовавшись этим, я незаметно соскользнул со стола на пол.

— Зовите полицию! — кричал хозяин.

— Зовите кого хотите, никто не помешает мне расправиться с этим негодяем!

Дверь распивочной приотворилась, в неё всунулось с полдюжины голов любопытных прохожих, привлечённых шумом. Я спрятался под стол. Добродушный слуга наклонился и протаскил меня к двери. Все присутствующие были до того заняты дракой отца с мистером Пиготом, что не обращали на меня внимания.

— Бегй скорей домой и радуйся, что так дешево отделался! — сказал слуга, выталкивая меня на улицу и запирая за мной дверь.

XII

Я знакомлюсь с двумя джентльменами

«Радуйся, что так дешево отделался!» — сказал мне трактирный слуга.

Радоваться? Чему? Хотел бы я знать! Я был самый несчастный мальчик на свете: у меня не было ни угла, ни друга, ни куска хлеба; у меня не было даже одежды, так как платье на мне было чужое и страшно стесняло мою свободу. Все мои планы рушились. Я спасся от побоев, но это вовсе не утешало меня. Я чувствовал такое уныние, что не мог даже бежать. Мне было так худо, что, если бы я услышал, как отец догоняет меня, размахивая ремённым поясом, я не прибавил бы шага.

Было уже около одиннадцати часов, все лавки запирались. Я шёл куда попало, не обращая внимания на дорогу, наудачу поворачивая то в ту, то в другую сторону, точно бездомная собака.

Так я бродил с четверть часа, пока не очутился в небольшой улице, которая вся состояла из лавок. Лавки были заперты, только в булочной светился огонь. Я подошёл к освещённому окну, и глазам моим представилась целая груда булочек разных форм и величин. Я остановился неподвижно, точно у меня вдруг отяжелились ноги. Не напрасно бродил я взад и вперёд: я нашёл наконец то, что мне нужно. Ах, если бы мне дали хоть одну,

из этих чудных, румяных булочек! Сколько бы штук мог я съесть? Которую бы я выбрал? Нижнюю, она поджаристее, и ещё вон ту, что ближе к окну.

Зз!.. — закрылся последний ставень. Исчез и свет и прекрасный хлеб. Булочная сделалась таким же тёмным пятном, как и все остальные лавки. С утра я не чувствовал голода, я даже не думал о еде, но теперь желудок мой как будто проснулся и стал требовать пищи. Мучительный голод как-то оживил меня, я вдруг почувствовал себя необыкновенно бодрым. Во что бы то ни стало необходимо добыть себе еду. Но каким образом? Просить милостыню? У кого? Улицы, по которым я шёл, редко посещались богатыми людьми, и теперь там не видно было ни одного человека. Да и как мне просить милостыню в платье из рабьего дома? Кто даст мне пёни и не станет спрашивать меня, зачем я ночью шлёюсь по улицам и не иду домой? Кроме того, просить милостыню поздно. Пока я выпрошу пёни, все лавки уже закроются. Украсть разве что-нибудь? Но где? На всей улице открыта одна только пивная, а из пешеходов виден один полицейский. Впрочем, я не мог разглядеть ничего вдаль, так как снег валил густыми хлопьями. Вдруг я услышал шаг и весёлый смех, а через минуту увидел двух молодых джентльменов с сигарами и тростями в руках. Украсть у них что-нибудь мне и в голову не приходило, но я надеялся, что они сжалятся надо мной и дадут мне какую-нибудь монетку. Они были очень веселы и, должно быть, очень богаты — у каждого на пальце был перстень с большим блестящим камнем.

На моё счастье, один из них остановился закурить сигару совсем недалеко от меня.

— Будьте так добры, — сказал я, — подайте мне что-нибудь.

— А вот попроси у моего приятеля, — отозвался он. — Берни, дайте шиллинг бедному мальчику.

Сердце у меня забилося от радости. Я обратился к приятелю джентльмена.

— Протяни руку, — сказал он.

Я протянул, а он плюнул мне на руку, говоря:

— Вот какие шиллинги я даю попрошайкам!

— Ха, ха, ха! — засмеялся другой джентльмен.

На мину́ту я почувствовал такой припа́док бешенства, что готов был вцепиться в нос мистеру Бэрни, но голод заглушил мою ярость. Я обтёр руку о стену и снова протянул её весёлым господа́м.

— Теперь, надеюсь, вы дадите мне хоть пёнки, хоть полпёнки, — вежливо проговорил я. — Я умираю от голода.

— Что ты лжёшь, негодяй! — закричал мистер Бэрни. — Толкуёт о голоде, а одёт отлично! Разве в таких башмаках просят милостыню? Надо́бно просто свести его к полицейскому, Джонс!

Эти слова навели меня на новый ряд мыслей. Действительно, башмаки у меня были крепкие, хорошие, слишком хорошие для нищего. Я могу́ продать их. Лучше ходить босиком, чем терпеть такой страшный голод.

Мальчики, ночевавшие под Арками, часто рассказывали, что в Филд-Лейне есть много лавок, где торгуют до поздней ночи и покупают всё, что угодно, без разбора, не спрашивая, откуда взят товар.

До Филд-Лейна было недалёко. Я нагнулся и начал развязывать башмаки.

— Ты что это делаешь? — спросил мистер Бэрни.

— Да вот, спасибо, вы мне напомнили, какие на мне башмаки; теперь уж я не стану просить у вас денег. Держите при себе и свой пёнки и свой плевки, не то вам может достаться кирпичом по голове́.

— Пойдём, Джонс, — сказал Бэрни. — Если он осмелится тронуть нас, мы позовём полицейского.

— Нет, постой, — остановил Джонс. — Ты что же это хочешь делать со своими башмаками, мальчик?

— Продать их.

— Куда же ты понесёшь их ночью? Хочешь прода́вать, так покажи их сюда́. Пойдём к фонарю́.

Я снял чулки и засунул их в башмаки, а башмаки связал шнурками и перекинул через плечо́.

Мистер Джонс подвёл меня к фонарю́, взял в руки один

башма́к и принялся разглядывать и ощупывать его́ с са́мым деловы́м ви́дом.

— Ско́лько ты за них хóчешь? — спроси́л он.

— По́лно вам шути́ть надо мно́й! — вскрича́л я. — За́чем вам знать, ско́лько я за них хочу́?

— Да ра́зве я шучу́, ма́льчик? — с серьёзным ви́дом сказа́л мис́тер Джонс. — Я хочú сде́лать де́ло. Назнача́й це́ну, я куплю́ башмаки́.

Ка́кую назна́чить це́ну, я реши́тельно не знал. Тут я вспо́мнил, что одна́жды мать дала́ два шиллинга де́вять пёнсов за па́ру башмако́в го́раздо ху́же э́тих. Э́ти башмаки́ бы́ли та́кие тёплые, удо́бные! Сто́я на хо́лодном сне́гу босы́ми нога́ми, я впло́не оце́нил их.

— Я хочú за них восемна́дцать пёнсов, — сказа́л я.

Мис́тер Джонс посмотре́л на мис́тера Бе́рни, а зате́м оба молоды́х челове́ка приня́лись хохота́ть, то́чно я сказа́л им ка́кую-то необы́кновенно забавную шу́тку.

— Ну хорошо́, хорошо́! — заговори́л мис́тер Джонс. — Шу́тка шу́ткой, а то́лько мы нико́гда не сде́лаем де́ла, е́сли ты не ста́нешь говори́ть серьёзно. Ско́лько дать тебе́ за них?

— Восемна́дцать пёнсов, не ме́ньше, я зна́ю им це́ну.

— А хóчешь шесть?

— Нет, восемна́дцать, не то дава́йте их наза́д. Дава́йте, я не хочú продава́ть вам!

— Ну, не́чего с тобо́й де́лать! — со вздо́хом произне́с мис́тер Джонс. — На́ тебе́ де́ньги, и убира́йся скорей, что́бы я не разду́мал.

Он положи́л мне в ру́ку семь пёнсов, взял по́д руку мис́тера Бе́рни и поше́л прочь.

Я ухвати́лся за его́ пальто́.

— Мне на́до ещё́ оди́ннадцатъ пёнсов! — крича́л я. — Не то отда́йте мне моё чулки́ и башмаки́!

— Да ты с ума́ соше́л! — вскрича́л мис́тер Бе́рни. — Мы мо́жем купи́ть но́вые сапоги́ го́раздо дешёвле.

— Да тут ещё́ чулки́.

— А! Чуло́к я и не заме́тил. Посмо́трим, ка́кие та́кие чулки́.

Мистер Бэрни вытащил чулки из башмаков, внимательно осмотрел их и затем сказал:

— Ну, нечего делать, ты, кажется, мальчик хороший. Мы тебе прибавим цену — дадим шиллинг за всё.

— Нет, я не хочу, мне надо восемнадцать пэнсов. Я бы и этого не взял, если бы не был так страшно голоден.

В эту минуту мы подошли к маленькой грязной лавчонке. Она ещё не была запёрта, и на окне её лежало несколько больших хлебов и кусок холодного варёного сала.

— Это ты врешь, что голоден, — сказал мистер Джонс. — Кабы ты вправду есть хотел, ты бы обрадовался шиллингу. Ведь за четыре пэнса можно купить огромный кусок хлеба с этим салом.

Соблазнительно было глядеть на чудесное сало на окне лавки. Я был так голоден, что, кажется, мог бы съесть весь кусок до последней крошки. Однако отдать башмаки за такую неподходящую цену мне не хотелось.

— Мне надо восемнадцать пэнсов, — повторил я.

— Экий ты какой! Ну, уж если тебе так нужны эти деньги, так поищи, нет ли у тебя ещё чего продажного: носового платка, ножичка или чего-нибудь такого. Посмотри-ка в кармане!

— Ничего мне смотреть, у меня только то и есть, что на мне.

— Ну что же! Мы всё покупаем, — сказал мистер Бэрни. — Мы можем дать тебе за платье не восемнадцать пэнсов, а восемнадцать шиллингов. Продавай!

Неужели они в самом деле дадут мне за моё платье восемнадцать шиллингов? Да я рад был продать его и за половину этой цены, оно ведь только мешало мне.

— Как же я буду продавать платье здесь, на улице? — заметил я.

— За чём на улице? Поведём его к себе, Бэрни, — предложил мистер Джонс.

С этими словами молодые джентльмены, держа в руках мой башмаки и чулки, быстро пошли к Сафрон-Гиллу. Я не отставал от них. Дойдя до самой грязной части Гилла, они остановились перед одним домом. Ключ от дверей был в кармане у ми-

стера Джонса, и мы все трое, пройдя тёмный коридор, поднялись по скрипучей лестнице во второй этаж и вошли в комнату. Мистер Бэрни зажёл маленькую оловянную лампу, прибитую к стене, и при её свете я мог рассмотреть жилище молодых людей. Оно походило на лавку тряпичника. В одном углу навалена была такая огромная куча шляп, что верхушка изломанного потёртого цилиндра ¹ касалась потолка. В другом углу свалено было множество старых башмаков и чулок всех сортов и величин. Кроме того, груды старого платья лежали на длинном столе, прислонённом к одной из стен.

В этой лавочке, видимо, жили люди: на складном столе перед камином стоял чайный поднос с грязными чашками и кофейником, тут же лежали на капустном листе кусок масла и початая булка.

— Можно съесть? — спросил я и, не дожидаясь ответа, откусил большой кусок.

Мистер Бэрни ударил меня по руке медной спичечницей так, что булка полетела на пол. Я хотел поднять, но мистер Джонс схватил её.

— Полно, мальчик, ты не воровать сюда пришёл, — заметил он строго.

— Вот что, мальчик, — сказал мистер Бэрни ласково: — я вижу, что ты очень голоден, мне жаль тебя; возьми этот хлеб впридачу к шиллингу за башмаки и не приставай к нам больше!

Если бы я не попробовал хлеба, я, может быть, продолжал бы настаивать на своей цене, но теперь я положил в карман шиллинг, который мистер Бэрни протянул мне вместе с хлебом, и жадно вцепился зубами в булку.

— Ну, а теперь проваливай! — проговорил мистер Джонс, отворяя передо мной дверь. — Дело слажено, и тебе нечего у нас делать.

— А как же вы хотели купить всё моё платье? — напомнил я. — Ещё говорили, что дадите восемнадцать шиллингов.

¹ Ц и л и н д р а (цилиндр) — высокой твёрдой шляпы.

— Восемна́дцать шй́ллингов? — Мй́стер Джонс пощупал ма́терию на моёй ку́ртке. — Восемна́дцать шй́ллингов — недорого, я бы дал и бо́льше, ну, да е́сли ты сто́лько про́сишь, так вот тебе́ твоя́ це́на!

Он протяну́л мне восемна́дцать пёнсов.

— Это́ восемна́дцать пёнсов, — вскрича́л я, — а мне на́до восемна́дцать шй́ллингов!

— Эх ты, дурачи́на! Да кто же даст сто́лько за э́ту дрянь?

— На что же мне восемна́дцать пёнсов? Ведь я до́лжен купи́ть себе́ друго́е пла́тье вме́сто э́того.

Бе́рни притяну́л меня́ к себе́ и ещѐ раз внима́тельно осмо́трѐл всю мою́ оде́жду.

— Зна́ешь что, Джонс? — сказа́л он доброду́шным го́лосом. — Сде́лаем до́брое де́ло, дади́м бе́дному ма́льчику друго́е пла́тье: в э́том ему́ неудобно.

— Де́лать до́бро хорошо́, — возрази́л мй́стер Джонс, — то́лько ты пожа́лей и меня́: ведь мне приде́тся нести́ полови́ну убы́тка.

— По́лно, прия́тель, от до́брого де́ла нельзя́ разори́ться.

С э́тими слова́ми он поры́лся в ку́че ста́рого пла́тья и вы́тащил оттуда́ па́ру большй́х бума́зейных брю́к, о́чень истрѐпаннх, покрь́тых заплáтами спѐреди и сза́ди и совсе́м грязных.

— Онй́ разорваны́! — сказа́л я, указы́вая на большу́ю дыру́.

— Ну конечно́, э́то вещь поно́шенная, — отвеча́л мй́стер Бе́рни. — Не но́вое же пла́тье тебе́ дава́ть!

— Да онй́ бу́дут мне дли́нны и широ́ки.

— Пу́стяки, тепѐрь но́сят широ́кие брю́ки, а е́сли ока́жутся дли́нны, мы подрѐжем. Примѐрь-ка.

Моѐ пла́тье бы́ло сшй́то так, что для примѐрки брю́к я до́лжен был снять с себя́ все́, кро́ме руба́шки. Мй́стер Джонс то́т-час же подхва́тил мой ве́щи и запря́тал их куда́-то. Бума́зейные брю́ки бы́ли так широ́ки и дли́нны, что нигде́ не прикаса́лись к те́лу и все завязки́ бы́ли соверше́нно беспо́лезны; по́яс приходи́лся у меня́ подмышками́. Брю́ки волочи́лись по́ полу.

— Видите, я говорил не впо́ру.

— Как — не впо́ру? Бúдто нарóчно для тебя сшито!

— Да они ужáсно неудобны. Смотрите, эта пúговица должнá быть спéреди, а она приходится подмышкой.

— Ему нелóвко оттого, что он скóмкал всю рубáшку óколо пóяса, — заметил мистер Джонс. — Снимите с него рубáшку, Бérни, мы ему дадим другóу, потóньше.

Мистер Бérни бýстро сдёрнул с меня рубáшку.

— Ну, вот тепérь отлично! — сказа́л он. — Эту пúговицу мы застегнем на эту дырку, а ту на ту! Превосхóдно! Как они высоко приходятся, с ними и жилéта не нáдо! Слáвная штука! Найдём ли мы тебе такую же хоро́шую кúртку?

— Да вот дай ему́ эту, — проговорил мистер Джонс, подавая какóю-то кúртку. — Она́ совсем почти́ но́вая, да не беда́ — жаль ма́льчика.

Онí натяну́ли на меня́ кúртку, всю перепáчканную ма́сляной кра́ской. Очевидно, прéжде её носил маля́р.

— Сла́вно тебе́ бúдет — и тепло́ и удо́бно! — сказа́л Бérни. — Бери́ свою́ ша́пку и прова́ливайи.

— Как, а рубáшку-то? Ведь вы мне не да́ли рубáшки!

— Рубáшку? Это ещё́ крóме штанóв и кúртки? Да ты, ка́жется, с ума́ сошёл, любéзный!

— По кра́йней ме́ре, да́йте мне хоть немно́жко де́нег: ведь моё́ пла́тье сто́ило гораздо́ доро́же этого́.

— Како́во́ это́, Джонс? — вскрича́л Бérни оби́женным го́лосом. — Мы ему́ сде́лали добро́, а он ещё́ тре́бует! Бессóвестный, неблагода́рный ма́льчишка! Пошёл вон!

Онí вы́толкали меня́ из ко́мнаты, столкну́ли с ле́стницы, вы́гнали на у́лицу и за́перли за мной́ дверь.

Я делаюь уличным певцом. — Старый друг

На церковных часах пробило полночь в ту минуту, когда мошённики закрыли за мной дверь и я пошёл шагать по мягкому холодному снегу улицы.

Я не сразу мог сообразить, выгодную ли сделку устроил я с господами Бёрни и Джонсом. Мне казалось, что вся выгода была на их стороне, а между тем они обвиняли меня в бессовестности и неблагодарности. Неужели я в самом деле не оценил по достоинству их услуги? Что они для меня сделали? Прежде у меня была пара тёплых чулок и крепких башмаков, у меня был полный костюм, не исключая рубашки. Теперь у меня не было ни башмаков, ни рубашки, и костюм мой состоял из одной куртки и штанов. Зато теперь я не так сильно страдал от голода, как прежде, я избавился от одежды, в которой днём мне нельзя было никому показаться, и у меня в руках целый шиллинг.

Но где же он, этот шиллинг? Если бы мостовая развёрзлась под моими ногами, я не остановился бы с большим испугом. Я стал обшаривать карманы своих новых штанов. Карманы были глубокие, и мне пришлось нагибаться до самой земли, чтобы достать до дна; но напрасно шарил я во всех углах: шиллинга не было. В ужасе я запустил руки в карманы куртки: и там всё пусто, осталось только несколько чёрствых хлебных крошек. О несчастье! Куда же делся этот шиллинг? Тут только я вспомнил, что оставил его в доме старьевщиков. Получив за башмаки и чулки шиллинг и кусок хлеба, я сунул шиллинг в карман моих прежних штанов, а когда я снял их, чтобы примерить эти бумажённые брюки, я забыл вынуть деньги! Ясно вспомнив всё это, я почувствовал некоторое облегчение. До их дома было недалеко, и я пустился со всех ног бежать к Сафрон-Гиллу. Найти Сафрон-Гилл и ту часть его, где жили старьевщики, было нетрудно, но, прибежав в их улицу, я остановился в недоумении. Я не заметил номера их дома, а с виду все дома были совершенно одинаковы. Я шёл, внимательно оглядываясь по сторо-

на́м, но не мог замéтить ни одногó прízнака, котóрый отличáл бы оди́н дом от друго́го, и, крóме тогó, вездé огни́ уже́ бы́ли поту́шены. Вдруг я замéтил свет в одно́м окнé второ́го эта́жá.

Я подпры́гнул к молотку́ и постучáлся. Мне не отвечáли. Я постучáл второ́й раз сильне́е прéжнего. Окно́, в котóром свети́лся огóнь, отвори́лось, и из него́ вы́сунулась голова́ старика́ в колпакé.

— Извини́те, сэ́р, — сказа́л я, — в э́том до́ме живу́т ми́стер Бе́рни и ми́стер Джо́нс, мне бы́ нужно...

— Почём я зна́ю! Вы́думал стучáться по ночáм! Лени́ мне сойти́, а то бы́ я зада́л тебе́!

С э́тими нелюбе́зными слова́ми он захло́пнул окно́. Что мне бы́ло де́лать? Стучáться во все до́ма бы́ло невозмо́жно, уйти́ — значило́ брóсить ши́ллинг. Конéчно, я оди́н виновáт в поте́ре моих де́нег. Покупáтели поспешáт возврати́ть мне их, как то́лько узна́ют, в чём де́ло. Всегó лу́чше подождáть здесь до утра́ и подстерéчь молоды́х джентльме́нов, когдá они́ выйдут на у́лицу.

К сча́стью, прýмо прóтив тогó до́ма, где, как я ду́мал, жили́ старьёвщи́ки, была́ дово́льно глубо́кая подворóтня, и я устрои́лся в ней как мо́жно удо́бнее. Я прове́л всю ночь, то засыпáя на не́сколько мину́т, то о́пять просыпáясь.

В семь часóв утра́ лáвочник, во владéниях котóрого я расположи́лся, отвори́л свою́ дверь и прогна́л меня́.

Я, одна́ко, держáлся тут же побли́зости, и часóв в де́вять уви́дел, что из до́ма, замéченного мно́ю, вы́шли два молоды́х челове́ка с чёрными мешкáми в рука́х; они́ бы́ли одéты не так шегольски́, как вчера́шние джентльме́ны; их одéжда каза́лась о́чень поно́шенной, а фура́жки си́льно засáленными. Тем не ме́нее я срáзу узна́л в них ми́стера Бе́рни и ми́стера Джо́нса.

— Извини́те, сэ́р, — сказа́л я, обра́щаясь к пёрвому из них, — я оста́вил свой ши́ллинг в карма́не тех штанóв... Отда́йте мне его́, пожа́луйста.

— Что тако́е? Какóй ши́ллинг? Какие́ штаны́?

— Да те, что я вам вчера́ про́дал вме́сте с ку́рткой. Верни́тесь до́мой, посмотре́те!

— Что он такое болтает? — с изумлением спросил мистер Бэрни. — Вы знаете этого мальчика, Уилькинс? — обратился он к своему товарищу.

— В первый раз вижу.

— Вы ошиблись, голубчик, — ласково сказал мне Бэрни. — Как зовут того господина, которого вы ищете?

— Одного звали Бэрни, другого Джонс. Разве же это не мистер Джонс?

— Нет, дружок, меня зовут не Джонс, а Уильям Уилькинс, — отвечал мистер Джонс.

— Неужели вы скажете, что не вы купили у меня платье из работного дома, что не вы живёте в этом доме, в комнате, набитой старым платьем? — с отчаянием вскричал я.

— Конечно, не мы, чего ты к нам привязался!

— Неправда, вы! Постойте, вон идёт полицейский, я сейчас позову его.

Увидев полицейского, знакомые мои, видимо, смутились и двинулись вперёд быстрыми шагами.

— Отдайте мне мой шиллинг! — кричал я, догоняя их. — Отдайте, не то я закричу, что вы воры!

— Экий гадкий попрошайка! — побледнев от гнева, вскричал мистер Джонс. — На тебе два пенса, и убирайся прочь!

— Я не уберусь. Вы мне дайте весь мой шиллинг, не то я пожалуюсь полиции, — отвечал я.

— На что же ты пожалуешься? — спросил Бэрни.

— А на то, что вы взяли у меня деньги, когда покупали моё платье из работного дома!

— Из работного дома? Молодец! Так это ты бежал из работного дома и продал своё платье? Хорошó! Теперь я самведу тебя в полицию за такие проделки.

С этими словами он схватил меня за ворот куртки и потащил навстречу к полицейскому. Положение моё было отчаянное. Я сделал усилие, вырвался из рук Бэрни (он держал меня не крепко) и пустился со всех ног бежать прочь. Бегство стоило мне моей шапки. Когда я вырвался из рук Бэрни, она свали-

лась на зёмлю, и, торопливо оглянúвшись, чтобы посмотреть, не гонятся ли за мной, я увидел, как бессобственный мошённик поднял её и спрятал в свой мешок.

Я отбежал далеко от Сафрон-Гилла и, убедившись, что никто не преследует меня, остановился обдумать своё положение. Меня всё ещё не оставляла надежда найти прежних товарищей; кроме того, я искал себе работы. Но напрасно ходил я взад и вперёд между лавками: ни Рипстона, ни Мбулди нигде не было видно. Встретившиеся мне знакомые мальчики сказали, что мои друзья уже с самого рождества не ходят на базар и что никто не знает, куда они делись. Найти работу мне так и не посчастливилось. Хотя я сильно вырос за время болезни и был одет не так, как прежде, все продавцы сразу узнавали меня.

— Опять ты явился, мазурик! Проваливай, проваливай дальше! — говорили они, завидев меня. — Убирайся прочь, арестант.

Все попрекали меня моей арестантской стрижкой, и так как у меня не было шапки, то моя стриженная голова всем бросалась в глаза. Мне не удалось заработать ни гроша. Снегу в этот день не было, но зато был сильный мороз и ветер.

С утра я решил не заниматься воровством, даже тем невинным воровством, которым промышляли мои прежние товарищи. Решение я принял за чашкой горячего кофе, но потом я прослонился по базару целый день, ничего не ёвши, и оно значительно поколебалось. Наконец совсем стемнело, лавочники начали зажигать огни, голод заставил замолкнуть мою совесть. Я решил ещё раз обойти базар и ни за что не возвращаться с пустыми руками.

Две минуты спустя я бежал к Дрюри-Лейну с великолёпным ананасом в кармане. Ананасы в то время были очень дороги. Я слышал, как лавочник, которому принадлежал ананас, похищенный мною, говорил покупателю, указывая на него и на полдюжину других: «Эти все по полгинее ¹ штука, сэр». Такой ценный мне, конечно, никто не даст; по правде сказать, если бы я

¹ По пяти рублём.

не слышал слов лавочника, я бы оценил свой ананас в два, много в четыре пенса; теперь же я решил не уступать дешевле двух шиллингов. По дороге к старому Баджи Симмонсу, всегда покупавшему краденые вещи у меня и у товарищей, я уже решил, как истрочу десять пенсов: на шесть поужинаю, а за четыре пристроюсь куда-нибудь на ночь. Намучившись прошлую ночь, я чувствовал почти такую же потребность в хорошей постели, как и в еде.

Баджи Симмонс занимал комнату в квартире одного сапожника, пускавшего проходить к нему через свою мастерскую. Подойдя ближе, я с радостью заметил, что в мастерской сапожника светится огонь и над желтой занавеской окна виднеется его рука, продёргивающая крепкую сапожную нить. Сапожник хорошо знал меня, и потому я смело постучался. Он отворил мне дверь. Я сразу заметил, что он узнал меня, и меня удивило, что он говорит со мной точно с незнакомым.

— Что тебе нужно, мальчик? — спросил он.

— Да ничего, позвольте только пройти к Баджи.

— Баджи Симмонс не живёт здесь. Да и тебе лучше убраться подальше, а то опять станет ходить сюда полиция. Я уже думал, что никого из вашей шайки не увижу.

— Куда же это переехал Баджи? — с беспокойством спросил я. — Пожалуйста, скажите, мне нужно его видеть.

— Никуда он не переехал, он просто в тюрьме, — отвечал сапожник, тревожно оглядываясь по сторонам. — Иди, иди прочь, — прибавил он, выталкивая меня за дверь. — За мной следят, смотрят, с кем я знакомство вожу. Иди!

— Да вы посмотрите — может быть, и вы купите вместо Баджи, — просил я, начиная вытаскивать ананас из кармана. — Я вам уступлю дешево — за шиллинг... за девять пенсов.

— Оставь, оставь, положи его назад! — кричал сапожник, дрожа от волнения и своими грязными руками втыкая ананас обратно в мой карман. — Уйди, говорят тебе!

Он бросился на меня с таким гневом, что я, испугавшись за свою жизнь, убежал со всех ног подальше от него.

Всё было против меня! Кроме Баджи Симмонса, я не помнил

адреса ни одного из знакомых мне покупателей. Что мне теперь делать с этим противным ананасом? Лучше бы вместо него я стащил две-три груши или два-три апельсина. Я мог бы продать их прохожим, а с ананасом куда мне сунуться? Начни я его предлагать всем встречным, так, пожалуй, придётся посидеть там же, где теперь Баджи Симмонс. Что же мне делать? Остаётся одно: самому съесть ананас. Я никогда не едал этого фрукта и теперь охотно променял бы его на добрый кусок чёрного хлеба, но мне не оставалось выбора. Дойдя до Бедфорда, я остановился на площади, загромождённой разными экипажами и телегами, влез в одну телегу и, притаившись там, съел весь ананас до самого стержня. Последствия этого дорожного ужина оказались самые неприятные. У меня так сильно разболелся живот, что я просто не мог шевельнуться. Я просидел в телеге до половины ночи, но тут руки и ноги мои до того разболелись от холода, что я должен был вылезть вон и хорошенько растереть их. К счастью, я заметил в углу площади кучу навоза, от которого валил густой пар. Я сейчас же побежал туда и очень удобно провёл в тёплом навозе всё время до рассвета.

Как я жил следующий день, мне трудно рассказать. Помню только, что я без цели бродил по разным улицам. Вечером я заметил, что на одной стороне улицы собралась кучка народа. Я подошёл ближе и увидел, что все слушают пение мальчика. Я также стал слушать. Песня была мне знакома — это была одна из ирландских песен, которым я выучился у миссис Берк. Мальчик пел недурно, только голос его как-то совсем не подходил к смыслу слов. Однако пение его понравилось, и по окончании песни в шапку его посыпалось столько полупенсовых монет, что я в удивлении вытаращил глаза.

«Что, если бы и мне приняться за то же? — мелькнуло у меня в голове. — Ведь это во всяком случае честное средство добывать пропитание, это лучше и воровства и нищенства. Мне не много нужно: если хоть один из десяти, даже из двадцати прохожих даст мне полпенни, с меня и довольно!»

Я сделал несколько шагов, стараясь припомнить слова и мотив песни, затем остановился и запёл.

Через минуту около меня остановился мальчик, потом старик и женщина, потом служанка с кружкой пива.

«Ну, эту послали за делом, — подумал я, увидев её, — а она стоит и слушает — значит, недурно».

Это ободрило меня, и я стал петь с большей уверенностью. Мало-помалу толпа вокруг меня всё прибывала, и когда я кончил песню, ко мне протянулись три-четыре руки с мелкими медными монетами. Особенно сильное впечатление произвело моё пение на одного полупьяного ирландца.

— Вот песня так песня! — вскричал он, крепко схватив меня за руку. — Этакое пение не всякий день удаётся услышать! А вы ещё скупитесь своими медными деньгами, скарденые вы люди! Пропой ещё раз, голубчик, а как кончишь, я сам пойду собирать для тебя.

— Пой, пой ещё, мальчик! — закричало несколько голосов вокруг меня.

Я охотно повторил ещё раз свою песню, и она, видимо, понравилась всем слушателям. По окончании её ирландец обошёл всех с шапкой в руках и вручил мне целую пригоршню медных монет. Только что я успел спрятать в карман своё богатство и начал потихоньку выбираться из толпы, как чья-то рука дотронулась до моего плеча и я услышал женский голос:

— Как? Это ты, маленький Джимми? Бѣдный мальчик! Чем это ты вздумал заниматься!

Я боялся одной только женщины на всѣм свѣте, но это был не её голос. Это был добрый, знакомый голос. Я поднял глаза и увидел Марту, племянницу моей знакомой прачки, миссис Уинкшип.

XIV

Старый друг угощает и одевает меня

После миссис Уинкшип не было на свѣте человека, которого я любил бы больше её племянницы Марты.

Она была такая добродушная женщина, что все наши сосѣди любили её. Это, однако, не мешало всем, и взрослым и детям, называть её «кривой» и «одноглазой». У неё действительно не было одного глаза. Из всех мальчиков я один называл её настоящим именем. Может быть, именно поэтому она оказывала мне особенное расположение. У неё всегда было для меня доброе слово, и много-много раз кормила и поила меня добрая Марта, когда я умирал с голоду по милости мачехи.

— Бѣдный мальчик! — повторяла она, выбравшись со мной из толпы. — До чего ты дошел! Пойдем со мной, несчастный малютка, расскажи мне все, что с тобой было.

— Мне нечего рассказывать, Марта, — отвечал я. Но тут я заметил, что она меня тащит к тому переулку, где жил мой отец. — Я не пойду с вами, с меня довольно и того, что было в прошлую ночь!

— Знаю, знаю все, бедняжка, и тетка знает, — отвечала добрая молодая женщина. — Уж как она тебя жалеет! Говорит: если бы я могла ходить, как другие женщины, я бы сама пошла отыскивать этого несчастного ребенка! А вот теперь я и нашла тебя, да в каком виде!

Марта отерла себе глаза передником.

— Я ужасно голоден, Марта, — проговорил я, — я умираю с голоду!

Я заплакал, и мы оба стояли среди улицы и плакали.

— Пойдём, — вскричала вдруг Марта, — пойдём в наш переулок! Тётка говорила, что рада будет, если ты найдёшься. Вот ты и нашёлся.

— Нет, я не пойду домой, ни за что не пойду.

— Полно, не бойся, я проведу тебя к нам так, что никто не увидит. Да тебя и узнать-то трудно! — прибавила она, с состраданием оглядывая мою тощую фигуру. — Я сама узнала тебя только по голосу.

После некоторого колебания я наконец согласился идти с Мартой. Когда мы дошли до нашего переулка, она оставила меня в тёмном углу улицы Тернмилл, а сама пошла предупредить миссис Уинкшип и поглядеть заодно, не опасно ли мне будет идти.

Прошло несколько минут, мне показалось — очень много, а она не возвращалась. Я уже начал думать, что миссис Уинкшип, вероятно, не хочет пустить меня, и от нечего делать вздумал пересчитать свой деньги. Их оказалось четырнадцать пэнсов. Какое богатство! И это заработано меньше чем в полчаса! Положим, мне много помог добрый ирландец; но если я буду приобретать без него хоть вдвое, хоть четверо меньше, это всё-таки выйдет 3½ пэнса в полчаса, 7 пэнсов в час, шиллинг и 9 пэнсов в три часа! Чудесно! Я начал желать, чтобы Марта не возвращалась. Но нет, она вернулась, неся что-то под платком, и объявила мне, что в переулке никого нет и миссис Уинкшип ждёт меня.

— А всё же я лучше не пойду, — сказал я. — Пожалуй, ма́чеха выйдет из дома, пока мы здесь разговариваем. Благодарю вас, Марта, я уж лучше уйду подальше отсюда.

— Нет, нет! — вскричала она, загоразвивая мне путь. — Ты и так довольно шатался по улицам, я не пущу тебя больше, пойдём со мной, будь умница! Я тебя так наряжу, что никто тебя не узнаёт! — С этими словами она вытащила из-под платка какую-то старую юбку и женскую шляпу, быстро надела их на меня и, взяв меня за руку, направилась к переулку с решимостью, которой я не мог сопротивляться.

Мы вошли к миссис Уинкшип в ту минуту, когда она спокойно наслаждалась порцией рома с горячей водой перед ярким огнём камина.

— Вот он, тетушка! — сказала Марта, снимая с меня юбку и шляпу.

— Это он! — вскричала миссис Уинкшип, устремляя на меня удивлённый, почти испуганный взгляд. — Весёлый маленький мальчуган, вылитый портрет своей покойной матери! Ай-ай-ай, в каком он виде! И всё это по милости той рыжей

пьяницы! Ну, уж попадись она мне в эту минуту, я бы своими руками исколотила её! Посмотри-ка, Марта, на нём даже рубашки нет! Он врал, что он одет в тёплое и удобное платье из рабьего дома, а он...

Как кончила свою речь миссис Уинкшип, я не помню. Попав в тёплую комнату и подойдя к огню, я вдруг почувствовал звон в ушах и головокружение. Ноги у меня задрожали, и я упал на пол. Обморок мой, вероятно, длился довольно долго, потому что за это время в положении моём произошли значительные перемены. Я очнулся на диване, стоявшем в комнате миссис Уинкшип. Вместо куртки и бумазейных брюк на мне были надеты: вязаная фуфайка, длинные, широкие штаны, вероятно принадлежавшие когда-то мистеру Уинкшипу, и огромное полотняное одеяние, закрывавшие меня всего с ногами и, наверно, служившее ночной рубашкой самой миссис Уинкшип. Я всё ещё чувствовал некоторое головокружение, однако мог приподняться и оглядеться кругом. Миссис Уинкшип стояла перед печкой и мешала что-то в небольшом соуснике, а Марта вошла в комнату и поставила на стол блюдо с тремя великолепными бараньими котлетами. При виде этого чудного кушанья я чуть

не соскочил с дивана, но мне помешало длинное одеяние, опутывавшее мне ноги.

Миссис Уинкшип заметила это движение.

— Ну что, молодец, ожил? — ласково, веселым голосом вскричала она. — Полно, голубчик, ободрись, чего это ты вдруг раскис?

Под этим она подразумевала: чего это я вдруг расплакался? В моих слезах она сама была виновата. Она поцеловала меня в лоб, а со смерти матери меня еще никто ни разу не целовал. При этом материнском поцелуе я не мог удержаться от слез. Миссис Уинкшип дала мне вволю наплакаться, а сама занялась приготовлением ужина. Через несколько времени из блестящей голландской печи распространился необыкновенно приятный запах.

— Ну что, готов ты, Джимми?

— Готов, благодарю вас.

— У меня было к обеду мясо, — ласковым голосом сказала миссис Уинкшип, взяв меня на руки и усадив в большое кресло перед столом. — Остатки я положила тебе в суп. Кушай, голубчик, да смотри не оставляй ни кусочка, а в это время и котлеты поспеют.

Долго уговаривать меня было нечего. Суп показался мне изумительно вкусным. Но разве он мог утолить мой волчий голод! Я напал на него как на врага, которого следовало истребить как можно скорее, и пожирал его с такой быстротой, что миссис Уинкшип от изумления сдерживала дыхание.

— Вот до чего дошел! — воскликнула она с глубоким вздохом, когда миска с супом оказалась пустой. — Это ему все равно, что глоток воды!

И действительно, все, что я съедал, казалось мне крошечной порцией, но я не сказал этого миссис Уинкшип. Моя деликатность дошла до того, что, когда она у меня спросила, съем ли я еще баранью котлетку, я отвечал: «Пожалуй, только не целую, а маленький кусочек», хотя мысленно пожирал в это время не только все котлеты, стоявшие в голландской печи, но и толстый кусок хлеба, которым я собирался дочиста подобрать

весь жир с блюда. Впрочем, глаза мои оказались жаднее желудка. Съев одну котлету и несколько картофеля, я почувствовал себя совершенно сытым.

— А теперь, — сказала миссис Уинкшип, когда Марта убрала ужин и мы все трое спокойно уселись на диване перед камином, — расскажи нам, Джимми, по порядку всё, что с тобой было за это время.

Я охотно исполнил желание миссис Уинкшип. Я подробно рассказал ей всю свою жизнь с той самой минуты, как бежал из родительского дома и укусил за палец свою мачеху. Когда я стал говорить о своих приятелях Рипстоне и Мбулди и о том, как я принимал участие в их базарных похождениях, миссис Уинкшип разразилась бранью против моей мачехи, которая своей жестокостью чуть не довела меня до тюрьмы.

— Да ведь за кражу на базаре не сажают в тюрьму! — объяснил я ей. — За это сторож сам расправляется. Мне так Мбулди говорил.

— Ну, твой Мбулди просто дрянной лгунишка, скоро ты сам убедился бы в этом. Хорошо ещё, что с тобой сделалась горячка, Джимми, и что она положила конец твоёму воровству. Ведь ты больше уже не воровал?

— Нет, никогда! — отвечал я, решив умолчать об ананасе.

Рассказ о моём побеге из работного дома сильно насмешил миссис Уинкшип, а описание бесчестной проделки старьевщиков привело её в ярость.

— Экие подлецы! — восклицала она. — Если бы я была мужчиной, я бы подкараулила их да задала им такую трепку, что чудо!

— Хорошо, что хуже ничего не было! — произнесла она со вздохом облегчения, когда мой рассказ был кончен. — Конечно, и то худо, что сын моей милой Пólли сделался нищим, но могло быть и ещё хуже!

— Как — нищим? Милостыни я не просил. Когда Марта встретила меня, я пел.

— Ну, это всё равно, я в этом разницы никакой не вижу, — решительным голосом отвечала миссис Уинкшип.

— Я не знал, что это всё равно, — проговорил я смущённым голосом. — Я не хочу жить нищенством, я готов, пожалуй, бросить те четырнадцать пэнсов, которые мне подали. Где они?

— Ты уж лучше и не спрашивай, где они, тебе таких денег не нужно, Джимми. Они сделают добро тому бедняге, которому посланы, тебе не след тратить их на себя... Что она сказала о грязных тряпках, которые ты ей снесла, Марта, вместе с деньгами?

— Она очень обрадовалась. Не знала просто, как и благодарить! Она сейчас же села выкраивать штанишки своему маленькому Билли.

Про какие это грязные тряпки они говорили? Неужели про мою куртку и мои штаны? Пускай себе маленький Билли пользуется и ими и моими четырнадцатью пэнсами! Должно быть, миссис Уинкшип намерена позаботиться о моей одежде. Тот костюм, в который она нарядила меня теперь, был удобен, в нём было очень тепло; однако я не мог показаться в нём на улице. Но, может быть, я ошибаюсь? Может быть, они толкуют совсем не о моих вещах? Надо было поскорее рассеять свои сомнения. Я подумал несколько минут, как бы деликатнее начать разговор, и наконец, заметив на камине большую пуговицу, спросил:

— Нужна вам на что-нибудь эта пуговица?

— Нет. А что?

— Да не худо бы пришить её к моей куртке, там не было верхней пуговицы.

— Ну, чего ещё вспоминать это грязное тряпье! Ты никогда больше не увидишь её, Джимми.

— Никогда не увижу? — с испугом воскликнул я. — Как же это можно? Как же я останусь без куртки?

— Не беспокойся об этом, — сказала добрая женщина, глядя меня по голове, — у тебя будет куртка. Хорошо, если бы не было дела труднее, чем раздобыть тебе куртку.

— А что же такое труднее? — спросил я с любопытством. — Разве достать штаны труднее?

Вопрос мой сильно рассмешил старуху.

— Нет, и штаны не беда, Джимми, — сказала она, вдоволь нахохотавшись. — Главная трудность в том: что я с тобой буду делать? Оставить у себя невозможно: ты сам знаешь, какая поднимется суматоха, если тебя найдут здесь!

— Конечно, я не могу здесь оставаться, я сам этого боюсь, — поспешил я ответить.

— Хорошо бы отдать его к кому-нибудь в учёные, — спокойно произнесла Марта, продолжая свою работу. Она штопала чулки.

— Хорошо-то хорошо! Да к кому отдать?

— Вот я думала... Только вы скажете: какое же это ремесло!..

— Что такое?

— Да отдать бы его в трубочисты к братцу Бельчеру — он ведь держит мальчиков.

— Превосходно! — с восторгом воскликнула миссис Уинкшип. — Вот это дело так дело! Правда, Джимми?

Я из вежливости ответил:

— Да, конечно.

Но на самом деле я вовсе не разделял восхищения миссис Уинкшип. Конечно, если бы мне предложили сделаться трубочистом в прошлую ночь, когда я, голодный и иззябший, лежал на навозной куче, я, может быть, с радостью согласился бы. Но для мальчика, сытно поужинавшего, сидевшего на мягком диване и одетого в тёплую фланель, лазанье по трубам совсем не представлялось приятным занятием.

— Как я рада, что эта мысль пришла тебе в голову, душа моя! — продолжала восхищаться миссис Уинкшип. — Лучше этого ничего и выдумать нельзя. Во-первых, это — ремесло, которому научиться легко и которым можно заработать себе деньги, и очень порядочные деньги. Дик Бельчер прежде был такой же бедный мальчик, как Джимми, а теперь он ни в чём не нуждается. Во-вторых, он живёт далеко отсюда, и, главное, чистка труб так меняет человека, что родной отец не узнаёт его, хоть встретится с ним носом к носу. Ну, это дело улажено. Завтра же утром, Марта, поезжай в Кемберуэл и привези с собой Дика Бельчера.

Мой новый хозяин

Благодаря миссис Уинкшип я мог бы спать в эту ночь очень удобно на мягком диване, под чистой простыней и теплым одеялом. Но на самом деле я долго, очень долго не мог уснуть. Я всё думал о той судьбе, какая мне готовилась. И чем больше я думал, тем меньше хотелось мне поступать в ученики к трубочисту. Я знал одного трубочиста, он жил по соседству с отцом. У него было два ученика, и жизнь их представлялась нам, мальчикам, настоящим мучением.

Ученики жили у мистера Пайка — так звали нашего трубочиста — очень недолго. Они беспрестанно менялись, и ни один из них не прожил у него больше года. Обыкновенно они или умирали, или убегали от него. На вид они все казались похожими друг на друга: все были грязные, черные, оборванные, глаза у них мигали и щурились при солнечном свете. У нас, мальчишек, ходили самые ужасные слухи о жестокости мистера Пайка. Мы были уверены, что он приучает своих учеников влезать в трубы так: один конец веревки он привязывает к языку ученика, другой держит в руках, стоя на крыше, и если ученик лезет недостаточно ловко и проворно, дергает со всех сил веревку. А если мальчик слишком долго возится в трубе, хозяин зажигает горсть стружек, пересыпанных перцем, в печке, под ним. Раз он послал одного из своих учеников в трубу, и ученик не возвратился к нему. Мы были вполне убеждены, что мистер Пайк зажгёт слишком много стружек и зажарил мальчика живьем. Правда, многие видели его недели две спустя в Шордиче и говорили, что он просто-напросто убежал.

Представляя себе все эти ужасы, я лежал без сна, пока на часах пробило двенадцать, потом час, потом два. Наконец я заснул и проспал до десяти часов. Миссис Уинкшип и Марта, вероятно, встали, по своему обыкновению, очень рано: они успели не только позавтракать, но и сходить в какую-то лавку готового платья. Доказательство того, что они побывали в такой лавке, лежало у меня перед глазами. На стуле подле моей кро-

ва́ти разло́жены бы́ли: чи́стая рубáшка, носки́, крѣпкая суконная кúртка и краси́вые полосáтые брjоки, под стúлом стояла пáра башмако́в, несравне́нно лу́чше тех, каки́е вы́манил у меня́ мiстер Бёрни, а на спiнке стúла висела́ фура́жка. Я ниско́лько не сомнева́лся, что все э́ти прекра́сные ве́щи предназна́чались мне, и потому́ поспеши́л оде́ться и поздоро́ваться с мiссис Уiнкшип. Дóбрая старúха о́чень обра́довалась, уви́дев меня́ в прили́чном наряде. Она́ принесла́ тёплой воды́ вымыть мне рúки и лицó, сама́ причеса́ла меня́ своёй со́бственной щёткой и напома́дила мне во́лосы своёй со́бственной пома́дой.

— Погляди́сь-ка тепе́рь в зёркало, Джiмми, — сказа́ла она́ ве́село: — видишь, каको́й ты молодёц, прóсто чу́до!

— Э́то пла́тье не о́чень похо́же на то, кото́рое но́сят трубочи́сты, — за́мечил я с го́рдостью, осма́триваясь кругóм и вта́йне надея́сь, что она́ придумала́ для меня́ друго́е за́ня́тие. — Мне не хоте́лось бы в тако́й оде́жде лезть в трубу́.

— Ещѣ бы! — отвеча́ла мiссис Уiнкшип. — Э́ту оде́жду ты мо́жешь но́сить по пра́здникам, а для рабо́ты Бельчер даст тебе́ каки́е-нибудь лохмо́тья. Ма́рта поехала́ в Ке́мберуэл и, должно́ быть, ско́ро верне́тся с сами́м Бельчером.

Ма́рта действите́льно приехала́ вско́ре по́сле моего́ за́втрака, но одна́. У мiстера Бельчера была́ сегóдня рабо́та на це́лый день, и он хоте́л приехать́ ве́чером в теле́жке на своёй со́бственной ло́шади. Извѣстие о теле́жке и ло́шади не́сколько успоко́ило меня́. Значит, мiстер Бельчер не тако́й бедня́к, как мiстер Пайк.

Для безопа́сности я це́лый день про́был в ко́мнате. В сýмерки приехал Бельчер. Он ниско́лько с виду́ не походи́л на трубочи́ста: он был бе́лый, а не чѣрный, одѣт в коричне́вое пальто́ и щегольску́ю шля́пу. Лицо́ его́ было́ тако́е же блѣдное, как у Ма́рты, и ряббе; жѣлтые ве́рхние зу́бы выдава́лись вперед, и губа́ не покрывáла их. Воо́бще он не понра́вился мне. Ма́рта не сказа́ла ему́, заче́м он ну́жен, и тепе́рь, когда́ мiссис Уiнкшип сообщи́ла ему́, в че́м де́ло, он, ви́димо, оста́лся не о́чень дово́лен.

— Ско́лько лет ма́льчику? — спроси́л он, огля́дывая меня́.

— Де́вять лет, деся́тый; не сли́шком ли он мал?

— Напрóтив, вели́к. Нашему ремеслу́ всего́ лу́чше учи́ться, пока́ ко́сти ги́бки. Како́й он чи́стенький ма́льчик! Жа́лко де́лать из него́ трубочи́ста.

— Как же тут быть? Крóме э́того, мы ниче́го не мо́жем для него́ придума́ть. Возьме́те вы его́, Дик?

— Дела́-то у меня́ иду́т пло́хо, — неохóтно отве́чал ми́стер Бельчер. — Да и не зна́ю, дово́льно ли он то́нок для фабри́чных труб...

Он вы́нул из карма́на линейку́ и сме́рил мне плéчи.

— Ту́го ему́ придётся: он ма́лый не жи́рный, похуде́ть бо́льше не мо́жет, а я до́лжен бу́ду так его́ соде́ржать, что́бы он не на́жил себе́ ли́шнего кусо́чка жи́ру, не то — беда́, завя́знет где́-нибудь в трубе́. Этакий слúчай был неда́вно на лесопи́льном заво́де по доро́ге в Бе́рмондси. Труба́ там бу́дет выши́ной в де-вяно́сто во́семь фу́тов, а ма́лый-то застря́л ро́вно на полови́не, так он там и оста́лся, пока́...

— По́лно вам врать пу́стяки́, Дик! — серди́то прервала́ ми́ссис Уйнкшип. — Небо́сь, когда́ вы приходи́ли проси́ть у меня́ одолже́ния, я не о́хала да не выдумывала́ разны́х отговоро́к!

Этот наме́к на како́е-то одолже́ние то́тчас заста́вил ми́стера Бельчера переменить́ тон.

— Разве я говорю, что не возьму его? — оправдывался он. — Я говорю только, что у меня работы теперь немного, да и мальчики не больно мне нужны, раз я работаю машиной. А пусть он живёт у меня, я его всё-таки выучу нашему делу.

Таким образом судьба моя была решена. Я буду трубочистом, мне грозит опасность завязнуть в какой-нибудь трубе. Этот гадкий рябой человек будет моим хозяином! Я чувствовал себя невыразимо несчастным.

— Когда же мне его взять? — спросил мистер Бельчер.

— Да хоть сейчас. Он готов, а мне очень хотелось бы, чтобы вы увезли его сегодня же до ночи.

— Пожалуй, мне всё равно — сейчас так сейчас. Берите шапку, мальчик.

Мне стало ужасно досадно на миссис Уинкшип за то, что она хочет поскорей отделаться от меня, и я очень холодно отвечал на её ласковое прощание. Лошадь и тележка мистера Бельчера ожидали нас в конце переулка и были отданы под присмотр какого-то мальчика, которому мистер Бельчер обещал награду в полпenni. Когда мы подошли ближе, я увидел, что мальчик этот был не кто другой, как Джерри Пеп. Сердце моё сильно забило, но, к счастью, Джерри был так занят мыслью о полпenni, обещанном ему мистером Бельчером, что не обратил на меня никакого внимания, и мы благополучно уехали.

Когда мы доехали до Кемберуэла и до того места, где жил мистер Бельчер, было уже поздно. Это была маленькая грязная улица возле канала. Все дома на ней показались мне ужасно убогими. Впрочем, дом мистера Бельчера был выше и красивее всех. К дверям был привешен великолепный медный молоток, чтобы можно было постучаться. Цифра, обозначающая номер дома, была тоже сделана из ковanej меди. На дверях была надпись: «Бельчер трубочист», а под блестящим медным звонком приколочена дощечка со словами: «Колокольчик трубочиста». Между окнами висела вывеска, изображающая целую картину: Букингемский дворец, из трубы которого вылетает столб огня, в окне дворца королева Виктория с короной на голове и с растрепанными волосами простирает руки к трубочисту.

сту, бегущему во дворѣц. На шапке трубочиста написано крупными буквами: «Бельчер». Часовой у ворот дворца кричит слова, написанные на ленточке, выющейся вокруг его носа: «Бельчер, мы думали, что вы не придёте! Принц Уэльский ѣздил за вами и сказал, что вы ушли на другую работу». — «Это правда, — отвечает Бельчер (также с помощью ленточки). — Я работал у герцога Веллингтона, но, услышав призыв королевы, я бросил там всё в огне, и теперь я здесь».

Мальчик моих лет, такой же чёрный и оборванный, как ученик Пайка, услышав шум колёс нашей тележки, выбежал из угла дома и взял лошадь под уздцы. Мистер Бельчер вышел из тележки, оставив меня в ней.

— Позвольте, я вам помогу, господин, — вежливо обратился ко мне маленький трубочист. — А впрочем, пусть лучше хозяин вынет вас, а то я, пожалуй, перепачкаю своими руками ваше платье.

— Какой же это господин! — рассмеялся мистер Бельчер. — Простофиля ты этакий! Это просто новый ученик.

— Новый ученик? Что ты, с ума сошёл, что ли, Дик? Для чего тебе понадобился новый ученик?

Слова эти были произнесены толстой неопрятной женщиной, вышедшей из дверей дома. На её растрёпанной голове примостился чепчик с пёстрыми лентами, в ушах её блестели серьги, но я тотчас по лицу узнал, что она родная сестра миссис Уинкшип.

— Понадобился? Нисколько он мне не понадобился, — проговорил мистер Бельчер. — Я должен был взять его, чтобы не обидеть твою сестрицу. Войдём в комнату, я тебе всё расскажу по порядку. — Затем, обращаясь к мальчику, он сказал ему, указывая на меня: — Возьми его с собой в кухню, Сэм; я позову его, когда мне будет нужно.

Сэм взял лошадь под уздцы и провёл её кругом дома на большой двор, на одной стороне которого находился длинный черноватый сарай с двумя дверьми.

— Ну-ка, вылезай! — грубым голосом сказал мне Сэм, оставиваясь против одной из этих дверей. — Вот тут кухня. Смо-

три не шуми, как войдѣшь туда, а то если разбудишь мѧлого, что там спит, так сам не рад будѣшь. Я сейчас к тебѣ приду, только уберу лошадь. Не стучись в дверь, она не заперта; толкни — и отворится.

Я слегка толкнул грязную черную дверь, она в самом деле отворилась, и я вошел в кухню. Это была очень темная комната, слегка освещенная огнем нескольких угольков, горевших под небольшим котелком. Сначала я ничего не мог разглядеть, но понемногу глаза мои привыкли к темноте, и я различил возле огня с одной стороны стол и два стула, а с другой — какую-то черную кучу, из которой слышалось храпение. Я ступил несколько шагов вперед, стараясь не делать ни малейшего шума, как вдруг из черной кучи раздался лай и на меня бросилась маленькая собачонка.

— Что ты ее дразнишь, Сэм! — слышался сердитый голос из той же кучи. — Ведь она тебе ничего не делает. Да запирай дверь, гадкий бродяга! И без того у меня все кости болят, а ты напускаешь ветру. Затвори же дверь, проклятый мальчишка!

Приглядѣвшись пристальнее, я заметил, что из кучи приподнялась на колени какая-то фигура. Когда фигура возвысилась голос, собачонка залаяла громче.

Я струсил.

— Это не Сэм, — проговорил я робким голосом, — это я.

— Да запирай же дверь!

При этих словах что-то вроде тяжелого сапога пролетело мимо моего лица и стукнулось в стену позади меня.

Я побоялся запереть дверь изнутри и остаться вдвоем с таким страшным человеком. Я вышел из кухни и хотел припереть ее снаружи, когда явился Сэм, освещая фонарем свое веселое лицо.

— Чего же ты не шел в кухню? — обратился он ко мне. — Я же тебе сказал: толкни дверь.

Я рассказал Сэму, какой прием нашел в кухне.

— Пойдем! — смеясь, сказал он и взял меня за руку своей черной рукой. — Паука нечего бояться: пока он успеет сползти со своих мешков, ты можешь добежать до заставы.

— Да я не собаки испугался, а того мужчины, который лежит на мешках около огня.

— Ну, это и есть Паук. Какой он мужчина! Пойдём же, ведь хозяин велел тебе быть на кухне.

Сэм отворил дверь и вошёл, а я вслед за ним, стараясь ступать как можно тише, чтобы опять не рассердить фигуру на мешках.

— Кто это был здесь сейчас? — жалобным голосом спросил Паук. — Настучал, нашумел, напустил такого холода, что просто смерть! Видел ты его, Сэм?

— Кто был? Был один важный граф, сын лорда Флэффема. Приезжал узнать о твоём здоровье и привёз тебе мази от ревматизма. А ты взял да и пустил в него сапогом! Достанется тебе когда-нибудь за эту глупую привычку! Право, достанется, Паук.

— Ох, я, право, не виноват! — застонал Паук. — У меня так болят все кости, а тут отворяют двери да ветру на меня напускают. Неужели я его ушиб, Сэм?

— Не очень больно, он малый не обидчивый; вот он и сам.

Сэм поднял фонарь так, что калёка мог ясно видеть меня. Я также рассмотрел бедняка. По росту это был мальчик лет шестнадцати. Он был одет в чёрные лохмотья и сидел, съжив-

щись, на корточках, опираясь одной рукой на грудь мешков, служившую ему постелью, а другой откидывая с глаз волосы.

— Простите меня, пожалуйста, сэр, — обратился он ко мне смиренным голосом, — я от боли иной раз сам себя не помню. Надеюсь, я вас не зашиб?

Прежде чем я мог ответить, Сэм разразился громким хохотом.

— Чудесно, великолепно! — воскликнул он. — Он и меня надул, только, конечно, не так хорошо! Дурачина ты! Совсем он не «сэр» и не сын лорда. Он просто мальчик, которого отдали сюда в учёнье.

— В учёнье? — с удивлением переспросил Паук. — Вот так штука!

— Что же тут удивительного? — вмешался я. — Отчего же я не могу учиться и сделаться трубочистом?

— Да чему же ты будешь учиться, когда у хозяина нет никакой работы и он совсем не чистит труб!

— Мне всё равно, — беззаботно отвечал я, — я буду делать то же, что другие мальчики! У вас у двоих какая работа?

— Паук совсем ничего не делает, — пояснил Сэм. — Хозяин давно бы отослал его, да нельзя: он взят по контракту на семь лет. А я по утрам хожу иногда с хозяином и с Недом Пёрксом на машинную работу, только это совсем пустячное дело. Всё заведенье держится ночной работой по деревням. Я езжу с хозяином и с Недом, присматриваю за тележкой.

— Что же это за работа по деревням? — любопытствовал я. — Надо там лазить по фабричным трубам?

— Не знаю, куда там лазить! Я думаю — никуда, — отвечал Сэм.

— И сажи они домой не привозят! Не понимаю, что это за поездки! — сказал Паук, снова морщась от боли.

Он лёг на постель и начал охать и стонать. Прежде чем боль его сколько-нибудь стихла и мы могли продолжать интересный для меня разговор, раздался голос мистера Бельчера, звавшего меня к себе. С помощью Сэма я нашёл дорогу к задней двери дома, и оттуда мой новый хозяин привёл меня в гостиную.

Там сидела толстая смуглая женщина, которую я безошибочно принял за миссис Бельчер, а на столе расставлены были хлеб, масло и лук. Миссис Бельчер встретила меня не очень дружелюбно:

— Эй, ты, мальчик, как тебя зовут?

— Джим.

— На, поужинай, если хочешь. Это не какие-нибудь куропатки с яблочным соусом, которыми тебя, может быть, потчевали другие, но у нас лучшего не жди!

— Благодарю, — отвечал я примирительным голосом. — Я очень люблю хлеб с маслом и с луком.

— Ещё бы! Я думаю, всякую еду любишь! Мало нам было, что одна праздная собака ела наш хлеб! Ещё этого шлопая...

— Ну полно, перестань! — остановил свою жену мистер Бельчер. — Ведь твоя сестрица не знала наших дел. Кабы всё шло по-старому, нам бы нипочём взять к себе мальчика. А тебе, пожалуй, хотелось, чтобы я ей всё рассказывал.

— Вот выдумал! — вскричала миссис Бельчер. — Да, по мне, лучше с голоду умереть...

— А ты больше болтай при мальчишке, который только что приехал в дом! — с улыбкой проговорил мистер Бельчер. — Ешь себе, Джим, — прибавил он, обращаясь ко мне. — Хозяйка сегодня немножко не в духе, ей пора спать, она устала.

Я понял намёк и поспешил скорее закончить с большим куском хлеба, отпущенным мне на ужин.

— Ну, теперь иди спать, — сказал мне мистер Бельчер, когда я объявил ему, что готов. — Ты найдёшь дорогу назад в кухню, там у меня спят все мальчишки, там тепло и хорошо. Устрой себе отдельную постель, мешков хватит на всех вас. Прощай. Утром можешь не вставать, пока тебя не позовут.

— Ты дал ему рабочее платье? — спросила миссис Бельчер.

— Ах, я и забыл! Вот оно, — сказал хозяин, подавая мне из угла чёрный узел. — Рубашку и сапоги оставь свои, а остальные платье сверни хорошенько и принеси мне завтра утром.

Я взял узел, пожелал хозяевам спокойной ночи и отправился назад в кухню.

Паук и его собака.—Таинственная сажа

Огонь в кухне ещё горел, фонарь был прицеплен к гвоздю, вбитому в одну из перекладин потолка. Паук лежал, свернувшись, рядом со своей маленькой собачонкой, но Сэма я нигде не видел. Без него я не знал, куда и как мне лечь, и потому я искал его всюду глазами. Вдруг совсем близко от меня раздался сонный полушопот:

— Смотри, кто последний ложится, тот и свечу тушит.

Я взглянул вниз и увидел Сэма. Он лежал на куче чёрных мешков; мешок, сложенный вдвое, служил ему подушкой; шапка его, вся замазанная сажей, была надвинута на уши так, что из всей его фигуры я мог рассмотреть только белые зубы и белки глаз.

Удивительно, как скоро человек привыкает к роскоши!

Если бы в прошлую ночь, когда я дрожал от холода в тепле, кто-нибудь предложил мне переночевать в тёплой кухне на куче мешков и для этого пройти семь или восемь миль, я согласился бы с радостью. Теперь же, проспав одну ночь на диване у миссис Уинкшип, я уже с отвращением поглядывал на грязную постель Сэма.

— Куда же мне ложиться? — печальным голосом спросил я.

— Да, пожалуйста, ложись вместе со мной, — предложил Сэм. — Возьми из этой кучи два мешка, один положи под голову, а в другой влезай сам. Только смотри не шуми, не разбуди Паука, а то он будет всю ночь стонать, не даст нам покоя.

Я рассчитал, что так как мы с Сэмом будем лежать в разных мешках, то я могу лечь вместе с ним, не особенно нарушая приказание хозяина. Поэтому я быстро разделся, натянул на себя грязные штаны из связки мистера Бельчера, приготовил себе «подушку», погасил фонарь и через минуту лежал на груди мешков. Правда, от сажки шёл сильный запах, но этот запах не мешал мне заснуть очень скоро и очень спокойно.

Было почти темно, когда меня разбудил лай собачонки Паука. Я увидел, что Сэм встаёт на работу, а Нед Перкс от-

даёт ему какие-то приказания, держа дверь открытой, несмотря на стоны и жалобы Паука. Через несколько минут Нед и Сэм ушли, а я, помня слова хозяина, что мне незачем вставать, пока меня не позовут, продолжал лежать. Вдруг я услышал, что Паук говорит сердитым голосом:

— Ты несколько не лучше других. Ну, чего ты валяешься, точно теперь полночь, а не шесть часов утра? Ты небось здоров, так тебе и дела нет до больных. Чего ты меня лижешь? Не лизать надо, а вставать скорей да сделать что следует! Ну, вставай же, ленивец! Постой, я тебя заставлю встать!

При этих словах раздался звук удара, затем внезапный визг. Собака подбежала к дверям и начала царапать их.

— Ишь что значит здоровые ноги! — проворчал Паук. — Как бежит!

Он слез со своих мешков и, охая, потащился за собакой.

— Чего ты торопишься, скотина? Хочешь усердие своё показать? А вчера, помнишь, что ты со мной сделала? До девяти часов оставила меня без огня! Смотри, сегодня будь умней! Нечего тебе меня лизать! Хочешь быть моим другом, так служи мне как следует! На вот, понюхай это! Иди и смотри возвращайся скорей. Коли ты и сегодня сыграешь со мной такую же штуку, как вчера, я тебя убью! Право, убью.

Я не мог разглядеть, что такое Паук давал нюхать своей собачонке, я видел только, что он её выпустил из дверей, а сам, охая, опять улёгся на свои мешки.

Мы пролежали таким образом с четверть часа. Пауку надоело, должно быть, ждать своего четвероногого слугу, он начал бранить собаку и несколько раз приотворял даже дверь, чтобы посмотреть, не возвращается ли она. Наконец послышалось лёгкое постукивание собачьих лап, а затем царапанье в дверь. Паук отворил дверь, и в комнату вбежала его собачонка, неся что-то в зубах. Я тотчас увидел, что это была обглоданная баранья кость. Но Паук, должно быть, не мог разглядеть её своими слабыми глазами.

— Иди, иди сюда, дрянная собачонка! — обратился он к собаке. — Довольно ты шалила — столько времени бегала за

одной палочкой! Ну, да делать нечего, палка толстая, хорошая, давай её сюда! Пинч, голубчик Пинч, иди же сюда!

Но собака и не думала слушаться своего хозяина. Она стрелой пробежала мимо него, забила в дальний угол комнаты и легла там на свою добычу. Бедный Паук бесновался, он пробовал подойти к упрямой собаке, но едва он сделал несколько шагов, как больные ноги изменили ему и он упал на пол. Тогда, стоя на коленях, он принялся осыпать собаку отчаянными ругательствами. Гнев хозяина увеличивал робость Пинча, и он не двигался из своего угла. Наконец Пауку удалось как-то на четвереньках добраться до собаки. Он замахнулся, чтобы изо всей силы ударить Пинча, но тот быстро отскочил в сторону, оставив свою добычу.

— Ах ты, проклятый пёс! — вскричал Паук, увидев обглоданную кость. — Так это-то ты притащил? Тебя посылают за деревом, а ты таскаешь кости? Постой же, я с тобой разделаюсь, только бы мне тебя поймать!

И он, продолжая браниться, принялся ползать за собакой.

Я не мог больше притворяться спящим. Я приподнялся и спросил у Паука, чего он сердится.

— Я ей покажу, как только поймаю её! — отвечал он, продолжая преследовать собаку. — Я сказал, что убью её, и убью непременно! Подержи-ка её, пожалуйста!

— Да что она такое сделала? — спросил я, пытаясь поймать собаку, которая, как стрела, промчалась мимо меня.

— Что она сделала?! — отвечал Паук, едва переводя дух от усталости. — Она просто смеётся надо мной. Она знает, что я не могу развести огонь, пока она не принесёт мне дров. Это её работа каждое утро. И что же? Вчера она мне принесла три грязные, мокрые щепки, которые никуда не годились. Я её пристыл. Сегодня дал ей нарочно понюхать хороший, сухой кусок дерева, чтобы она поняла, что мне нужно, а она отправилась прогуливаться, набрала себе костей, да ещё смела притащить их сюда! Теперь она будет глотать их, а я должен сидеть без огня, пока Сэм вернётся домой — значит, часов до десяти, до одиннадцати, — а у меня все кости ноют, мне так тяжело...

Гнев бѣднаго калѣки сменился печалью, он заплакал и стал вытирать глазá своими замазанными рука́ми.

— Полно, не плачь, товарищ! — сказа́л я, си́льно тронутый его́ несчастным положѣнием. — У нас бу́дет огонь: я сейчас схожу́ и попрошу́ углѣй у мистера Бѣльчера. Ведь он даст, не правда ли?

— Он-то дал бы, да она́ не даст, — шопотом проговорил Паук. — Если она́ узнает, что я развожу́ огонь, прѣжде чем мальчи́ки возвраща́ются с рабо́ты, она́ прѣосто убьѣт меня́. От того́-то я и до́лжен пуска́ться на такие хитрости для добыва́ния дров.

— Ты мне скажи́ то́лько, где здесь побли́зости ла́вка, — сказа́л я. — Мы доста́нем себе́ огня, у меня́ есть полпѣнни.

В прѣшлую ночь, когда́ я уезжа́л от миссис Уинкшип, она́ сунула́ мне в ру́ку шестипѣнсовую монѣту.

— Как, ты купи́шь углѣй на полпѣнни! — вскрича́л Паук, и ту́ские глазá его́ освети́лись радостью. — Ла́вка тут близѣхонько, сейчас за угло́м. А то́лько зна́ешь что? Мо́жет, у тебя́ найдѣтся и ещѣ полпѣнни?

— Найдѣтся. А что?

— Да вот ка́бы нам заварить́ себе́ горя́чего кофе́йку! Это́ такая́ прѣлесть, когда́ все ко́сти боля́т! У меня́ и котело́к есть, мы бы в нём и завары́ли.

Если бы́ мне пришло́сь истрати́ть на ко́фе все 5½ пѣнсов, кото́рые должны́ бы́ли оста́ться у меня́ от поку́пки угля́, я и то́гда не мог бы устоя́ть прѣотив умоля́ющего взгля́да Паука́.

Че́рез де́сять мину́т я верну́лся с поку́пками, и че́рез час мы с Пауко́м уже́ сидѣли у дымивше́гося котелка́. Я пил ко́фе из черепка́ разби́того гли́няного кувши́на, а он че́рпал ста́рой желе́зной ло́жкой прѣямо из котелка́, заменя́вшего нам кофе́йник. Горя́чий напита́нок успоко́ил боль бѣднаго Паука́, он повеселе́л, разгово́рился и сказа́л мне свою́ исто́рию

Он был сирота́ и с де́тства жил в рабо́тном до́ме. Че́тыре го́да наза́д его́ отдали́ в уче́нье к мисте́ру Бѣльчеру. Це́лый год де́ло шло́ хорошо́. Тобиас (тако́во́ его́ настоя́щее и́мя) был оче́нь ло́вок и проворен, за что́ и получи́л прозва́ние Паука́, а

мистер Бэльчер кормил, одевал его и обучал ремеслу. Но в один несчастный зимний день мистера Бэльчера позвали вычистить котёл паровой машины, долго стоявшей без употребления. Пауку пришлось залезть в котёл и пролежать почти целый день на промёрзшем железе, очищая и выскребывая заржавленную внутренность котла. После такой работы мальчик простудился: у него сделался ревматизм в ногах, он не мог не только чистить трубы, но даже просто стоять или ходить. Мистер Бэльчер поселил его у себя в кухне. Он должен был прислуживать другим ученикам, варить им кофе на завтрак и кашу на ужин. Когда дела хозяина пошли худо и он был принуждён распустить своих учеников, Тобиас остался без дела, но мистер Бэльчер всё-таки обязан был кормить его до истечения семилетнего срока, обозначенного в контракте.

— А много дадут тебе есть? — спросил я.

— Ну конечно, не столько, сколько я хочу. Да что, я жаловаться не могу: за что меня и кормить-то, если я ничего не делаю? А впрочем, послушать Сэма, так мне и здоровому пришлось бы сидеть без работы... Он говорит, что они иногда все вместе в неделю одного фунта не зарабатывают.

— Они ведь, кажется, много получают за ночные работы по деревьям? — спросил я.

— Удивительно! — продолжал Паук, не расслышав моего замечания. — Всего по фунту в неделю зарабатывают, а беспрестанно обнóвы себе шьют. Одной лошади мало стало, другую купили, да ещё какую хорошую! Сэм говорит — бежит просто как паровоз.

— Ну что же, — заметил я, — иметь лошадь да телёжку — дело выгодное.

— Да дело-то в том, — понижая голос, сказал Паук, — что они эту лошадь держат целый день в конюшне под замком.

— Так они её украли?

— Какое! Сэм видел сам, как они за неё заплатили тридцать фунтов чистоганом.

— И никогда на ней не ездят?

— Днём никогда. Они запрягают новую гнедую лошадь

только по ночам. Тс! Ты никому не говори, что я тебе сказал.

— Отчего? Разве это секрет, что у хозяина есть гнедая лошадь?

— Нет, секрет не в том, а в том, куда они на ней ездят.

— Как — куда? Да на ночные работы. Ты же сам говорил, что это дело выгодное!

— Да, выгодно! Деревенские трубы часто приходится чистить, и сажи в них нет — по крайней мере, обыкновенной сажи, — проговорил Паук, с недоумением качая головой.

В эту минуту в кухню вошёл Сэм и своим приходом положил конец нашему таинственному разговору.

Я скоро узнал, что Паук и Сэм говорили правду и что действительно, живя у мистера Бельчера, мне трудно было учиться ремеслу трубочиста. Мне почти совсем нечего было делать. Редко случалось, чтобы у мистера Бельчера и Нэда Пёркса была работа, и тогда Сэм шёл с одним из них, а я с другим. Возвращались мы домой обыкновенно часов в 10 — в 11 утра, да и та небольшая работа, какую мне приходилось делать, была вовсе неустойчива. Я переносил часть машины, когда мы переходили из одного дома в другой, передавал палки мистеру Бельчеру, чтобы он их свинчивал; связывал их в пучок, когда они были развинчены, и, наконец, подметал пол кругом печек, когда работа была кончена. После завтрака я мог делать что хочу, и так как меня кормили хорошо, я вовсе не тревожился этим отсутствием всяких занятий.

Мистер Бельчер, повидимому, также не хлопотал о том, чтобы достать себе побольше работы.

— Хозяин! — сказал я ему, когда мы однажды утром шли на работу. — Окна всюду закрыты, и никто не знает, что идёт трубочист. Хотите, я буду кричать: «Трубочист, трубочист!» У меня сильный голос, многие меня услышат, и у нас будет вдвастеро больше работы.

— Не нужно, Джим, — важно ответил мистер Бельчер. — У меня на дверях есть вывеска, и всякий, кому понадобятся мои услуги, может обратиться ко мне.

У него́ всегда́ было́ много́ денег в карма́не. Утром он вме́сте с ми́стером Пе́рксом пил ром, а вечера́ проводил в пивной, где курил тру́бку и пьянствовал.

Ра́за два в неде́лю они́ отпра́влялись на ночные рабо́ты и всегда́ бра́ли с собо́й Сэма. Сэм о́чень любил э́ти по́ездки: перед отъездом его́ всегда́ кормили вку́сным ужином и дава́ли ему́ рюмочку рома. Ми́стер Бельчер и Перкс отпра́влялись вдвоём, в рабо́чем пла́тье, и бра́ли с собо́й маши́ну для чи́стки труб и дли́нный мешо́к с инструмента́ми, друго́й мешо́к пусто́й, фона́рь и бутылку с во́дкой. Возвраща́лись они́ домо́й иногда́ часа́ в два, иногда́ в четы́ре. Сэм рассказывал, что ино́й раз рабо́та оказывалась уже́ сде́лана кем-нибудь друго́м или́ что её почему́-нибудь нельзя́ испо́лнить в э́тот раз, — тогда́ они́ возвраща́лись с пусто́ми рука́ми. Когда́ же рабо́та удава́лась им, они́ приво́зили домо́й по́лный мешо́к са́жи. То́тчас по прие́зде они́ отпра́вляли Сэма спать, а са́ми ещё́ до́лго вози́лись в коню́шне, вероятно́ уха́живая за доро́гой ло́шадью ми́стера Бельчера.

Нас, ма́льчиков, о́собо́нно интересова́л вопро́с: куда́ дева́ется са́жа из дере́вских труб?

— Как ты ду́маешь, Сэм, — спра́шивал я, — куда́ они́ пря́чут э́ту са́жу?

— Не зна́ю, — отвеча́л Сэм. — Нед Перкс ста́скивает большо́й мешо́к, напо́лненный са́жей, в коню́шню, а по́сле она́ куда́-то исчеза́ет.

— Неужели́ Нед берёт са́жу с собо́й? — недоумева́ли мы. — Ведь у него́ нет заведе́ния для чи́стки труб.

Нед Перкс не жил у Бельчера. У него́ был свой дом на Ньюге́тской доро́ге, и по оконча́нии рабо́ты он по большо́й ча́сти уезжа́л туда́ в ма́ленькой теле́жке.

— И почему́ э́то собачо́нка Паука́ так беспоко́ится, когда́ Перкс остаётся ночева́ть у Бельчера? — говори́л я.

— Я ду́маю, она́ не любит Пе́ркаса, — отвеча́л Сэм. — А мо́жет быть, ей не нра́вится за́пах дере́вской са́жи? Нед, вероятно́, всё же забира́ет её с собо́й, когда́ уезжа́ет. Пинч так визи́т и во́ет, когда́ Нед ноче́ует здесь, что нельзя́ усну́ть...

— Мо́жет быть, он чу́ет крыс, — заметил Сэм, когда Пинч бесновáлся сильнее, чем всегда́, и рыл ла́пами зéмлю у стéны, отделя́вшей кúхню от коню́шни. — В коню́шне водятся крысы.

— Нет, э́то не крысы, — шóпотом отвечáл Пау́к, застáвив соба́ку и ла́сками и угрóзами лежа́ть сми́рно. — Де́ло в том, что Перкс не уéхал и не уéдет сегóдня. Э́то ужáсно! Пра́вда, Джим?

— Ужáсно потому́, что твой Пинч так во́зится, — отвечáл я.

— Джим, — проговорил Пау́к че́рез не́сколько мину́т молча́ния, — ты зна́ешь что́-нибудь о соба́ках? О́ни ведь у́мные, мно́го понима́ют, пра́вда?

Мне о́чень хоте́лось спать, но я жалéл Паука́, кото́рый, оче́видно, страда́л бессóнницей и хоте́л погово́рить со мной. Я сказа́л ему́ две-три слы́шанные мно́ю исто́рии об уме́ соба́к.

— Да, ино́й раз о́ни ещё́ умнее́ быва́ют, — отвечáл он, когда́ я ко́нчил свой расска́зы. — Слыха́л ты что́-нибудь об аку́лах, Джим?

— Нет, ничегó.

— Э́ти аку́лы о́чень забáвные тва́ри: е́сли на корабле́ умира́ет матро́с, о́ни плыву́т за кормо́й, что́бы съесть его́, когда́ его́ вы́бросят в мо́ре.

— Перестáнь, Пау́к, я не хочу́ слúшать такие исто́рии! Че́го ты меня́ пуга́ешь? Ко́ли тебе́ хоте́тся разгово́ривать, я, пожа́луй, гото́в погово́рить о соба́ках, но уж то́лько не о мертвeцáх.

— Я то́лько хоте́л сказа́ть, что у соба́к тако́й же ум, как у аку́л, Джимми, то́лько о́ни э́тому не ра́дуются, а бо́ятся: как почúют, так и завóют.

— Что почúют?

— Ну, ведь ты не хочешь, что́бы я об э́том говорил. Вот так же, как аку́лы, и...

— Ну, дово́льно, я не хочу́ бо́льше с тобо́й говорите́. Про́щай, я спать хочу́.

На друго́й день, идя́ с мистeром Бельчером на рабóту, я как-то к сло́ву повто́рил ему́ расска́з Паука́ об аку́лах. Он рассмея́лся, а пото́м спросил:

— С какой же стати рассказал он тебе эту историю? О чём шла у вас речь перед тем?

Я рассказал о странном поведении Пинча и передал весь наш разговор с Пауком. Мистер Перкс был также при этом. Он с хозяином как-то странно переглянулись и послали меня прочь. В эту ночь собака Паука исчезла и не возвращалась домой, к великому горю своего хозяина.

XVII

Желание моё исполняется

Я прожил неделю шесть у мистера Бельчера. Вдруг в одну субботу, вечером, Сэм пришёл в кухню и сообщил нам, что мистер Бельчер выписал его мать из Доретшира. Она приехала, долго о чём-то разговаривала с хозяином: в заключение разговора согласилась уничтожить контракт и взять Сэма домой. В понедельник он должен был уехать с нею вместе.

— Теперь тебе хорошо будет, Джим, — сказал Сэм. — Ты будешь ездить с хозяином на ночные работы, а он за всякую поездку даёт по шести пенсов, чтобы берегли его секрет.

— Что же, я очень рад, — отвечал я. — Я привык держать секреты. А что, трудно удержать этот хозяйский секрет, Сэм?

— Нет, очень легко. Хозяин сам тебе его скажет.

— Нет, уж ты будь добрым товарищем, скажи мне прежде.

— Пожалуй, только не рассказывай ни Пауку, ни другим мальчикам.

— Нет, как можно!

— Ну, пойдём во двор, а то здесь Паук услышит.

Мы вышли.

— Ты как думаешь, Джим, какую сажу привозят они по ночам в большой телёге?

— Как — какую? Из труб, я думаю, а то откуда же?

— Из труб, конечно, да из каких? Слушай, Джим, мы привозим сажу из церковных труб!

— Ну, так что же такое? Что за беда, что из церковных?

— Тс! Тйше! Вйдишь ли, есть такой закон, по которому нельзя чйстить церковные трубы, а уж если чйстить, так надобно тайком. Кто на этом деле попадётся, того накажут; ужасно накажут! Вобьют острые спицы в живот и будут таскать по дорогам. Вот почему они эту работу делают ночью, крадучись.

— Ну, а если поймают того мальчика, который стережёт у них лошадей, его тоже накажут? — спросил я.

— Нет, как можно! Он ни в чём не виноват. Наказывают только тех, когоймают за работой. Вйдишь, я думаю, вот отчего это. Верно, по закону церковные трубы должен чйстить священник, а он поручает это дело дьячку, а дьячок сторожу, а сторож уж от себя нанимает трубочиста. И деньги он, конечно, платит хозяину хорошие, потому — дело опасное, да и за сажу ничего нельзя получить.

— Отчего же? Разве это не такая сажа, как вездё?

— Такая же самая, только её нельзя продавать, это строго запрещено законом. С хозяина берут клятву, что он не станет торговать ёю. Нед Перкс берёт её и зарывает у себя в огороде. Вот тебе и весь секрет. Мне сказал его хозяин и тебе скажет, а чтобы ты не болтал, он будет давать тебе по шести пёнсов за каждую поездку.

Всё это Сэм рассказывал мне совершенно серьёзно, и я вполне поверил ему. Наконёц-то узнал я настоящий секрет! И какой ещё секрет! Совсем необыкновенный, точно представление в Шордичском театре. Страшное наказание, которому, по словам Сэма, подвергались трубочисты, чйстившие церковные трубы, несколько не пугало меня. Напротив, опасность предприятия придавала ему ещё большую прелесть в моих глазах, и я боялся одного: что, пожалуй, мйстер Бельчер возьмёт вместо Сэма не меня, а кого-нибудь другого. Я обратился к Пауку и спросил у него, как он думает, кто теперь будет ёздить с хозяином на ночные работы.

— Как — кто? Известное дело, ты! Не меня же они возьмут с собой! Я живой домой не доеду! — решительно отвечал Паук.

Этот ответ не успокоил меня: мйстер Бельчер очень тяготился Пауком, и я думал, что, пожалуй, он нарочно станет во-

зйть его с собой, чтобы поскорее уморить. Паук, правда, не мог ходить, но он мог сидеть на козлах и держать вожжи, а этого было довольно. Впрочем, сомнения мои скоро прекратились. В воскресенье вечером мистер Бельчер позвал меня к себе в гостиную и, поболтав о том о сём, прямо объявил мне, что будет брать меня вместо Сэма для ночных поездок. Он не рассказав мне своего секрета, сказал только, что работы производятся по деревням и что о них не следует никому болтать.

— У всех хозяев, которые держат учеников, — сказал он мне, — есть свой секрет. У меня также есть секрет, я открою его тебе после, и если ты станешь хранить его, тебе же будет лучше. У Сэма всегда водились денежки в кармане, и он знал вкус таких кушаний, которых другим мальчикам и понюхать не удаётся. Ты меня понимаешь, Джим?

— Конечно, понимаю! — с радостной готовностью отвечал я.

— С другой стороны, — продолжал хозяин, — как ты думаешь, что бы я сделал с Сэмом, если бы он стал болтать о моих делах?

— Я думаю, ему плохо пришлось бы, сэр, — отвечал я, робея при виде сердитого лица хозяина.

— Да, плохо! Так плохо, как, верно, не приходилось ни одному мальчику! Я просто взял бы его за горло... вот так... и задушил бы тут же на месте!

Говоря эти слова, мистер Бельчер стиснул мне горло своими длинными пальцами так крепко и посмотрел на меня так свирепо, что я совсем струсил. Он, однако, скоро успокоился.

— С Сэмом этого не случилось, — продолжал он прежним дружелюбным голосом. — Он был добрый, понятливый мальчик и за то получал от меня не побой, а пены. Теперь довольно. Я не скажу тебе сегодня ничего больше, ты сам увидишь, в чём состоит мой секрет, завтра ночью, если луна не будет светить.

На этом кончился наш разговор. Я поужинал вместе с хозяевами, и меня отпустили в кухню, напомнив, чтобы я не проговорился Пауку.

Весь следующий день я был в таком волнении, что не мог

даже обѣдать. Будет луна или нет? Этот вопрос не давал мне покоя. Я не имел никакого понятия о движении луны и считал появление её на небе делом случайным. Под вечер Паук возбудил во мне надежду.

— Косточки мой, бедные косточки! — жаловался он. — Опять разболелись! Наверно, к ночи будет дождь.

Действительно, в сумерки пошел дождь, а к ночи погода испортилась совсем. Миссис Бельчер позвала меня ужинать, как обыкновенно звала Сэма перед отправлением в ночную экспедицию. Ужин был обильный и роскошный: он состоял главным образом из рубцов, жаренных в масле, и из тёртого картофеля. За столом сидели, кроме меня, мистер и миссис Бельчер и Нед Перкс. Когда мы кончили есть, миссис Бельчер по приказанию своего мужа сделала мне полстакана горячего вина, и я мужественно выпил его, хотя слёзы навернулись у меня на глаза от этого крепкого напитка. Мистер Бельчер и Нед Перкс также вдоволь угостились водкой, и мы вышли во двор, где уже стояла телега с запряжённой в неё гнедой лошадей. Хозяин и Перкс накинули себе по мешку на плечи для защиты от дождя и уселись рядом в телеге, а я закрылся попоной и уютно уместился у них в ногах. Кроме нас, в телеге помещались машина для чистки труб и мешок с какими-то инструментами, о которых я, так же как и Сэм, мог только сказать, что они звякают, хотя и старался втихомолку ощупать их рукой сквозь толстую ткань мешка.

Я не имел ни малейшего понятия о том, куда мы ехали, но всё равно поездка доставляла мне необыкновенное удовольствие. Мы мчались ужасно быстро, кругом всё было темно, дождь лил как из ведра; мне представлялось, что впереди нас грозят страшные опасности, но я не боялся их; напротив, мне хотелось, чтобы они скорей настали.

Мы проехали, наверно, миль десять, когда мистер Бельчер повернул к колёде, стоявшей возле дороги, и остановился напоить лошадей.

— Не знаю, как вы, Нед, — сказал он, — но я промок до костей. Надо бы нам немножко выпить, чтобы согреться.

— Пожа́луй, вы́пьем и пошлём ма́льчика купи́ть ещё бу-
ты́лку в э́том каба́чке.

Они́ доста́ли буты́лку, напи́лись са́ми, да́ли мне та́кже до́брый глото́к кре́пкой во́дки и посла́ли меня́ в каба́чок до́лить буты́лку.

Когда́ я верну́лся с во́дкой, ми́стер Бе́льчер о́пять погна́л ло́шадь, и мы понесли́сь впе́рёд скорее́ пре́жнего.

— Жаль, что мы не захва́тили ещё мешка́, — проговори́л Нед Перкс. — Меня́ ужа́сно мо́чит дождь.

— Да ведь у нас есть ещё до́лгий мешо́к, Нед, — отвеча́л хозя́ин. — Закры́йтесь им.

— Закры́ться-то мо́жно, да...

— Да что? Вы бойте́сь, что тот, для ко́го он пригото́влен, просту́дится? — смея́сь, заме́тил ми́стер Бе́льчер.

— Ну, э́того, поло́жим, не́чего боя́ться, — отвеча́л, та́кже смея́сь, Нед. — Да́й сюда́ э́тот мешо́к, Джим.

Я по́дал ему́ до́лгий мешо́к, лежа́вший по́дле меня́ на дне теле́ги, и в пе́рвый раз почувство́вал како́й-то сму́тный страх. О ком они́ гозоря́т? Ведь э́тот мешо́к предназна́чается для са́жи. Кто же мо́жет просту́диться?

Сильный дождь всё ещё продолжался, когда мистер Бельчер остановил лошадь.

— Ну, — обратился он ко мне, — теперь я расскажу тебе часть своего секрета. Видишь там эту церковь?

Я взглянул в темноту по тому направлению, куда он мне указал, и с трудом различил туманную тень церковной колокольни, а около неё другие низкие сероватые фигуры — должно быть, надгробные памятники.

— Мы пойдём туда чистить трубы, — прошептал он. — Мне некогда рассказывать тебе все подробности... Одним словом, чистить трубы в церквях нельзя у всех на глазах, понимаешь?

— Понимаю, сэр, — не совсем смелым голосом отвечал я.

— Ты, должно быть, промок, да и спать хочешь, — добродушно заметил хозяин. — Возьми хлебни ещё глоток водки — это тебя оживит.

С этими словами он поднёс бутылку к моим губам. Глоток водки действительно оживил меня, и я снова вполне поверил, что мистер Бельчер идёт чистить трубы в церкви.

Спутники мой вылезли из телеги и, подведя лошадь к группе деревьев прямо против калитки, остановились.

— Вылезай, Джим, — прошептал хозяин, — и стой подле лошади, пока мы кончим работу. Мы управимся скоро. Слышишь, на церковных часах бьёт двенадцать? К половине первого мы вернёмся, и я дам тебе за труды. Ты теперь молодцом, правда?

— Да, сэр, благодарю вас, — отвечал я бодро.

— Тебе не страшно, что здесь так близко кладбище?

— Нет, несколько! — И я засмеялся, чтобы убедить его в своей храбрости.

Тогда Нед вынул из тележки инструменты, мистер Бельчер зажёл фонарь, они вместе вошли в калитку, отправились по дороге в церковь и почти в ту же минуту исчезли в темноте.

И вот я ждал, держа гнедую под уздцы. Дождь лил как из ведра, и я промок до костей, потому что теперь попоной была покрыта лошадь. Я ничего не видел перед собой, кроме не-

ясных очертаний ма́леньких серова́тых фи́гур на кла́дбище и большо́й се́рой колоко́льни; я ниче́го не слы́шал, кро́ме шу́ма дождя́, бараба́нившего по ли́стьям дере́вьев, по доска́м теле́ги и по гру́бой попо́не, накинута́й на спи́ну ло́шади. Невесе́ло мне бы́ло стоя́ть в такую́ пого́ду одному́, в по́лночь, сре́ди непроглядно́й тьмы, у воро́т кла́дбища, но я утеша́л себя́ мы́слью, что э́то ско́ро ко́нчится. О́ни ско́ро верну́тся с са́жей, я получу́ свою́ шестипе́нсовую моне́ту, ло́шадь во весь дух побе́жит наза́д домо́й, я заберу́сь в свою́ тёплую посте́ль, и мне бу́дет о́чень весе́ло вспоми́нать обо́ всём э́том.

На часа́х проби́ло че́тверть пе́рвого. Зна́чит, прошла́ то́лько по́лови́на вре́мени, назна́ченного мне ми́стером Бе́льчером. Я нача́л чу́вствовать беспokóйство. Ведь привиде́ния не суще́ствую́т на са́мом де́ле, э́то всё ба́бьи ска́зки, а ме́жду тем у меня́ становило́сь ка́к-то жу́тко на се́рдце, и я беспреста́нно погла́живал ло́шадь, что́бы услы́шать хоть её ржа́нье. Вот на часа́х проби́ло по́лови́ну пе́рвого.

«Тепе́рь всё ко́нчено, — подумал я, — че́рез мину́ту о́ни верну́тся».

И мину́ту, две, три, четы́ре глаза́ моё́ были́ устремле́ны на церко́вную доро́жку, в наде́жде уви́деть Не́да Пе́рка с мешко́м са́жи. Но он не приходи́л, никто́ не приходи́л, ниче́го не́ было ви́дно. У меня́ нача́ли стуча́ть зу́бы, и меня́ охвати́ла пре́жняя ро́бость. Я погла́живал ло́шадь, я называ́л её ра́зными ла́сковыми имене́ми, но она́ стоя́ла неподви́жно, как надгробна́я ста́туя.

«Гу, гу, гу!»

Э́то был, веро́ятно, крик фи́лина, но я перепуга́лся до того́, что не мог бо́льше вы́держать. Я реши́л прой́ти не́сколько ша́гов по тропи́нке и прислу́шаться, не и́дёт ли хозя́ин. Я подложи́л ка́мни под колё́са теле́жки, что́бы гнеда́я не взду́мала увезти́ её, и поше́л. Круго́м бы́ло так темно́, что я ниче́го не ви́дел за три ша́га и до́лжен был о́щупывать зе́млю нога́ми, что́бы не сб́иться с доро́ги. Я ше́л всё да́льше; вдруг нога́ моё́ наткну́лась на что́-то большо́е и твёрдо́е. Я вздро́гнул и отшатну́лся, но че́рез мину́ту собра́лся с ду́хом и о́щупал испуга́вший меня́

предмёт. Каковó же было моё удивлénие, когда оказáлось, что это была нáша машинá для чýстки труб! Сначала мне пришлó в гóлову, что хозяин и Нед стóят гдé-нибудь поблизости и спусти́ли машинý на зéмлю лишь затём, чтóбы немно́жко отдохну́ть; но напрáсно я присмáтривался, напрáсно я прислу́шивался: ничегó нé было ни видно, ни слы́шно. Вдруг óколо сáмой цéркви блесну́л луч фонаря́, и я замéтил, что егó свет прибли́жается ко мне. Я побежа́л без шу́му назáд по доро́жке, вынул каменья́ из-под колёс и как ни в чём не бывáло стал по́дле лóшади.

Прошлó ещё нéсколько минут ожидáния, и наконец в нéскольких шагáх от меня́ обрисовáлись две фигурý. Нед сгибáлся под тяжестью́ большóго мешкá, а мýстер Бэльчер нёс инструменты, в том числé и машинý. Онí останови́лись у калитки, и мýстер Бэльчер спроси́л тихим гóлосом:

— Всё благополúчно, Джим? Никтó не приходи́л? Никтó с тобо́й не говори́л?

— Никтó, — отвечáл я.

Онí нáчали уклады́вать мешóк с сáжей в телéжку и на мину́ту откры́ли свой потайной́ фонарь́. По виду́ онí скорéй походили́ на землеко́пов, чем на трубочистов. Их рýки, нóги и всё плáтье бы́ли перепáчканы гли́ной, кóмья гли́ны покрывáли и мешóк с сáжей. Когда́ мешóк был уложéн, онí оба вы́пили вóдки, и мне хозяин тáкже дал нéсколько глоткóв.

— Пей смéло, мáльчик, — сказа́л он, — от это́го вредá не бóдет. Ты у меня́ молодéц, вот тебе́ за это́ ши́ллинг.

Он дал мне монéту, а мýстер Перкс лáсково поглáдил меня́ по головé.

— А как мы поéдем назáд? — спроси́л Нед. — Мáльчику, я дýмаю, лúчше сесть мéжду нáми.

— Нет, — отвечáл мýстер Бэльчер. — У меня́ ужé лежит óдин в ревматизме; пожа́луй, и это́т тáкже простúдится... Полеза́й на дно, Джим; попо́ну мы поло́жим себе́ на колéни, одним еé концóм ты мóжешь прикрýть себе́ плéчи. — И он протисну́л меня́ вниз, в úгол телéжки.

— Не клади́ гóлову на мешóк с сáжей, — замéтил мýстер Перкс. — Он мóкрый, ты себе́ простúдишь úши.

Усѣвшись как слѣдует, мѣстер Бѣльчер ударил кнутом лошадь, и она помчалась, как будто радуясь тому, что может наконец распрáвить свой иззябшие нóги.

Странный ужас, охвативший меня, когда я сделал удивительное открытiе на церковной тропинке, всё возрастáл. Ясное дѣло, что мѣстер Бѣльчер ѣздил вóвсе не за тем, чтобы чистить трубы; он дáже не брал с собой в церковь машину, он оставлáл её на дороге. А между тем мешок был полон. Полон, но чем? Как узнать? Мѣстеру Пѣрксу не нáдо было и предупредить меня, чтобы я не ложился на мешок: этот мешок внушал мне такой ужас, что я не смел дáже взглянуть на него. А между тем любопытство мучило меня сильнее и сильнее. Нужно было узнать истину во что бы то ни стáло. Осторожно вытянул я нóгу и оцупал мешок: он оказалсá мягким. Мóжет быть, это в сáмом дѣле сáжа? Нет, недоумѣние слѣшком мучительно, я дóлжен знать правду. В кармане моём лежал складной нож. Я вѣташил его, осторожно раскрыл и, наклонившись к мешку, бѣстро, одним ударом, прорѣзал большóе отвѣрстiе. О ужас! На мою рúку, ещё держáвшюю ножик, вѣвалилась человѣческая рука, холодная как лёд! Я громко крикнул; испугáвшись этого крика, лошадь рванулась вперед бѣстрее прѣжнего, я же вмиг перескочил чѣрез задок повóзки и со всего размаха шлёпнулся в грязь. Лицо моё было разбито, но нóги остáлись цѣлы и невредимы. Я побежал вперед. Сзáди раздавалсá мужской гóлос. Я слышал топот чѣйх-то дюжих ног. За мной была погоня.

XVIII

Сцена более страшная, чем все представления в театре

— Воротись!— кричал мне Нед Перкс.— Воротись! Если ты не остановишься и не перестанешь кричать, я сверну тебе шею!

Как я мог остановиться? Я был убежден, что мѣстер Бѣльчер убийца, и верил, что Нед Перкс свернет мне шею. Я бежал,

едва переводя дух, беспрестанно спотыкаясь и шлёпая по жидкой грязи дороги, но всё-таки успел несколько раз крикнуть «караул». Вдруг раздался свист мистера Пёркса, а затем топот гнедой. Конечно, на лошади они меня в минуту догонят. Дрожая от страха, я залез в канаву и лёг там на живот. В канаве была вода, так что я должен был подпираться локтями, чтобы держать лицо над водой. Густая трава и кусты росли с обеих сторон её и совершенно закрывали меня.

Через несколько секунд Нед Перкс добежал до того места, где я лежал, и мистер Бельчер нагнал его в повозке.

— Поймали? — тревожно спросил он у Нёда.

— Да он не мог далеко убежать, — отвечал он. — Удивительное дело! Что это с ним случилось?

— Надо его скорей поймать, Нед, — сказал хозяин. — Он может выдать нас! Он всё открыл, смотрите сюда!

Он навёл свет фонаря на телёгу: верно, показывал Нёду разрезанный мной мешок.

— Ах, проклятый мальчишка! — вскричал Нед. — Ну, вы не беспокойтесь, хозяин, я с ним разделаюсь! Погоняйте лошадь, а я побегу, держась за край повозки. Мы его мигом догоним.

К моей невообразимой радости, совет мистера Пёркса был принят, и я услышал удаляющийся стук копыт гнедой лошади. Но что же мне было делать? Если я побегу вперёд, я могу их нагнать; если побегу назад к Лондону, они меня скоро нагонят. В недоумении я вылез весь мокрый из канавы и взобрался на дорогу, как вдруг из-за кустов вышел человек и положил мне руку на плечо.

— Что случилось, мальчик? — спросил он. У него был фонарь, и он направил на меня свет. Сам он был высокий мужчина в косматом пальто, в шляпе с широкими полями и с ружьём в руках. — Отчего у тебя лицо в крови? — продолжал он. — Кто засадил тебя в канаву? Не те ли молодцы в телёге, а?

— Нет, сэр, — дрожащим голосом отвечал я, — я сам залез в канаву. Не выдайте меня им, сэр, они убьют меня! Они убийцы...

— Как — убийцы? Что такое? — с удивлением спросил лесничий (человек, встретившийся мне, был лесничий).

Я рассказal ему, что видел в таинственном мешке.

— Куда же они теперь поехали? — спросил он, видимо сильно взволнованный моим рассказом.

— Они поехали в погоню за мной, сэр, — отвечал я. — Они скоро вернутся. Им надо ехать в Лондон, на улицу Уикенд, — там живёт мистер Бельчер, сэр.

— А! Ну, если это правда, мы им приготовим славную встречу!

Лесничий взял меня за руку, перескочил опять через канаву, вошёл в небольшую рощу около дороги и несколько раз нетерпеливо свистнул. Минуты через две к нам подошёл другой лесничий с двумя огромными собаками. Я должен был повторить ему историю с мешком.

— Ну, они от нас не уйдут! — суровым голосом проговорил он.

Собаки бросились на меня, и одна уже схватила меня за штаны.

— Куш! — прикрикнул на них второй лесничий. — Садись сюда, мальчик! Дюк! Слот! Стерегите его.

Я сел на землю, а обе собаки стали подле меня, и я видел по их глазам, что они не позволят мне сделать ни одного движения.

По дороге раздался стук лошадиных копыт; слышно было, что лошадь гнали во весь дух.

С того места, где я сидел, сквозь ветки кустарников я ясно видел дорогу. Я заметил, что один из лесничих вышел на середину дороги и стал там, где должна была проезжать телега. Шум колёс слышался всё ближе и ближе, наконец они подъехали совсем близко, и вдруг раздался ружейный выстрел. Я от страха закрыл на минуту глаза, и когда снова открыл их, глазам моим представилась следующая картина. Гнедая взвилась на дыбы, и её с большим трудом удерживал под уздцы один из лесничих; другой освещал своим фонарём телегу и перепуганных трубочистов. Нед Перкс размахивал кнутовищем и

кричал, грозя раздробить голову человеку, удерживавшему лошадь. Мистер Бельчер притворялся спокойным.

— Что вам надо, ребята? — говорил он лесничим. — Если вы разбойники, так с чего же вы вздумали нападать на бедных трубочистов? Убирайтесь-ка без греха, пусть лошадь, не то она может убить вас!

— Именем закона мы вас арестуем! — произнёс торжественным голосом лесничий, державший фонарь.

— Арестуете нас? Вот так штука! Да за что же?

— За убийство. У вас в телеге лежит тело убитого человека!

— Всё пропало! Бегите, Бельчер! — вскричал Нед и одним прыжком перескочил через край телеги.

Мистер Бельчер последовал его примеру, но едва он ступил на землю, как лесничий нанёс ему прикладом ружья такой сильный удар по голове, что он упал замертво. Нед Перкс между тем бросился бежать — и прямо в мою сторону. Он, вероятно, наткнулся бы на меня, если бы крик ужаса, вырвавшийся из груди моей, не заставил его остановиться. Тогда он взглянул на меня, и на лице его выразилась злобная радость. Он поднял большую железную палку, которую захватил с собой с телеги, и готовился нанести мне смертельный удар. Но собаки верно поняли данное им приказание стеречь меня. Прежде чем палка успела опуститься на мою голову, они набросились на Неда, повалили его на землю и крепко держали: одна — за руку, другая — за шейную косынку.

Лесничий, державший лошадь, быстро подбежал к нам и, не говоря ни слова, ловко скрутил Перкса по рукам и ногам.

— Мой готов! — вскричал он затем, подбегая к телеге. — А ты, Том, осмотрел... что тот бедняга? Он в самом деле мёртвый?

Том занят был в это время подробным рассматриванием повозки.

— Да, он мёртвый! — отвечал Том. — Он, должно быть, умер по крайней мере с неделю назад.

— Как — с неделю? Может ли быть? Что за злодеи!

— Злодеи-то — пожалуй, только никак не убийцы, Джо. Они никого не убивали, они только выкапывали мёртвые тела. Видишь, у них тут в мешке разные инструменты, буравы, лом, лопаты. Ну, всё равно, им и за это славно достанется! Пособй-ка мне уложить их в повозку, мы свезём их в Ильфорд¹ — там их рассудят...

— А что, другой молодец связан? — спросил Джо, слезая с повозки.

— Он, я думаю, ещё не очнулся от моего удара. Впрочем, для большей безопасности, конечно, лучше связать и его.

Джо обошёл вокруг повозки до того места, где за несколько минут перед тем лежал без чувств мистер Бельчер, и вскрикнул от удивления:

— Да он ушёл! Его нет!

Это была правда. Холодный дождь, вероятно, оживил мистера Бельчера, и он бежал, унеся с собой одно из ружей, оставленных лесничим подле повозки.

Преследовать его в тёмную, дождливую ночь было невозможно.

— Нечего делать, свезём хоть одного! — сказал лесничий Том.

Они подняли с земли мистера Перкса, уложили его на дно телеги и сами сели в телегу.

— Позвольте мне лучше бежать рядом с телегой, — попросил я, боясь садиться подле Перкса, смотревшего на меня со страшной злобой.

— Пустяки! Тебе нечего бояться, — отвечал Джо, втаскивая меня в телегу: — он не посмеет и пальцем тебя тронуть.

Он втащил меня в телегу, ударил кнутом по лошади, и мы поехали в Ильфорд, находившийся от нас на расстоянии двух миль.

Перкс действительно не тронул меня пальцем, но он сделал хуже: он напугал меня до смерти.

— Джим! — крикнул он, едва мы отъехали несколько шагов.

¹ Рабочий квартал в Лондоне.

— Не отвечай ему, — посоветовал мне лесничий Том.

— Джим, — продолжал Перкс, — ты слышал, хозяин ушёл и ружьё с собой захватил. Не знаю, много ли ты наболтал, только больше не болтай!

— Садись сюда, вперёд, мальчик, — сказал лесничий Джо. — Тогда тебе не слышно будет, что он говорит.

Я с удовольствием сел подальше от Перкса, но он кричал так громко, что я услышал бы его, если бы находился на другой стороне дороги.

— Джим, — говорил он, — помнишь, что тебе обещал хозяин, если ты когда-нибудь проболтаешься насчёт его работы? Он своё слово сдержит, ты в этом будь уверен! Может быть, пройдёт неделя, пройдёт две, а он всё-таки не забудет своего обещания. Ты не надейся, что судья защитит тебя: судья за всем не усмотрит, и хозяин может вмиг сделать с тобой то, что говорил. Ты будешь лежать на постели за сто миль отсюда, дверь будет заперта на замок, труба будет закрыта железными заслонками, и вдруг ты проснёшься и увидишь, что он подходит к тебе — подходит, чтобы сделать то, что обещал. Ты это помни и смотри будь осторожней!

Лесничие нарочно громко говорили и стучали ногами по дну повозки, чтобы я не слышал Нёда. Но я слышал каждое его слово, и на меня напал такой ужас, что я чуть не бросился прямо под колёса.

Моим покровителям хорошо было говорить: «Не слушай его, мальчик, он нарочно хочет запугать тебя. Тебе нечего бояться, если ты скажешь всю правду в суде». Они не знали мистера Бельчера, они не знали, чем он грозил мне, если я проболтаюсь, и какой у него был при этом вид. «Тебе нечего бояться!» А кто же защитит меня? Неужели те полицейские, от которых я бегал всю жизнь, вдруг станут моими лучшими друзьями? Да если бы даже это случилось, разве они могут каждую минуту стеречь меня? Во время нашего разговора за ужином мистер Бельчер ясно показал мне, как мало времени нужно на то, чтобы задушить мальчика. Кроме того, когда я узнал, что хозяин вовсе не убийца, во мне явилось сомнение,

не глупо ли я сделал, выдав его. Я расквивался, что заварил эту кашу, и решил последовать совету Нэда и болтать как можно меньше, когда меня позовут к судье.

Наутро меня вызвали в приёмную комнату полицейского дома. Все полицейские собрались около меня и все были необыкновенно разговорчивы.

— Ну, мальчик, — ласково сказал полицейский инспектор, — теперь расскажи мне всё, что ты знаешь о своём бывшем хозяине... Э, да он, верно, совсем продрог! У него мокрое платье, ему надо переодеться.

— У нас есть подходящее сухое платье, — сказал один полицейский. — Я его сейчас принесу, господин инспектор.

Когда меня переодели и залепили мою ширку пластырем, инспектор велел напоить меня горячим кофе и только тогда приступил к расспросам.

Полицейские внимательно слушали.

— Скажи, мальчик, часто ли твой хозяин ездил на ночную работу? — спросил он.

— Не знаю, сэр, — ответил я, опуская голову.

— Как так не знаешь? Ведь ты жил с ним под одной кровлей!

— Он никогда не брал меня раньше с собой, сэр. Я спал и ничего не слышал.

— Мне не нравятся твой ответы, мальчик. Ты должен говорить всё, что знаешь. Скажи-ка адрес твоего хозяина.

— Я его забыл, сэр.

— Ну, это уж ты лжёшь! Мальчик твоих лет не может забыть адрес дома, в котором прожил столько времени! — рассердился инспектор.

— Честное слово, сэр, я так перепугался вчера ночью, что всё вылетело у меня из головы.

— Но ведь ты называл этот адрес вчера ночью лесничему... И какая досада, что тот действительно забыл его! — обратился инспектор к одному из полицейских. — Постарайся припомнить, — повернулся он снова ко мне.

— Я забыл, я ничего не могу вспомнить, — угрюмо повторял я.

— Ну хорошо, — строго заметил инспектор. — Уведите его. Но помни, мальчик, что завтра тебя заставят говорить всю правду.

Я не поверил, а между тем дело вышло так, как он предсказывал.

ХІХ

Я убегаю от полиции

На другой день мистера Пёркса и меня привели в суд для допроса. Должно быть, судьи уже знали о моём намерении как можно меньше говорить, и один из них, седой, в зелёных очках, принял меня так сурово, что на меня сразу напала робость.

— Смотри на меня, мальчик! — вскричал судья, ударив рукой по столу так громко, что у меня захватило дыхание.

Я взглянул на него и струсил ещё больше. Он смотрел прямо на меня своими зелёными глазами, а двадцать полицейских покорно стояли вокруг, готовые повиноваться малейшему его знаку.

— Не смотри на арестанта, мальчик! (В это время Нед

Перкс кашлянул, и я обернул голову в его сторону.) Смотри только сюда! Понимаешь ты, что значит давать присягу?

Моулди, особенно любивший всякие рассказы о судебных делах, объяснил мне это, и потому я отвечал:

— Это значит целовать евангелие и клясться, что если соврешь, так будешь наказан.

Глаза мой были прикованы к зелёным очкам судьи; наконец у меня навернулись слёзы, как будто я смотрел на солнце.

— Да, если ты, дав присягу, соврешь, — всё тем же строгим голосом сказал судья, — ты будешь строго наказан: тебя сошлют за море, в каторжные работы... Приведите его к присяге... А ты, подсудимый, не смотри на свидетеля, пока его допрашивают.

Как мог я не говорить при таких условиях! Судья был такой бедовый человек. Он, казалось, знал всё дело и предлагал мне такие вопросы, что я волей-неволей должен был подробно рассказать ему всё. Я рассказал всё: как я ушёл из дома, как мисс Уинкшип поместила меня к мистеру Бельчеру, какой разговор был у меня с Сэмом по поводу чистки церковных труб — словом, всё, до той самой минуты, когда, испуганный появлением белой руки, я выпрыгнул вон из телеги. Тут же, на суде, я узнал, в чём заключалось преступление мистера Бельчера.

В те давние времена врачи и студенты, из-за религиозных предрассудков, не могли изучать анатомию на человеческих трупах. Это считалось грехом. Поэтому в Англии тогда существовала профессия «гробовскрываателей», которые тайком пробирались тёмными ночами на кладбище, выкапывали из могил недавно погребённых покойников и продавали их за большие деньги различным медицинским учреждениям.

Этим делом занимался и мистер Бельчер.

После меня лесничие Томас и Джозеф дали свой показания, и затем было решено отложить дело на неделю, чтобы полиция успела арестовать мистера Бельчера и также представить на суд.

— Мальчика всего лучше отправить домой к родителям! Кто поведёт его, тот пусть пострёже внушит его отцу, что через

неделю непременно надобно опять представить его сюда! — сказал судья в зелёных очках.

Суд занялся другим делом, а я вышел на улицу вместе с лесничими и несколькими полицейскими. Они потолковали о чём-то между собой и все вместе вошли в соседний трактир, а я, едва сознавая, что делаю, поплёлся вслед за ними. Меня ошеломили ужасные слова: «Мальчика всего лучше отправить домой к родителям!» Эти слова довершили беду. И зачем, и зачем я вмешался не в своё дело! «Лучше отправить домой!» Я приду к отцу с полицейским, который расскажет ему о моих делах с гробовскрываателями и о том, что меня поместила к ним ни в чём не виноватая миссис Уинкшип! Да он просто убьёт и меня и бедную старуху! Так-то я отблагодарил её за её доброту? Нет, это слишком ужасно! Этого не должно быть! Я должен сделать что-нибудь, чтобы предотвратить это несчастье, и я сделаю, непременно сделаю, хотя бы для этого мне пришлось послушаться страшного судью в зелёных очках! Мне необходимо было ускользнуть от моих теперешних сторожей, вырваться из Ильфорда и спрятаться в каких-нибудь лондонских закоулках. Я говорю: от моих сторожей, но на самом деле меня, казалось, никто не стерёг. Я попробовал выйти из этой комнаты, где лесничие и полицейские пили пиво, — они не обратили на меня внимания; я вышел во двор, затем на улицу — никто не преследовал меня; значит, я могу уйти без помехи. Но я знал, что полицейские — народ хитрый, что они следят за всяким исподтишка, и потому решил возвратиться, посидеть несколько времени в пивной и послушать, о чём там говорят. Оказалось, что полицейские говорили обо мне.

— А, вот и он! — заметил один из них, когда я вошёл. — Ты бы держался поближе к нам, мальчик, а то, пожалуй, тебя схватит тот молодец с ружьём.

Это, должно быть, была шутка, потому что другой полицейский и лесничие засмеялись.

— А что, мальчик, — спросил один из полицейских, — рад ты будешь попасть домой и избавиться от всех опасностей?

Я знал, что если я скажу, что не хочу идти домой, то поли-

цейский стáнет особенно стрóго присмáтривать за мной; по-этому я отвечáл:

— Конéчно, я бúду óчень рад. Я бы хотéл поскорéй пойти́ домóй — тепéрь уж я бóльше не убегу́.

— Ты знáешь доро́гу отсю́да домóй?

— Отлiчно знáю, сэр. Мóжно мне сейчáс идти́?

— Нет, ты не мóжешь идти́ тудá, покá я не освобожусь от своих занятiй и не сведу́ тебя. Это бúдет часá в четы́ре, когдá кончится заседáние в судé. Но ты не дóлжен непременно сидéть здесь — ведь ты не арестáнт, а свидéтель. Ты мóжешь пойти́ в полицéйский дом, посидéть там и́ли прóсто погуля́ть по úлице. Тóлько не заходи́ далекó.

Я едвá мог удержáться от востóрга при éтих слова́х. Я не арестáнт, я свидéтель и могу́ гуля́ть!

— Благодарю вас, сэр, — произнёс я и вы́шел из тракти́ра с беспéчным ви́дом прогуливающегося челове́ка. Тiхими, неторопливыми шага́ми пошёл я по и́льфордской доро́ге, кото́рая велá прýмо к Лóндону. Счастли́вый слýчай избáвил меня́ от утомительного путешéствия. Как тóлько дом судá скрýлся из глаз моiх, меня́ догна́л экипа́ж с óчень удóбными запы́тками, не уты́канными гвоздýми. Я лóвко вскочи́л на них и помчáлся к Лóндону с быстротóй десяти́ миль в час. Я проéхал чéрез Большо́й и Ма́лый Ильфорд, доéхал до сáмого Ма́йль-Энда, но тут дóлжен был сойти́ со своего́ удóбного экипа́жа благодаря низости́ одногó мальчугáна. Емý тáкже хотéлось прокати́ться дáром, и, ви́дя с досáдой, что на запы́тках нет мéста, он стал трéбовать, чтóбы кúчер согна́л и меня́. Кúчер послу́шался ма́ленького негодýя. Я был так рассéржен на дрянно́го мальчи́шку, что набрóсился на него́ и отколоти́л его́, хотя́ éта задéржка в пути́ могла́ быть опáсной для меня́.

Конéц доро́ги мне пришлóсь сде́лать пешкóм; я часá в два был óколо Уáйтчепеля. Я совсéм не знал éтой ча́сти гóрода но под Арками я познакóмился с нéсколькими мальчи́шками, прише́дшими оттúда: они́ рассказывали, что éто сáмое глухóе мéсто Лóндона. Мне и́менно нúжно бýло тепéрь глухóе мéсто, со мнóжеством проходных двóров и изви́стых переу́лков.

Первым и величайшим моим желанием было укрыться на несколько времени, пока кончится несчастное дело о похищении трупов, и тогда... Впрочем, ещё рано думать о том, что будет тогда. Надо позаботиться о том, что делать теперь. Через какой-нибудь час ильфордский полицейский дом начнёт обо мне беспокоиться, меня станут разыскивать и потому мне прежде всего нужно куда-нибудь спрятаться. Я прошёл с дюжину узких и грязных переулков и наконец приютился в одной необыкновенно тихой съестной, где истратил на пищу четыре пенса из своего шиллинга. Хозяин лавки пускал к себе ночевать и давал постели по четыре пенса, поэтому я с его позволения остался в лавке до вечера, съел за ужином порцию супа в один пенс и затем улёгся спать в довольно удобной постели.

Я проснулся на другой день утром, сошёл вниз в лавочку, истратил на завтрак оставшиеся у меня три пенса и вышел на улицу. Целый день бродил я по улицам, выбирая самые бедные и тёмные закоулки и со страхом избегая встречи с полицией. Под вечер голод напомнил мне, что я не обедал и что мне, вероятно, не придётся ужинать.

«Нечего ждать и прятаться, — говорил мне голод, — ты должен что-нибудь делать!»

Но что же мне делать? Куда я ни пойду, я только хуже испорчу своё положение. Испорчу? Да разве можно мне его ещё испортить? Оно так худо, что едва ли может сделаться ещё хуже. Бояться каждую минуту, что схватит первый попавшийся навстречу полицейский, да ещё терпеть голод? Нет, это нестерпимо! Если бы я был поближе к какому-нибудь базару, я не стал бы церемониться. Что, в самом деле! Все против меня, бедного, беззащитного мальчика. Что же мне ещё рассуждать, что честно, что нечестно! Буду думать только, как бы мне самому прожить, а до остального и дела нет. Я дошёл до того, что готов был таскать из чужих карманов, если бы только умёл взяться за это дело. Но оно всегда казалось мне необыкновенно страшным. Воровать фрукты с ковентгартенских лотков было нетрудно. Всегда можно было найти минуту, пока торговец смотрел в другую сторону, или убежать так быстро, что

он не успевал догнать; но засунуть руку в карман нарядной дамы или господина — это совсем другое дело, тут нужна отчаянная смелость. Когда я жил под Арками, мне показывали многих мальчиков, занимавшихся карманным воровством, но их искусство казалось мне таким же трудным, как искусство разных фокусников и клоунов. Мне казалось даже, что куврыкаться и глотать складные ножи легче, чем воровать из карманов.

XX

Я вступаю на новый путь

Размышляя обо всём этом, я вышел из глухих, тёмных переулков на широкую красивую улицу, где все лавки были ярко освещены, а по тротуарам сновало множество богатых, нарядно одетых господ. Моё внимание обратил на себя большой магазин заморских товаров. За его огромными зеркальными окнами были выставлены разного рода плоды, чай, пряности и банки с пиккулями и консервами. Кроме того, там же стояли китайские фигуры, фарфоровые и деревянные, каких я никогда прежде не видал. Они интересовали не одного меня — почти никто не проходил мимо лавки, не бросив на них взгляда, и некоторые даже останавливались, чтобы поближе рассмотреть их, так что вокруг окна образовалась небольшая толпа. Мне некуда было торопиться, и потому я решил переждать, пока народ разойдётся и мне можно будет попристальнее разглядеть удивительные фигуры. Как раз напротив окна магазина, у края тротуара, стоял фонарный столб; я прислонился к нему, и стал ждать. Среди собравшихся около магазина была старая леди¹, такая толстая, что её нельзя было не заметить. Она одна занимала больше места, чем двое обыкновенных людей. Ей хотелось что-то видеть в нижней части окна, она нагнулась и вытянула шею. Не спуская глаз с толстой леди и не понимая, что она так долго рассматривает, я заметил мальчика чуть-

¹ Леди (англ.) — дама, важная барыня.

чуть побольше меня ростом. Он придвинулся очень близко к ней и подражал всем её движениям.

Он провёл рукой по её шёлковому платью, потом быстро отдернул руку прочь, и в эту минуту свет от газового фонаря упал на его пальцы и показал мне, что он держит кошелек, сквозь шёлковые петли которого блестит кучка серебряных монет. Затем он быстро спрятал кошелек в карман, выбрался из толпы и, никем не замеченный, исчез в темноте. Толстая леди постояла ещё несколько секунд перед окном и пошла дальше по улице, весело улыбаясь и покачивая головой: она, видимо, думала о смешных китайцах.

Какое счастье для того мальчика! Этаким чудный шёлковый кошелек, набитый деньгами! Я продал и башмаки и чулки за шиллинг да за кусок хлеба, а он в одну минуту добыл себе по крайней мере 12 шиллингов! Какой дерзкий вор! Какой счастливец! А что, если бы этот кошелек достался мне? Эти мысли одна за другой промчались в голове моей, а за ними последовали другие мысли, такие страшно преступные, что я невольно огляделся во все стороны, как будто боясь, что кто-нибудь услышит их. «Как это легко! Пока ты стоял на месте и дрожал, можно было три раза сделать дело! У тебя просто не хватает смелости!» «Да, положим, — отвечал я самому себе, — дело нетрудное, когда подвернется такая толстая старуха с оттопыренным карманом в шёлковом платье. Тут всякому нетрудно. Тут и я, пожалуй, мог бы! Но, главное, когда дождёшься другого такого случая?»

И вот я стоял у фонарного столба, поджидая «случая».

Ждать мне пришлось недолго. «Счастье», которое помогло мне при моём первом подвиге на Ковентгартенском рынке, не оставило меня и теперь. Не простоял я и пяти минут, как из магазина вышла дама — правда, не толстая и не старая, но в шёлковом платье и с туго набитым кошельком. Выходя из лавки, она держала этот кошелек в руках и, казалось, считала в нём деньги. Затем она защёлкнула его и сунула в карман своего шёлкового платья.

«Вот, ёсли бы она подошла к окну!» — мелькнуло у меня в голове.

И она действительно вмешалась в толпу, любовавшуюся кита́йцами. Я пробрался туда же вслед за нею и старался делать всё так же, как тот мальчик. Я притворился, что внимательно разглядываю кита́йцев, а между тем рука моя осторожно скользила по складкам шёлкового платья к карману. Через минуту пальцы мои оцупали тонкую шёлковую сеть кошелька, и он был у меня в руках. Схватив свою добычу, я пустился бежать. Я бежал долго, не

останавливаясь и не переводя духа, пока не добёжал до глухого, тёмного переулочка. Там я наконец остановился и решил посмотреть на свою добычу. Я вынул из кармана кошелёк, высыпал из него деньги и пересчитал их при свете фонаря подле магазина портного. Оказалось, что у меня были 2 полукроны, полусоверен, 3 шиллинга и 4 пенса — всего 8 шиллингов и 4 пенса¹.

Никогда в жизни не бывало у меня в руках столько денег — даже в половине, даже в четверть столько.

Я решительно не знал, что мне делать, то-есть не знал, что мне купить себе поесть и где купить.

Наконец я дошёл до съестной и поужинал за четыре пенса.

Весь вечер я или ел, или придумывал, что бы поесть. Раз пять заходил я к кухмистеру и съedal по двухпенсовой сосиске, потом съел кусок хлеба с патокой, а в конце концов купил себе на пенни шоколаду.

¹ Около десяти рублей золотом.

В заключение, когда, собираясь на ночлѣг, я стал считать свой капитал, оказалось, что я истратил не особенно много; я купил себе пару крепких сапог, и у меня всё ещё осталось 3 шиллинга и 6 пенсов, не считая полусоверѣна, который я засунул за подкладку куртки, заколов её булавкой.

И вот я стал настоящим вѣром. Впрочем, сначала я твёрдо решился не повторять больше моего сегодняшнего преступления. Конечно, сделанного не вернуть, но никто, кроме меня, не знал этого и никогда не узнает. Я с утра стану придумывать, за что мне приняться. Когда у человека лежит в кармане 13 шиллингов и 6 пенсов, он может найти тысячи средств прожить честно.

Да, конечно, можно было найти тысячу средств прожить честно, но, к сожалѣнию, я должен сознаться, что не нашёл ни одного.

После обеда я пошёл прогуляться по Пѣтикот-Лейну и там остановился подлѣ одного магазина. В окнѣ был вывешен жѣлтый шелковый платок, разрисованный синими птичьими глазами. Точно такой платок носил на шеѣ отец. Я вошёл в магазин и купил платок за 3 шиллинга и 6 пенсов. Рассудок говорил мне, что я делаю глупость, но я утѣшил себя мыслью, что купил платок в память об отцѣ. Это вызвало во мне мысль о домѣ, мне стало грустно, и я выпил кружку пива, чтобы развеселиться. Не знаю... должно быть, пиво это было очень крепко или оно с непривычки так сильно подействовало на меня, но я вдруг пришѣл в такое возбуждѣнное состояние, что с трудом мог себя сдерживать. Я совершенно перестал бояться своих врагов и готов был встрѣтиться лицом к лицу даже с мистером Бѣльчером — конечно, если с ним не будет двустольного ружья. В эту минуту я проходил мимо маленького оружейного магазина, и мне пришлѣ в голову, что человек, которого весь свет преслѣдует, как меня, непременно должен ходить вооружѣнный. Я вошёл в магазин и купил страшный с виду старый пистолѣт за 2 шиллинга и 3 пенса. Вѣчером я нашѣл, что ужасно неудобно таскать это оружье в карманѣ штанов, и потому продал его в ту же лавку за 1 шиллинг и 4 пенса.

Таким образом, мой дорого добытые 18 шиллингов и 4 пенса все разошлись по мелочам. Я продал красивый шелковый платок с птичьими глазами за 18 пенсов — и через три дня стоял среди улицы таким же бедняком, каким был в ту минуту, когда наблюдал за толстой леди, прислонясь к фонарному столбу против богатого фруктового магазина. И вот...

Впрочем, легко догадаться, как пошла моя жизнь. Труден только первый шаг; сделав его, я уже не останавливался. Я старался убедить себя, что я несчастный, всеми покинутый ребенок, что все меня преследуют и ненавидят, что я поневоле должен поступать нечестно, чтобы не умереть с голоду. При втором воровстве я уже жалел, что в кошелек нашлось всего только 4 шиллинга, а при третьем и сам не помню, что чувствовал, так как за ним скоро последовало четвертое, пятое и так далее.

Впрочем, я недолго вел жизнь карманного вора — никак не больше двух месяцев. Сколько денег удалось мне украсть в это время, не помню; знаю только, что я разбогател до того, что мог взамен старой одежды, данной мне йльфордской полицией, купить себе очень порядочное платье. Я не ночевал больше в съестной лавочке, а поселился в улице Уэнтфорт.

XXI

Я знакомлюсь с Джорджем Гапкинсом

В один июльский вечер я прохаживался по Чипсайду. Так как у меня теперь был приличный костюм, я смело появлялся на больших и богатых улицах. Поглядывая по сторонам с беззаботным видом мальчика, вышедшего погулять, я заметил джентльмена, внимательно разглядывавшего что-то в чулочном магазине.

Это был один из тех джентльменов, от которых карманным ворам хорошая пожива. Он был так толст, что, когда наклонился, фалды его сюртука сильно оттопырились и карман выставился самым соблазнительным образом. Нельзя было

упустить такой удобный случай. Я ощупал карман; в нём лежало что-то твёрдое, четырёхугольное. Я запустил в него руку и через секунду вытащил красивый кожаный бумажник. До сих пор мне удавалось таскать кошельки, деньги, просто положенные в карман деньги, завернутые в бумагу, но ни разу не попадался мне под руку бумажник. Дрожая от восторга, я быстро свернул в соседнюю улицу, осторожно открыл бумажник при свете фонаря и увидел в нём несколько сложенных банковых билетов¹ и целую кучу золотых монет. Это так поразило меня, что я стоял секунд пять неподвижно, закрывая бумажник полوى своей куртки и не зная, на что решиться. Вдруг чья-то рука легла на моё плечо.

— Не вздумай бежать, — произнёс голос человека, явившегося как будто из-под земли. — От меня не убежишь.

Я готов был поклясться, что никто не следовал за мной от Чипсайда. Появление этого незнакомца как гром поразило меня. Я быстро бросил бумажник в водосточную трубу и повернулся, вполне уверенный, что меня задержал или полицейский, или обокраденный мною джентльмен. Но я ошибся: меня держал за ворот незнакомый мне господин, одетый очень нарядно, с блестящим перстнем на пальце. Он поднял брошенный мною бумажник и спокойно положил его к себе в карман, точно свою собственность.

— Правду говорят, что дуракам счастье,—заметил он, продолжая держать меня за ворот и увлекая за собой в тёмную улицу.

— Послушайте, сударь, — заговорил я жалобным голосом, не помня себя от страха. — Ведь я нашёл его... право, нашёл; только он мне не нужен, возьмите его, если хотите; может, вы его потеряли...

— Нашёл! Конечно, нашёл! — насмешливо проговорил незнакомец. — Неужели же заработал! А ты для кого работаешь? — спросил он вдруг резким голосом, когда мы уже прошли пол-улицы.

¹ Банковых билетов (банковый билет) — здесь: бумажных денег.

«Он, должно́ быть, при-
нимает меня за како́го-нибудь
че́стного мастерово́го», — мельк-
нуло у меня в голове́.

— Я работаю, — проговорил
я прерывающимся голосом, — у
одного коробочника близ Уайт-
чепеля.

— Что ты врешь! — вдруг
сердитым голосом закричал не-
знакомец. — Говори сейчас прав-
ду! Ты живёшь у Симмондса
или у Тома Мартинса?

— Не знаю я никакого Сим-
мондса и Мартинса! — вскричал
я, несколько оправившись от
испуга. — Пустите меня! Берите себе бумажник, только меня
оставьте в покое!

— Я тебе сверну шею, если ты не станешь отвечать! —
грозным голосом сказал незнакомец. — Говори сейчас: для
кого ты работаешь?

— Да ни для кого, сам для себя!

Незнакомец выпустил из рук воротник моей куртки и не-
сколько секунд смотрел мне прямо в глаза́.

— Послушай, мальчик, — сказал он, наклонясь ко мне и
говоря почти шопотом: — не думай, что меня можно обмануть.
Говори правду. Если у тебя есть хозяин, это не беда; если нет,
скажи, и я, может быть, окажу тебе услугу.

— А вы не полицейский, не сыщик? — спросил я.

— Я — полицейский! — вскричал незнакомец и громко рас-
хохотался. — Ах ты, простота! И с таким умом берётся за во-
ровство! Ты давно занимаешься этим делом?

— Два месяца.

— И ни разу не попадался?

— Ни разу.

— Удивительное счастье! Такой простофиля должен бы

сразу попасться. Надо взять тебя в руки. Пойдём-ка со мной.

По тону его голоса видно было, что он намерен забрать меня в руки. Мне это вовсе не представлялось приятным. Я боялся его не меньше, чем полицейского.

— Благодарю вас, сэр, — сказал я. — Я не хочу, чтобы меня брали в руки.

— Не хочешь! — свирепо воскликнул он. — Кому есть дело до того, что ты хочешь или чего не хочешь! У тебя до сих пор не было хозяина, а теперь будет! Иди за мной. Когда мы придём домой, я с тобой поговорю.

Он вышел на улицу Поултри, потом завернул в один переулок, затем в другой, в третий, пока не дошёл до улицы Кэт. Он не держал меня, а между тем я следовал за ним, и мне даже не приходило в голову бежать — такой страх внушал он мне своим решительным и грозным обращением.

Когда мы дошли до половины улицы Кэт, он постучал в дверь одного дома, и нам открыла нарядно одетая молодая женщина.

— Я не ждала тебя так рано, Джордж, — сказала она, ласково целуя незнакомца.

— Я привёл к нам нового жильца, Сюки, — отвечал он, указывая ей на меня.

Это, повидимому, ей было неприятно.

— Неужели тебе ещё не надоели жильцы? — недовольным голосом проговорила она. — Наверно, и этот проживёт у нас не больше того!

— Конечно, если он вздумает выкинуть со мной какую-нибудь штуку! А что, чай готов?

— Готов. Иди.

Мы вошли в очень хорошо меблированную комнату; на столе около камина¹ стоял чайный прибор. Джордж бросился на диван и лежал на нём молча, заложив руки под голову. Молодая женщина принесла чайник с чаем и блюдо яичницы

¹ Камин (камин) — комнатной печи с широкой открытой топкой.

с ветчиной. На меня она смотрела попрежнему недружелюбно.

— Не суйтесь под ноги, если не хотите, чтобы вас обварили! — сердито заметила она, проходя мимо меня с чайником.

— Ты будешь пить чай? — спросил у неё Джордж.

— Нет, я уже пила.

— Ну, так убирайся к чёрту! — грубым голосом сказал он. Она вышла из комнаты, сердито хлопнув дверью.

— А ты, — обратился Джордж ко мне, — хочешь чаю?

— Нет, благодарю вас, сэр.

— Ну, всё равно, я буду пить и говорить, а ты сиди и слушай. Откуда ты?

Этот вопрос был для меня совсем неожиданным. Как сказать ему, откуда я? Из Клеркенуэла, из Кемберуэла или с Уэнтфордской улицы? Джордж заметил моё смущение.

— Коли тебе не хочется, так не говори, — сказал он. — Мне всё равно. Мне надобно только знать, есть ли у тебя настоящий дом. Есть ли у тебя отец и мать?

— Я убежал из дому, я туда не вернусь.

— Отчего?

— Оттого, что меня там до смерти избыют.

— А, вот что! Ну, это отлично, тебе и не нужно идти туда. Ты будешь жить здесь.

— Здесь?

— Да, я беру тебя в учёные. Я дам тебе стол и квартиру, а ты должен работать на меня.

— Что же я буду делать?

— Да то же, что делал уже два месяца и на чём я поймал тебя сегодня. Не скажу, чтобы ты был искусен, но ты мне понравился, и можешь быть полезен, если тебя немножко подучить. До сих пор тебе везло, но на одно счастье нельзя рассчитывать, надобно стараться приобрести и искусство! Ты меня, конечно, не знаешь, но спроси у любого полицейского: кто такой Джордж Гапкинс? И каждый скажет тебе: «А! Это известный воспитатель воров, как его не знать!» Вот я и хочу взяться за твоё воспитание.

— Благодарю вас, сэр, — проговорил я, чувствуя, что должен что-нибудь ответить. — Вы очень добры, если хотите помочь мне.

— Помочь тебе? Я хочу сделать тебя счастливым! Сотни уличных мальчиков позавидовали бы тебе. Если ты останешься у меня, через месяц тебе стыдно будет вспомнить о том, как ты неловко устроил сегодня эту штуку! — Он указал рукой на свой карман, в котором всё ещё лежал украденный мной бумажник. — Как тебя зовут?

— Джим Смит... — Я боялся назвать своё настоящее имя и хотел сказать то, какое мне дали Мобулди и Рипстон, но запнулся на первом слове.

— Джим Смит? — подхватил мой новый хозяин. — Прекрасно! Ну, скажи-ка по правде, Джим: несмотря на твоё счастье, ведь тебе не всегда везло? Один день бывало густо, другой пусто? Не всегда в кармане звенели полукроны, а?

— Да и шиллинги-то не всегда, — отвечал я. — Где тут! Иногда перепадает много, а иногда и ничего.

— Ну, это известное дело. Слушай же, что я хочу для тебя сделать. Я буду учить тебя нашему искусству, буду кормить тебя вволю, одевать, как богатого франта, давать тебе денег на твой удовольствия. Хорошо это?

— Ещё бы, даже очень хорошо, — отвечал я, чувствуя, как моё отвращение к мистеру Гапкинсу исчезает. — А что же я должен делать за всё это?

— Ты должен приносить мне всё, что тебе удастся добыть.

— Что ж, на это я согласен, — сказал я, едва скрывая своё удовольствие и боясь одного: как бы он не передумал.

— Отлично! Это одна сторона дела, а вот другая: ты слышал, что говорила про тебя миссис Гапкинс, когда мы вошли?

— Что я проживу не дольше прежнего жильца?

— Да. Видишь ли, этот прежний жилец был постарше тебя годами двумя, удивительно ловкий мальчик! Он прожил у меня всего девять недель. Теперь он засажён в тюрьму на три месяца. Как тебе кажется, хорошо ему там?

— Что же хорóшего сидѣть в тюрьмѣ? А за что он туда попал?

— А за то, что он был обманщик и хотѣл надуть меня! У меня не уживаются те мальчишки, которые вздумают меня надувать. К тем, кто ведёт себя честно со мной, я добрее отца родного. Случись с таким мальчиком какая беда, я ничего не пожалѣю, выручу его. Зато уж если кто вздумает обманывать меня, для того я злейший враг. Не попадѣт он в тюрьму сам по себе — я постараюсь упрятать его. Понимаешь?

— Ещё бы. Это всё очень понятно.

— Ну, и прекрасно. Теперь нам пока не о чем больше говорить. Если хочешь, можешь идти гулять или сходить в театр. Есть у тебя деньги?

— У меня есть четыре пенса, сэр.

— У меня также есть кое-какая мелочь. Вот тебе три шиллинга и шесть пенсов. Мы не будем слишком роскошничать, пока не увидим, как пойдут у нас дела. Прощай. Приходи не позже одиннадцати.

XXII

Я встречаю старого товарища

Мистер Гэпкинс запер за мной дверь дома и предоставил мне идти, куда я хочу. Никогда в жизни не чувствовал я себя в таком странном положении.

Что за человек был этот Гэпкинс? Он, конечно, не шутил, иначе он не показal бы мне своей квартиры, не дал бы мне денег, не стал бы откровенничать со мной. Он будет кормить, одевать меня, давать мне деньги на удовольствия, и всё за что? За то, чтобы я продолжал заниматься тем, чем занимаюсь уже два месяца, и гораздо спокойнее: в случае неудачи он обещал выручить меня. Условия, конечно, со всех сторон выгодные для меня. Я буду жить у него, пока мне будет хорошо, а чуть замечу, что он относится ко мне дурно, я брошу его и убегу. Что за удивительный дурак этот мистер Гэпкинс! Я чуть громко не

раскохотáлся на úлице, думая о глúпой нерасчётливости моего нóвого хозяина.

Однако куда же мне итти? Он сказа́л: в теа́тр. Отлúчно, пойду́ в Шо́рдичский теа́тр, где я так ча́сто быва́л с моими ми́лыми това́рищами, и возьму́ себе́ ме́сто в ло́же. Мне тепе́рь скупиться́ не́чего! Я купи́л па́ру сосисок, пять апельси́нов, выпил кру́жку пи́ва и напра́вился к теа́тру.

У вхо́да уже́ толпи́лся наро́д. Я узна́л, что в э́тот день шла́ нóвая пьеса́, был бенефи́с¹ любимо́го актёра, и оттого́ собра́лось так мно́го зрите́лей. Я попáл в са́мую середи́ну толпы́, меня́ ти́скали и толка́ли со всех сторо́н. Оди́н ма́льчик раба́тал локтя́ми так усер́дно, что совсе́м придави́л мой карма́н с сосисками. Я слегка́ толкну́л его́ и попроси́л не дави́ть мой сосиски.

— Ва́жная шту́ка твой сосиски! — отвеча́л он. — Чего́ ты не ел их до́ма?

Он стоя́л впереди́ меня́ и, говоря́ э́ти слова́, не поверну́л ко мне головы́, но я то́тчас узна́л его́ по го́лосу.

— Ри́пстон, неуже́ли э́то ты? — вскрича́л я.

— Сми́тфилд! Вот так встре́ча! — закрича́л мой ста́рый това́рищ.

Не обраща́я внима́ния на неудовольствие сосе́дей, он поверну́лся ко мне и протяну́л мне ру́ку. Э́то движе́ние оттесни́ло нас от дверей́ теа́тра. Нас зати́скали и затолка́ли так, что мы постара́лись скорей́ вы́браться из толпы́.

При све́те большо́й ла́мпы, висевшей у подьез́да, мы смотре́ли друг на дру́га.

— Вот чуде́сная встре́ча! — вскрича́л Ри́пстон. От восторга́ он чуть не задуши́л меня́ в своих объ́ятиях: — Я-то думал, что ты уж давным-давно́ у́мер, а вме́сто того́ ты вы́рос на полголо́вы, да каки́м ф́рантом стал! Тебе́, должно́ быть, си́льно повезло́ с тех пор, как мы вме́сте жи́ли под Арками, а?

Я далеко́ не́ был ф́рантом, но оде́жда моя́ была́ прили́чна. Конечно́, она́ могла́ показаться роско́шной в сравне́нии с той, кото́рую я носи́л, когда́ заболел горя́чкой. Но Ри́пстона, уж

¹ Бенефи́с (франц.) — спектакль или ко́нцерт.

разумеется, никто не назвал бы франтом. Его куртка и штаны были из одинаковой материи и страшно перепачканы. Лицо его также далеко не отличалось чистотой. Но особенно удивляли меня его руки. Они были грязны, как всегда, и, кроме того, покрыты мозолями, каких я никогда прежде не видал на них. Когда эти мозолистые руки обвились вокруг воротника моей щеголеватой чёрной курточки, я почувствовал какое-то странное волнение.

— Чего же ты, Смиф? — спросил Рипстон, замечая моё смущение. — Разве ты не рад, что встретился со мной? А, понимаю! — вскричал он, пристально поглядев на меня несколько секунд. — Ты, верно, сделался честным, Смиф, и не хочешь знаться со мной? Ты не знаешь — ведь и я также переменялся, Смиф.

Это объяснение не только не успокоило меня, а, напротив, заставило пожалеть, что я встретил старого товарища.

— То-есть, как же это переменялся? В чём переменялся, Рипстон? — спросил я.

— Да, знаешь, бросил я все эти глупости. Что за жизнь — вечно прятаться по углам, бояться всякого сторожа, всякой торговки! Я тут встретился с одним мальчиком фабричным. Он меня уговорил, да и помог поступить на фабрику Беккера в Спиталфилде. Нелегко, конечно, а всё-таки хоть прятаться не надо. Получаю восемнадцать пенсов в неделю. А живу в рабочей казарме. Главное — товарищи хорошие.

— А что Моулди? — спросил я с тайной надеждой, что может быть, хоть Моулди сделался настоящим мошенником.

— Моулди умер, — коротко отвечал Рипстон.

— Умер?

— Да, он умер зимой... Пойдём скорее в театр, а то мы не найдём места в галерее¹.

Я объявил, что иду в ложу, и уговорил Рипстона пойти со мной, сказав, что могу заплатить за его место, так как у меня

¹ В галерее (галерея) — в верхнем ярусе (этаже) театра с дешёвыми местами.

в карма́не бо́льше шйлли́нга. Мне сты́дно бы́ло призна́ться, что у меня́ бы́ло да́же о́коло трёх шйлли́нгов.

— Ишь ты, како́й бога́ч! — заме́тил Рйпстон. — У тебя́ ме́сто, должно́ быть, полу́чше моего́. Ты, ве́рно, служи́шь в како́м-нибудь магази́не мануфакту́рных това́ров?

— Так и есть, ты угада́л, — отве́чал я, ра́дуясь тому́, что он придума́л мне за́нятие.

— И ты, должно́ быть, до́лго копи́л де́нежки, а се́годня взду́мал зада́ть себе́ пир? — спроси́л Рйпстон.

— Ты всегда́ ло́вко уга́дывал, — сказа́л я, избега́я прямо́го отве́та. — Одна́ко пойдём, а то и в ло́жах не бу́дет ме́ста.

Мы усе́лись о́чень удо́бно в ло́же, где, кро́ме нас, бы́ло всего́ три челове́ка. Я угости́л Рйпстона соси́сками и апе́льси́нами и, пока́ он ел, спроси́л у него́: что же ста́лось с Мо́улди?

— Да с ним случи́лось несча́стье: он свали́лся с кры́ши того́ сара́я, что был на берегу́ реки́, по́мнишь?

— По́мню, как же!

— Ну вот, ты по́мнишь и то, — продо́лжа́л Рйпстон, наклони́ваясь ко мне и говоря́ почти́ шопотом, — что на́ши дела́ шли о́чень пло́хо, когда́ ты заболел горя́чкой. По́сле тебя́ они́ пошли́ ещё́ ху́же. Тот фу́ргон, в кото́ром мы ночева́ли с тобо́й, пере́ста́л приезжа́ть под Арки, а в други́е теле́ги нас не пуска́ли. Все боя́лись, что мы от тебя́ зарази́лись горя́чкой. Нам пришло́сь спать на го́лых гря́зных камня́х. На у́лице нам та́кже не везло́. Разно́счики и торго́вцы гоня́ли нас, полице́йские следя́ли за на́ми, рабо́ты никако́й не́ было, а стащи́ть что́-нибудь... зна́ешь, по-ста́рому... и не ду́май. А тут ещё́ заверну́ла непого́да, да та́кая, что про́сто беда́! Уж не зна́ю, как мы про́жили два ме́сяца до рождества́. К пра́зднику вся́кий, изве́стно, ждёт себе́ чего́-нибудь полу́чше, а нам и жда́ть-то не́чего бы́ло. Мо́улди совсе́м приуны́л. Отморозил себе́ ру́ки и но́ги, сиди́т да сто́нет, про́сто всю ду́шу ви́тянул. А у нас, под Арками, рождество́ справля́ют ве́село. Вся́кий даёт ско́лько-нибудь де́нег, устраи́вают скла́дчину, разво́дят о́гонь, пьют что́-нибудь горя́ченькое, ку́рят и пою́т пе́сни. Проше́дший год мы то́же дава́ли де́нег в скла́дчину, а ны́нче ниче́го не могли́ дать. Вот мы и сидели́ себе́ голо́дные да

холодные, в тёмном уголку, пока другие там угощались да пировали. А Мбулди совсем пришёл в отчаяние. Он ведь всегда любил поесть, а тут слышит запах жареного мяса, а у самого с утра крошки во рту не было. Он говорит: «Постой же, Рип, будет и на нашей улице праздник! Полно мучиться, не хочу больше. Коли счастье не даётся в руки, я сам его возьму!» Я подумал, он это так, со злости говорит. Мне и в голову не пришло, что он задумал что-нибудь серьёзное. Я лёг спать и расспрашивать его не стал. Только на другое утро просыпаюсь, смотрю — Мбулди уж нет. Я удивился: он никогда не уходил, не сказав мне. Я стал расспрашивать у всех знакомых. Никто его не видел. Я пошёл на базар, — и там нет Мбулди! Вернулся домой часов в десять. Только спускаюсь по ступенькам, а мне один мальчик и говорит: «Ну что, видел его? Каково ему?» У меня так сердце и замерло. «Про кого ты это так говоришь?» — спрашиваю. «Да про твоего, — говорит, — товарища, про Мбулди. Ведь он в больнице, разве ты не знал? Он полёз за свинцом на крышу сарая, что на берегу, стал спускаться по трубе, да и свалился. Он переломал себе ноги и рёбра. Едва ли доживёт до завтра...»

Рипстон так увлёкся своим рассказом, что не заметил, как поднялся занавес и началось представление. Впрочем, первым номером программы был балет, до которого мой приятель был не охотник. Он отёр слёзы и продолжал свой рассказ:

— Я, конечно, сейчас же пошёл в больницу, сказал привратнику, что я брат Мбулди; тот меня впустил и велел мне спросить палату сестры Мелии. Я спросил. Ко мне вышла сестра Мелия. «Вы, — говорит, — не Рипстон ли? Мбулди всё вас звал. Ему, бедняжке, уж недолго остаётся жить на свете». Она привела меня в комнату, где он лежал. Смотрю, его обмыли, одели в чистое платье. Он лежит такой бледный-бледный, а глаза у него стали такие большие, голубые. Я никогда прежде не замечал, что у Мбулди голубые глаза. А он как завидел меня, протянул мне руку. «Как я рад, — говорит, — Рип, что ты пришёл! Я думал: так и умру, а тебя не увижу!» А я и сказать ему ничего не могу, Смиф, засело у меня что-то в гортани, слова не даёт вы-

говорить. А Мбулди всё держит меня за руку. Вдруг он крепко сжал мою руку, посмотрел на меня, кивнул мне головой и умер...

Слёзы прервали речь Рипстона. Я в виде утешения сунул ему в руку большой апельсин; он несколько секунд с ожесточением сосал его и затём продолжал:

— Когда Мбулди умер, его смерть так огорчила меня, что я сделался другим человеком. Я решил, что непременно переменить свою жизнь; не знал только, как мне это сделать, за что приняться. А тут, как нарочно, смотрю, на соседней койке тоже мальчишка сидит. В халате. Да только, видно, уже поправляется — весёлый такой. «Ты что, — говорит, — брат, голову повесил? Ничего не подделаешь, все там будем». Сначала мне будто обидно показалось. А потом ничего, вижу, это он не со зла. Ну, разговорились мы. Он мне и рассказал, что служит на фабрике, ему там тачкой ногу придавило; ну, да ничего, на этот раз дешёво отделался, зажило. Понравился он мне. Сдружился мы. И так мне не захотелось одному под Арки возвращаться! Я ему всё рассказал. Он мне и говорит: «Не миновать тебе тюрьмы. Поступай-ка лучше к нам. Я тебя устрою». Ну, и правда, устроил. Вот и вся моя история. Как-нибудь заходи к нам, посмотришь, как мы живём. Неказисто, конечно. А только ребята хорошие... А теперь ты про себя расскажи. Тебе, видно, больше моего повезло? Я и забыл теперь, как прежде ворышкой был. А ты?

У меня не хватило духу отвечать на его вопрос, и я только кивнул ему головой в виде согласия.

— Тебе это, должно быть, было легко, — сказал он, — тебе меньше пришлось меняться, чем Мбулди и мне: ты ведь ещё не привык воровать. Помню я, как нам с Мбулди бывало смешно глядеть на тебя, когда ты принимаешься за воровство. Ты никогда не был настоящим вóром, Смиф, у тебя и смелости не хватало. Я думаю, если бы не мы с Мбулди, ты никогда не стал бы воровать.

— Может быть, — проговорил я.

— Тебе, я думаю, теперь приятно вспомнить, что ты не был таким ворышкой, как мы с Мбулди.

— Да, конечно, приятно... Смотри, Рип, какой слáвный тáнец!

— Да, отличный тáнец! А я всё дúмаю, Смиф, как это хорошó, что мы встрéтились, когда óба переменялись. Нам было бы совсём не так вёсело, ёсли бы переменялся тóлько оди́н из нас! Что, ёсли бы я жил по-стáрому, а ты ужé сде́лался бы чéстным? Ты, пожа́луй, не захотёл бы говори́ть со мной? А ёсли бы ты заговори́л, как бы я тебе́ отвечáл? Я дúмаю, я скрыл бы от тебá, что я всё ещё вори́шка. Или я сказа́л бы тебе́ правду и стал бы насмеха́ться над тобо́й, что ты тако́й франт, тако́й ва́жный.

Никогда́ в жи́зни не ви́дал я Рипстона тако́м разгово́рчивым и откровенным. Ка́ждое сло́во его́ было́ мне ножом в се́рдце. Послédнее вре́мя со́весть моя́ замо́кла, но тепе́рь Рипстон о́пять расшевели́л её. Моё знако́мство с ним и Мо́улди было́ совсём о́собенного ро́да, оно́ лёгче вся́кого друго́го могло́ преврати́ться в дру́жбу. Извёстие о сме́рти Мо́улди само́ по себе́ взволновáло меня́. Но гла́вное, мой стáрый друг Рип, Рип, кото́рого я любил горáздо бо́льше Мо́улди, сде́лался чéстным, стал говори́ть как чéстный ма́льчик. Не понима́я, что де́лает, он растравля́л мою́ рáну, и я чу́ствовал тако́й стыд, тако́е раскáяние, что гото́в был провалиться́ сквозь зéмлю. В то же вре́мя я бо́ялся, что Рипстон замéтит моё смущéние, и это́ ещё бо́льше увели́чивало мой мучéния. Страх мой оказа́лся не напрáсным. Предста́вив, как бы мы встрéтились, ёсли бы он оста́лся бо́ришкой, а я сде́лался чéстным ма́льчиком, мой стáрый това́рищ развесели́лся. Толка́я меня́ под бок, он с хóхотом спра́шивал: неужéли мне не смешно́? Мне ниско́лько не́ было смешно́. Я не мог заста́вить себя́ не тóлько засмеяться́, но да́же улыбу́ться. Я смотре́л прямо́ перед собо́й, сдвину́в брови́ и сти́снув зу́бы. Рипстон вдруг перестáл смеяться́.

— Что с тобо́й, Смиф? — спроси́л он, взяв меня́ за́ руку. — У тебá что-то нела́дно? Ты ведь слúжишь в магази́не, это́ правда?

В эту мину́ту подня́лся за́навес, и нача́лось предста́вление но́вой пьёсы, так что я мог оста́вить вопро́с Рипа без отве́та.

Чтобы скрыть своё смущение, я принялся хлопать в ладоши и кричать «браво» вместе с остальной публикой. Пьеса была необыкновенно интересна и трогательна. В ней изображалась вся жизнь одного очень несчастного человека. В первом действии он был ещё крошечным ребёнком, и мать носила его на руках; отец его, злой, гадкий пьяница, требует денег у своей жены и колотит её, когда она говорит, что у неё денег нет.

— Этак, Смиф, и у вас в доме бывало, — обратился ко мне Рипстон после первого действия. — Помнишь, ты рассказывал, как отец твой колотил твою мать?

— Помню, — отвечал я, и мне живо вспомнилась моя бедная мать.

— А хорошо иметь мать, Смиф! — продолжал Рипстон. — Ты, я думаю, очень жалеешь теперь, когда ты переменялся, что у тебя нет настоящей матери? Мне так было хорошо, когда я вернулся к своей старухе. Она меня обняла, да так крепко, что я думал — она меня задúшит. И сама чуть не умерла от радости. Ах, что я тогда чувствовал, Смиф!

У меня навернулись слёзы, мне хотелось во всём признаться Риппу. Только стыд удерживал меня. В эту минуту я от всей души презирал Гапкинса и не чувствовал ни малейшего желанья вернуться к нему.

Во втором действии Френк — так звали ребёнка — стал уже взрослым мальчиком. Мать его умирает, ему не на что похоронить её, и он ворует, чтобы купить для неё гроб. За это его арестовывают и ведут в тюрьму.

В третьем действии он уже выпущен из тюрьмы, пирует с ворами и разбойниками. Им нечем заплатить за выпитое пиво, и он опять ворует. Его сажают в тюрьму и набивают на ноги железные кандалы.

В четвёртом действии он работает на каторге вместе с другими ссыльными.

В пятом действии он отбыл срок и ищет работы, чтобы жить честным трудом. Но ничего не находит. Он встречает одного своего знакомого каторжника, который подговаривает его на какое-то дурное дело.

В шестом действии он вместе с каторжниками забирается в контору, убивает сторожа и похищает все деньги. Полиция застигла их на месте. Каторжник бежит, а Френка снова сажают в тюрьму.

В седьмом действии Френк сидит в тюрьме, закованный в цепи. Он рассказывает в своих дурных поступках и страшно мучится. Вдруг он видит во сне свою мать; она утешает и ободряет его; он плачет и идет на казнь спокойно, без всякого отчаяния. В это время разворачивается бумага, на которой крупными буквами написано: «Любовь матери бесконечна».

XXIII

Моё намерение перемениться быстро исчезает

Пьеса вызвала громкие рукоплескания зрителей. Меня она тронула до того, что я не решился взглянуть на Рипстона, чтобы он не увидал моих слёз.

— Какая славная пьеса! Не правда ли, Смиф? — сказал он, пока мы проталкивались сквозь толпу при выходе из театра. — В ней так хорошо показано, что человек вовсе не делается негодяем сразу, в один прекрасный день; нет, жизнь делает его негодяем постепенно, день за днём, мало-помалу... «Любовь матери бесконечна». Это, я думаю, значит, что мать всегда прощает. Надо только подумать о ней, и сразу легче станет, и сам лучше сделаешься.

— Да, я думаю.

— О мацехах там ничего не сказано, Смиф. Я думаю, ты не успокоился бы, если бы увидел во сне свою мацеху.

Я постарался засмеяться в ответ на его слова, но в душе мне было вовсе не до смеха.

— Что с тобой? О чём ты плачешь, Смиф? — вскричал вдруг Рип.

В эту минуту мы вышли на улицу.

— Полно, перестань, — утешал меня товарищ. — Тебе не нужно ходить смотреть чувствительные пьесы, если ты такой слабый. Что, у тебя нет платка? На, возьми мой.

И он подал мне какую-то грязную тряпку.

— Ах, Рип!

— Ну, перестань же! Ты, верно, нездоров! Успокойся! Смотри, уже десять часов, нам пора по домам! Мне придётся идти далеко. А ты где живёшь? К которому часу тебе надобно вернуться? Где лавка твоего хозяина?

Последний вопрос он сделал тревожным голосом, как будто у него опять мелькнуло подозрение.

— Я не живу в лавке, — проговорил я прерывающимся голосом, наклоняясь ближе к его уху: — у меня нет хозяина.

— Нет хозяина? Так чем же ты живёшь? Где работаешь?

— Нигде. Нельзя же называть наше прежнее дело работой.

— Наше прежнее дело! — с удивлением вскричал Рип. — Неужели ты в самом деле не переменялся, Смиф? Нет, этого не может быть!

— Да, я переменялся, — рыдая, отвечал я. — Только я стал ещё хуже — вот как в пёсе.

Рипстон постоял с минуту задумавшись, глядя на меня с недоумением. Потом он тряхнул головой. Он всегда так делал, когда решался на что-нибудь.

— Ты об этом плачешь, Смиф? — спросил он.

— Да, об этом.

— Значит, ты хочешь перемениться?

— Ещё бы, очень хочу! Я рад бы сейчас сделаться честным, да только не знаю как. Вот бы ты помог мне!

— Как же я могу тебе помочь?

— Не знаю... Да вот, если бы туда же поступить, где ты...

— Я уж об этом думал! — с жаром вскричал Рипстон. — Попробую, поговорю с мастером. Пойдём скорей, а то у нас ворота закроют.

Я твёрдо решил следовать совету Рипстона, и мы быстрыми шагами пошли по улице. Но едва сделали мы несколько шагов, как перед нами появился Джордж Гэпкинс. Он стоял, прислонясь к фонарю. Когда я проходил мимо, он положил руку на моё плечо, повидимому, с полным добродушием. Но я почувствовал, что он крепко держит меня.

— Ах, вот ты где! — произнёс он голосом ласкового упрека. — Экий ты нехороший, непослушный мальчик. Как тебе не стыдно ходить в такие дурные места, когда ты знаешь, что твоё добрая тётенька терпеть этого не может! Неужели ты никогда не отстанешь от дурных знакомств? А ты, мальчишка... — обратился он к Рипстону, — если ты ещё раз вздумает совращать его с пути, я сведу тебя в полицию. Убирайся прочь!

Я был так поражён неожиданным появлением Гэпкинса, что не мог выговорить ни слова. Рипстон, очевидно, удивлённый его щегольским нарядом и повелительным тоном, смотрел то на меня, то на него, широко открыв глаза от удивления.

— Ну, если ты не хочешь идти со мной, Смиф, — проговорил он наконец, — так прощай.

— Прощай, Рип! Мы, может быть, скоро увидимся.

Он пошёл дальше, и я видел, что он несколько раз оборачивался и смотрел на меня всё с тем же удивлением.

— С каким это негодяем я тебя встретил? — спросил Джордж, не снимая руки с моего плеча и увлекая меня в сторону улицы Кэт.

— Он не негодяй, он честный мальчик, — отвечал я.

— А если он честный мальчик, так чего же он связывается с такими ворюшками, как ты? — насмешливо заметил мистер Гэпкинс. — И тебе что за надобность знаться с честными мальчиками? Ты должен помнить своё дело и не забывать, что работаешь на меня.

Я был так смущён, что не нашёлся, как ответить ему. Он снял руку с моего плеча, я мог убежать от него и догнать Рип-

стона. Эта мысль мелькнула у меня в голове. Но я не имел сил привести её в исполнение. Джордж Гэпкинс наводил на меня необъяснимый страх, я не смел ни на шаг отставать от него.

— О чём же это ты разговаривал с честным мальчиком, когда я вас встретил? — спросил он.

— О прежней жизни, — отвечал я.

— О прежней жизни? Когда ты был честным мальчиком?

— Нет, когда он был нечестным.

— А, так он не всегда был честным, Джим? Что же он делал?

Я чувствовал, что поступаю дурно, выдавая своего старого приятеля, но я не смел противиться своему хозяину.

— Мы с ним вместе занимались воровством на рынке в Ковентгартене, — отвечал я, — и жили вместе под Арками.

— Вот что! А теперь где же он живёт? Что он делает?

— Он работает.

— Работает? Возится с какой-нибудь грязной тяжёлой работой, бедный мальчуган! И много он зарабатывает?

— Восемнадцать пенсов в неделю.

— И за это он должен трудиться целые дни, как лошадь, и ходить в грязи с самого утра понедельника и до позднего вечера субботы. Знаешь, сколько он всего получит в год? Три фунта восемнадцать шиллингов.

— Ну что же, это немало.

— Немало за целый год работы! А знаешь, сколько было денег в бумажнике, который ты сегодня добыл? Двадцать семь фунтов! То, что он заработает в семь лет. Что бы он сказал, если бы знал, что ты в одну минуту, не пачкая рук, можешь заработать столько, сколько он в семь лет! Я думаю, он счёл бы свою жизнь очень несчастной!

— Может быть, он сказал бы, что лучше получать меньше, да зато... без опасности, — несмелым голосом заметил я.

— Ну конечно, хорош виноград, да зелёный! Слышал эту басню, Джим? Так сказала одна лисица, когда ей не удалось достать сочную виноградную кисть. Я не хочу, чтобы ты слишком много о себе мечтал, Джим, но ты должен понимать, что без

ловкости, без таланта нельзя сделать ту штуку, какую ты сделал сегодня. А у того бедного мальчугана ловкости-то, должно быть, не хватает, вот он и принимается поучать других. Ведь он поучал тебя, правда?

— Не знаю, как сказать... Он рассказывал мне, как он переменялся, и всё такое.

— Ну да, и как ему теперь хорошо живётся, и как ему страшно подумывать о прежней жизни. Известное дело. А ты что ему говорил?

— О чём?

— Обо мне.

— Ничего!

— Что?!

В это время мы пришли в пустынную, безлюдную часть города. Произнеся последнее восклицание, мистер Гэпкинс вдруг повернулся ко мне и посмотрел на меня с таким видом, как будто удивился, что я осмеливаюсь отрицать очень хорошо известную ему вещь. Если бы я действительно говорил о нём, я не мог бы выдержать его взгляда. Теперь же я смело посмотрел ему в глаза и повторил:

— Я ни слова не говорил о вас.

Он вдруг захохотал.

— Ещё бы! — вскричал он. — Ещё бы ты вздумал говорить обо мне первому встречному мальчишке в театре. Это было бы отлично!

И он продолжал смеяться, будто в словах его было что-нибудь особенно забавное.

— Вот что я тебе скажу о том мальчике, о котором у нас шла речь, — заговорил через несколько минут Гэпкинс. — Он просто дурак, ничего больше. Конечно, он в этом не виноват, но он дурак, это несомненно. Он попробовал вести привольную барскую жизнь: иметь много денег и ничего не делать; но способностей у него не хватило, и вот он принялся работать, как вол, за три пенса в день. А представь себе, если бы он не был дурак, если бы он был способный, талантливый мальчик, вот как ты, неужели он согласился бы на такую жизнь? Да ни за

что на свете! И кого он думает удивить тем, что работает с утра до ночи? Кто похвалит его? Решительно никто. Всякий, напротив, скажет: «Смотри, мальчик, помни, что ты должен быть счастлив, если мы не гоним тебя прочь. Чуть что не так, мы тебя вытолкаем вон, как последнюю скотину...» Ну, вот мы и пришли домой.

С этими словами он отворил дверь своего дома. Мы вошли в комнату, где нас уже ожидал великолепный ужин. На столе стояло блюдо с горячим мясным пудингом, другое блюдо с рассыпчатым картофелем, два блестящих стакана и большой кувшин пива.

Мистер Гэпкинс пригласил меня сесть за стол рядом с собой и самым радушным образом накладывал мне на тарелку вкусные кушанья. Этот великолепный ужин сразу после рассуждения моего хозяина о несчастной жизни Рипстона сильно поколебало моё намерение исправиться. Конечно, бедный Рип, мальчик без таланта (я не понимал, что значит это слово, но оно мне очень нравилось), может проводить всю жизнь, таская кули с угольями. А я — другое дело! Он ведь не знает моих способностей. Он не знает, что я целых два месяца жил сам по себе карманным воровством. Он не знает, какое это лёгкое дело и сколько денег можно добыть им! Да и зачем, в самом деле, делаться таким грязным бедняком, как Рип, если никто не скажет за это спасибо?

— А что, Джим, — заговорил мистер Гэпкинс, — как ты думаешь, что теперь ест твой «честный» знакомый? Купил, бедняжка, кусок хлеба с заплесневевшим сыром, да и будь доволен, правда?

— Думаю, что так, — поддакнул я.

— Поест он, да и завалится спать где-нибудь на нарах, в тесноте и в грязи, а?

— Да, уж конечно, — засмеялся я вместе с мистером Гэпкинсом.

— У тебя очень хорошенькая спальня, — заговорил он слова после минуты молчания. — Ты найдёшь там в комодё рубашки и всё бельё. Платье там также висит хорошее, не знаю только — будет ли тебе впору. А что, есть у тебя часы?

— У меня часы? Да я никогда и не мечтал о такой роскоши!

— Я сейчас тебе принесу. Мои мальчики всегда при часах.

Он вышел из комнаты и через минуту возвратился, держа в руках прелестные серебряные часы с длинной серебряной цепочкой. Он сам надел их на меня и очень ласково научил меня, как заводить их. При виде блестящей цепочки, болтавшейся поверх моей курточки, я почувствовал такую разницу между собой и несчастным Рипом, что не мог думать о нём иначе, как с сожалением.

После ужина мистер Гэпкинс выпил стакан грога, выкурил сигару и, спокойно усевшись на диване, попросил меня рассказать ему, что я видел в театре. Я принялся подробно передавать ему содержание пьесы, так сильно растрогавшей меня. На него пьеса произвела совсем не такое впечатление, как на меня и Рипа. Он беспрестанно прерывал мой рассказ какими-нибудь насмешливыми замечаниями, доказывал мне, что все действующие лица дураки и что в жизни никогда не может случиться таких глупостей. В конце концов мне стало очень стыдно, что я мог растрогаться подобной нелепостью. Чтобы мистер Гэпкинс не угадал, что я чувствовал в театре, я соглашался со всеми его замечаниями, смеялся громче его самого. Мы совсем подружились.

Наконец мистер Джордж взглянул на часы.

— Ого, как мы засиделись! — вскричал он. — Уже двенадцать часов! Пора спать, Джим! Возьми свечку; не беда, что я останусь в темноте. Твоя комната наверху, направо. Когда разденешься, позови меня, я унесу свечу.

Я пожелал ему спокойной ночи весёлым голосом. Моё мнение о нём стало значительно лучше с тех пор, как мы вернулись домой. Он видел, что я готов усердно служить ему. Взяв в руки свечу, я отправился в свою комнату. Он предупредил меня, что у меня будет хорошенькая спальня, но такого великолепия я не надеялся найти. Над кроватью, застланной белоснежным бельём, висели красивые ситцевые занавески. На окнах были белые шторы, на комодѣ стояло зѣркало, а на полу лежал мяг-

кий пѣстрый ковѣр. Около умывальника висѣло чистое, бѣлое полотѣнце. Я смѣло сунул голову в комнату, но, увидев еѣ великолѣпие, быстро отступил, чтобы посмотреть, туда ли я зашел. Нет ли другой комнаты направо? Нет, никакой другой не было, это действительно моя спальня. Я снял сапоги, чтобы не испачкать чудный ковѣр, и робко подошел к постѣли. Мне очень хотѣлось хорошенько осмотрѣть все вещи в этой прелестной комнатке, но я вспомнил, что мистер Гэпкинс сидит в темнотѣ, и потому поспешил раздѣться и улѣчься.

— Я готов! — закричал я. — Потрудитесь взять свѣчку!

Никто не отвечал мне. Тогда я встал с постѣли и отворил дверь, собираясь закричать погромче, как вдруг услышал голос мистера Гэпкинса и молодой женщины, отворившей нам дверь. Они, очевидно, ссорились.

— Неужели же я у тебя буду спрашиваться, когда мне уходить и когда приходиться? Вот выдумала! Говорят тебе, иду по делу.

— И вчера и третьего дня ты все ходил по делу, Джордж. Ты лжешь! Я знаю, что ты делаешь! Я выслежу тебя!

— Ну, если лгу, так и спрашивать нечего; уйду, да и все тут!

Голоса смолкли.

— Потрудитесь взять свѣчку! — закричал я.

Через минуту Джордж вошел ко мне, взял свѣчку и молча ушел прочь. Я услышал вслед за этим, как хлопнула дверь на улицу.

Ссора мистера Гэпкинса с женой нисколько не тревожила меня. Он куда-то уходил, она его не пускала, — что мне за дело до этого? Я спокойно улѣгся в своей хорошенькой кроватке и совсем собрался уснуть, как вдруг услышал стук в мою дверь.

— Кто там? — спросил я.

— Одеваться и сойди вниз, мальчик, мне надо поговорить с тобой.

Я узнал голос миссис Гэпкинс. Она приотворила дверь, поставила зажженную свечу на пол моей комнаты и, не говоря ни слова больше, ушла прочь.

Миссис Гапкинс рассказывает мне неприятные вещи

Я не смел ослушаться приказанія миссис Гапкинс — ведь она была моёй хозяйкой. Я быстро вскочил с постели и начал одеваться.

— Не надевай сапог, — закричала она мне с лестницы, — оставь их наверху!

Это новое приказаніе отчасти успокоило меня. Я помнил, как она неласково приняла меня, и боялся, что теперь, когда Джорджа не было дома, она просто выгонит меня на улицу, но в таком случае она, конечно, не велела бы оставить сапоги.

Спустившись вниз, я увидел, что она сидит в гостиной одна и что глаза её красны и опухли от слёз.

— Войди же! — нетерпеливо вскричала она, видя, что я в нерешимости остановился на пороге. — Войди и запри дверь.

Я вошёл, хотя моя робость и моё недоумение всё возрастали.

— Подойди сюда, поставь свечку на стол и дай мне хорошенько посмотреть на тебя: я ведь почти не видела тебя.

Не знаю, что она подумала обо мне, но пока она пристально и серьёзно разглядывала меня своими красными, заплаканными глазами, мне представилось, что она, должно быть, просто пьяна.

— Сядь, — сказала она, видимо удовлетворившись своим осмотром, — и скажи мне: что ты за мальчик?

— То-есть как — что за мальчик? — с удивлением спросил я.

— Совсем ли ты испорченный ребёнок, испорченный до мозга костей, как все те маленькие негодяи, которые жили у нас?

Она пристально глядела на меня, и я чувствовал, что краснею. Что ей ответить? Конечно, если бы я был хорошим мальчиком, мистер Гапкинс не взял бы меня к себе.

— Я не знаю, что значит совсем испорченный мальчик, — сказал я. — Я думаю, что я не совсем испорчен. Вы спросите

лучше у мистера Гэпкинса, какъв я.

— Долго ты был вóром?

— Нескóлько недель.

— Тóлько недель! А чáсто сидёл в тюрьмé?

— Ни рáзу.

— Ни рáзу! Есть у тебá мать?

— Былá, да умерлá, когдá я был ещé мáленьким.

— А отéц?

— Не знáю; мóжет быть, и он úмер; мне этó всё равнó.

— Он, вёрно, вор? Почтí всегда сидít в тюрьмé, а?

— Отéц — в тюрьмé? Кто этó выдумал? Он слáвно задáл бы томú, от когó услышал бы такíе словá! Мой отéц чéстный человек!

Негодováние прýдало мне смéлость взглянúть ей прýмо в глазá. Онá улыбнúлась.

— Так отчегó же ты сдéлался вóром? — спросíла онá. — Как ты познáкомился с Джóрджем? Он тебе нрáвится?

— Да, óчень, — поспешíл я отвéтить. — Он óчень хорóший человек.

— Он — хорóший человек? — вскричáла онá со злóбным смéхом. — Сказáть тебе, кто он? Он паук, котóрый незáметно затянет тебá в свою паутíну и вýсосет всю твою крову!

— Вýсосет мою крову?

Горячнóсть, с какóй говорíла мýссис Гэпкинс, испугáла меня.

— Крову всякого, кто попадётся ему! Он настóящий вампíр! Как ты дúмаешь, зачём он взял тебá к себе?

Если онá не знáла зачём, то, пожáлуй, Джордж Гэпкинс рассёрдится на меня за то, что я ей скажú. Если же онá знáла, то не стóило отвечáть ей. Я понимáл, что онá, поссóрившись со

своим мужем, хочет восстановить меня против него. Но, вспомнив, как обыкновенно велá себя миссис Берк, я сделался очень осторожен: если я скажу что-нибудь дурное против хозяина, она завтра же, помирившись с ним, всё перескажет ему. Кроме того, убедившись, что она не пьяна, я стал ещё больше бояться её. Всё это заставило меня отойти к дверям с намерением при первом удобном случае убежать наверх и запереться в своей спальне.

— Мы с ним полáдили, — проговорил я по возможности примирительным тоном, — я всем доволен; если что не так, об этом можно поговорить завтра утром.

Она несколько секунд глядела на меня с выражением сострадания, смущавшего меня ещё больше, чем её гнев.

— Хорошо, если ты это говоришь только по незнанию, — проговорила она. — Ты доволен! Доволен тем, что тебе придётся просидеть в тюрьме несколько месяцев... может быть, несколько лет! Доволен тем, что всю жизнь будешь носить имя, которое делается позором и для тебя и для всех твоих близких! Положим, у тебя нет ни отца, ни матери; но неужели нет никого, кто был когда-нибудь добр к тебе и о ком ты будешь думать, когда тебя посадят в тюрьму за воровство?

Да, конечно, у меня был такой человек. Я вспомнил миссис Уинкшип. Я вспомнил ту ночь, когда она и Марта приютили, накормили, одели и приласкали меня. Я вспомнил, как она хотела сделать из меня честного мальчика, и почувствовал, что мне будет очень и очень тяжело, если она узнает, что я сижу в тюрьме за воровство. Но с какой же стати мне этого бояться? Ведь Джордж Гэпкинс обещал выручить меня из всякой беды.

— Я не попаду в тюрьму, — сказал я. — Я уже больше двух месяцев занимаюсь этим делом и ни разу не попадался. А тогда мне ещё никто не помогал.

— А теперь ты нашёл помощника! — вскричала она. — Он поможет тебе на долгое время засесть в тюрьму. Это его всегдашняя манера. Он тысячу раз говорил мне: «Я никогда не начинаю работать свежими руками, пока не отделаюсь от старых». Каждый мальчик служит у него, пока не станет известен

полиции, пока за ним не начнут следить. Понимаешь ты меня теперь?

Трудно было не понять.

— А мистер Гэпкинс не то говорил мне, — заметил я. — Он обещал, что не пожалеет никаких денег, чтобы выручить меня из беды.

— «Он обещал!» Да разве можно верить обещаниям этого обманщика, этого злодея? Слушай, мальчик. Я тебе много рассказала. Ты можешь завтра же выдать меня мужу, и он изобьет меня до полусмерти. Он уже не раз избивал меня. Мне всё равно, мне надоела эта жизнь!

Она положила голову на стол и заплакала так горько, что у меня выступили слёзы на глазах.

— Пожалуйста, не бойтесь, — сказал я, подходя к ней. — Я ничего ему не скажу. Я не стану вредить человеку, который желает мне добра.

— Я желаю тебе добра, — сказала она, поднимая над столом своё заплаканное лицо. — Всё, что я тебе говорила, правда, истинная правда!

— Я вам верю, только посоветуйте мне, что же мне делать?

— Поди ляг в постель и сам подумай. Поди и подумай, куда тебе деться, когда ты убежишь отсюда.

— А если я убегу, он погонится за мной, как вы думаете?

— Придумай такое место, куда бы он не смел гнаться за тобой. Иди ложись и думай об этом. Прощай!

Я вернулся в свою комнату в сильном раздумье. Хорошо ей было говорить: «Ляг в постель и подумай». Как я мог думать, когда после всех необыкновенных событий нынешнего дня в голове моей остался какой-то хаос? Одно только было мне ясно. Миссис Гэпкинс сказала мне правду: её муж негодяй, и если я останусь у него, меня ожидает самая несчастная участь. Я должен бежать — но куда? Куда он не посмеет гнаться? Куда же это? Этого вопроса я не мог решить. «Заснү-ка я лучше теперь, — сказал я сам себе, — а завтра поговорю с ней об этом. Она, наверно, посоветует мне что-нибудь».

На великолепных часах, подаренных мне накануне мистером

Га́пкинсом, было́ восемь часов, когда́ я просну́лся на сле́дующее утро. Я не слы́шал, как мис́тер Га́пкинс возврати́лся домо́й, но тепе́рь я слы́шал скрип его́ сапо́г по ле́стнице — значи́т, он был до́ма. Я ожида́л, что он позове́т меня́, но он, не говоря́ ни сло́ва, прошёл ми́мо моёй ко́мнаты, и че́рез не́сколько мину́т я услы́шал, что он уходи́т из дому. Я лежа́л в постели́, придумы́вая, что́ мне де́лать, когда́ я вста́ну, как вдруг у́личная дверь отвори́лась и я услы́шал шаги́ двух мужчи́н по ле́стнице. Че́рез не́сколько вре́мени Джордж Га́пкинс вошёл ко́ мне в ко́мнату.

— Ну, Джим, — сказа́л он, — тебе́, ка́жется, приде́тся быть се́годня и по́варом, и слуго́й, и всем на све́те: жена́ заболела́.

— И си́льно заболела́, сэ́р? — спроси́л я, вспо́мнив стра́нное выраже́ние её лица́ накану́не.

— Так си́льно, что я сейча́с ходи́л за до́ктором. До́ктор говори́т, что у неё начина́ется тиф.

Боле́знь миссис Га́пкинс оказа́лась нешу́точной и продолжа́лась це́лых три неде́ли. Во всё это́ вре́мя я ни ра́зу не ви́дел её. Мис́тер Га́пкинс наня́л ка́кую-то стару́шку, кото́рая уха́живала за ней, гото́вила ку́шанье и исполня́ла дома́шние рабо́ты, причём я усер́дно помога́л ей. Друго́го де́ла у меня́ не́ было. Хозя́ин не испо́лнил своего́ обеща́ния и не ду́мал обуча́ть меня́ всем то́нностям на́шего реме́сла. Он так боя́лся зарази́ться тифом, что почти́ никогда́ не сиде́л до́ма. Он обе́дал вме́сте со мно́й в столо́вой, си́дя у откры́того окна́ и беспреста́нно ню́хая ба́ночку со спи́ртом. Затём уходи́л и не возвра́щался домо́й до по́здней но́чи. Спал он в той же столо́вой, на дива́не.

Моё́ положё́ние было́ о́чень недурно́е. Меня́ корми́ли хоро́шо. Хозя́ин всегда́ дава́л мне ши́ллинг, когда́ я его́ проси́л, и позво́лял мне гуля́ть, где я хочú, от шести́ до десяти́ часов ве́чера. Он не то́лько не научи́л меня́ дурно́му, а, напро́тив, ка́ждое утро, уходя́ из дому, говори́л мне: «Пожа́луйста, ты не берись за рабо́ту и не ходи́ ни в ка́кие дурны́е места́. Ску́чно тебе́ — сходи́ в теа́тр и́ли в конце́рт. Если тебе́ нужны́ де́ньги, бери́ у меня́, а сам не добыва́й». Таки́м о́бразом, хотя́ я не забыва́л сове́та, да́нного мне миссис Га́пкинс, я находи́л, что бежа́ть тепе́рь было́ бы о́чень глúпо. Кро́ме того́, хотя́ я не ви́дал моёй боль-

ной хозяйки, но она часто давала мне мелкие поручения. Я оказывал ей небольшие услуги, и мне казалось, что я поступил бы очень неблагородно, если бы бросил её, пока она больна.

Через три недели миссис Гэпкинс вышла из своей комнаты. Она была страшно худая и бледная, длинные волосы её были коротко острижены, и на голове у неё был чепчик. Это так обезобразило её, что я с трудом узнал её. Мистер Гэпкинс, не видавший своей жены уже недели две, был также поражён переменой в её лице.

— Эким уродом ты стала! — заметил он. — Я на твоём месте не вышел бы из комнаты с такой физиономией.

— Я бы хотела быть ещё вдесятеро безобразнее назло тебе! — отвечала она довольно неласковым голосом.

Было ясно, что болезнь миссис Гэпкинс не примирила моих хозяев.

Возвратившись на следующий вечер домой, я очень удивился, увидев, что она сидит в столовой вместе с мистером Гэпкинсом и какими-то двумя мужчинами. Они все о чём-то весело разговаривали, смеялись и, казалось, были в полном согласии. Впрочем, разговор у них шёл, должно быть, деловой, потому что, когда я вошёл, мистер Гэпкинс указал своим приятелям на меня. Те осмотрели меня с ног до головы, и затем мне было приказано или отправляться спать, или идти ещё гулять. Я выбрал первое.

Не знаю, долго ли я спал, но меня разбудило прикосновение чьей-то руки к моему плечу и голос миссис Гэпкинс:

— Ты не спишь, Джим?

— Нет, не сплю.

— Думал ты о том, о чём мы с тобой говорили ночью перед моей болезнью?

— Да, я много раз об этом думал и передумывал.

— Ну, и что же? Ты решил последовать моему совету?

— Да, конечно, только я не знаю, куда мне бежать.

— Ты должен скорее придумать. Если ты не уйдёшь завтра, тебе придётся каяться всю жизнь. Ты видел сегодня в столовой двух приятелей моего мужа — Туинера и Джона Армштеджа?

Онѣ вмѣстѣ затѣвають дурную штуку и тебя возьмутъ в помощники.

— Какую же такую штуку?

— Грабѣж. Шш... не спрашивай больше! Это будетъ сделано завтра или послезавтра ночью... в Фульгете, улица Прэскот, номеръ двенадцать, у старого мистера Дженета. Послушайся меня: завтра утром, как только встанешь, иди туда, куда он не посмеет погнаться за тобой, и расскажи там всё. Только не говори ничего обо мне. Понимаешь?

— Понимаю, не беспокойтесь, пожалуйста! — отвечалъ я.

— Я и не беспокоюсь, я знаю, ты добрый мальчик и не захочешь за добро заплатить злом. Прощай, мне надо идти вниз, онѣ сейчасъ вернутся. — Она потрепала меня по щеке своей горячей рукой и вышла вон.

Наконѣцъ должнѣ была начаться моя служба у мистера Гапкина! Странно только, что он бралъ меня помощникомъ в такомъ важномъ дѣле, какъ грабѣж, не подучивъ меня сперва, какъ обещалъ. Еще удивительнее казалосьъ мне поведѣние миссисъ Гапкина. Если она хотѣла, чтобы я убежалъ и не участвовалъ в дурномъ дѣле, зачѣмъ назвала она мне сообщниковъ своего мужа и тотъ дом, который онѣ собирались ограбить? Я ворочался на постѣли, думая и передумывая одно и то же, но моя глупая голова не могла отвѣтить на эти вопросы. Наконѣцъ я решилъ, что на слѣдующее утро, какъ только встану, побегу в Спиталфилд, разыщу там Рипстона, расскажу ему всё дѣло и попрошу его совѣта. Сначала я хотѣлъ обратиться за совѣтомъ къ миссисъ Уинкшип, но, вспомнивъ, что около еѣ дома могу встрѣтить отца и что она, пожалуй, сѣрдится на меня за излѣну Бельчеру, отказался отъ этого плана.

XXV

Я изменяю Джорджу Гапкину. — Занавесъ падаетъ

На слѣдующее утро, после завтрака, Джорджъ Гапкинъ сказалъ мне:

— Ты много не шлейся сегодня, чтобы не слишкомъ устать къ ночи. Ты мне понадобишься.

— Зачем? — спросил я с самым невинным видом.

— А тебе что за дело? Узнаешь, когда нужно будет.

Через несколько времени он позвал меня в небольшую прачечную, на другом конце двора. Там было маленькое окошечко в одно стекло, отворившееся в кухню.

— Посмотри-ка, можешь ли ты пролезть через такое отверстие? — спросил он.

Я с трудом просунул плечи сквозь маленькое окошечко и соскочил в кухню.

— А нельзя тебе ещё побольше нашуметь? — спросил он насмешливо.

Я пролез ещё раз, стараясь ступать как можно тише.

— Вот это лучше, — заметил он. — Попробуй ещё раз, становясь на цыпочки.

Я пролез ещё и ещё раз, всего раз двадцать.

— Ну вот, теперь хорошо! — сказал Джордж. — Какие у тебя сапоги, Джим?

— Крепкие, на толстых подошвах, сэр.

— Это не годится. Тебе нужно купить пару тонких башмаков, которые ты мог бы легко снимать и надевать. Поди купи себе сейчас. На Бишопстрит есть башмачная лавка.

Он дал мне десять шиллингов, и я ушёл. Мне нужно было пройти мимо столовой. Миссис Гапкинс увидела меня; она кивнула мне головой и тихо шепнула: «Пора! Пора! Беги! Потом будет поздно!» В ответ я кивнул ей головой.

Ясно было, что она не обманула меня вчера. Мистер Гапкинс не объяснил мне, для какого дела я был ему нужен, но я понял, что мне придётся влезать куда-нибудь в окно и таким образом принимать участие в грабеже. А за грабёж ссылают, как я слышал, на каторгу. Значит, я погибну на всю жизнь, если не убегу как можно скорей.

Не раздумывая больше, я направился к Спиталфилду.

Я не знал, где именно находится фабрика, на которой работал Рипстон. Наверно, если я спрошу сталелитейную фабрику Беккера, мне покажут. Теперь как раз около двенадцати. Зна-

чит, рабочих скоро отпустят обедать. Я покараулю у ворот и поговорю с Рипом.

Фабрику мне действительно сразу показали. У ворот толпилось много женщин со свертками и судками. Они, должно быть, принесли еду тем рабочим, которые обедают на фабрике.

«А вдруг и Рипстона не выпускают на улицу? — подумал я. — Что мне тогда делать?»

Но в это время прозвонил колокол, и сразу во двор высыпала целая толпа рабочих. Все шли к воротам. Одни брали свертки у своих жен, а других сторож выпускал на улицу.

Вдруг калитка широко распахнулась, и из неё выбежала ватага мальчишек. Я сейчас же увидел среди них Рипстона. В первую минуту он не заметил меня, но как только я окликнул его, он тотчас же радостно закричал:

— А, Смиф, дружище! Вот молодец, что пришёл!.. Чарли, это тот мальчик, о котором я тебе говорил, — обратился он к своему товарищу. — Ну, Смиф, идём с нами в кухмистерскую, там и поболтаём. У нас полтора часа свободных.

Мне не очень-то хотелось говорить при постороннем мальчишке, но делать было нечего. Я было попытался подмигнуть Рипу, но он ничего не понял. Потом я подумал:

«Всё равно он, верно, ничего не скрывает от своего товарища. Я не назову имени Гапкинса».

Мы пришли в кухмистерскую и сели в уголке за отдельный столик. Рипстон с товарищем пошли к стойке, вынули из карманов какие-то билетики и получили по тарелке похлёбки и по куску хлеба. Я сказал, что не голоден.

Пока они ели, я тихонько рассказывал им, что мне говорила жена моего хозяина и что затевается сегодня ночью.

— Ах он, мерзавец этакий! — закричал Рипстон, когда я кончил. — Да его повесить мало! Сам какие штуки устраивает, а других подводит! Чего тут думать? Поди, да и расскажи полиции!

— Нет, это не дело, Рип! — остановил его Чарли, до сих пор молча слушавший меня. — Полицию путать не годится. Видно,

что ты недавно стал рабочим. Настоящий рабочий никогда с полицией связываться не станет.

— Значит, по-твоему, так ему и позволить грабить да убивать?

— Нет! Но неужто без полиции не обойтись?.. Ты ведь знаешь адрес того человека, которого он хочет ограбить? — обратился Чарли ко мне.

— Знаю, — отвечал я.

— Ну, и отлично! Поди к нему сейчас и предупреди его. Он тебе спасибо скажет. А коли ему понадобится помощь, я ему таких молодцов приведу, что со всякими грабителями справятся.

Я посмотрел на Рипстона.

— Ну что ж, Смиф, — сказал он немного смущенно. — Оно и правда: так, пожалуй, лучше. Ты не бойся. Если ты сам придешь, он не подумает, что ты такой же, как они.

— Ты лучше не мешкай долго, — прибавил Чарли внушительно. — Дело серьезное. Надо дать человеку подготовиться.

Я встал. Я знал, что мне надо идти, но ужасно боялся.

— Да ты что, Смиф? — усмехнулся Рипстон. — Трусишь, верно?.. Чарли! — прибавил он, обратившись к товарищу. — Сходил бы ты с ним. У нас еще час времени есть. А то ему одному страшно.

— Ну что ж, пожалуй, — проговорил тот охотно. Ему, видимо, было приятно, что к нему, словно ко взрослому, обращаются за помощью.

Я простился с Рипстоном, и мы быстро отправились в Фьюлгет. Это было не очень далеко. На той же окраине, где и фабрика. Только улица Прескот была много чище.

Для верности мы спросили в соседней лавчонке, и нам сказали, что мистер Дженет действительно живет в доме № 12, один. Он старый моряк и уже давно поселился тут.

Дом № 12 стоял особняком, в глубине маленького сада.

Калитка оказалась не заперта. Когда мы позвонили у подъезда, нам открыл рослый молодой человек.

— Дома мистер Дженет? — смело спросил Чарли.

— Отец дома, — ответил тот. — Вы по какому делу? Он ведь уже больше не плавает.

Верно, он подумал, что мы пришли наниматься к нему на корабль.

— Нам нужно видеть мистера Джэнета по важному делу, — сказал Чарли уверенным голосом.

Молодой человек окинул нас обоих удивленным взглядом, но ничего не сказал и вошел в дом.

— Говорили, что он один живёт, а у него вон какой сын! — заметил Чарли.

Мне было не до разговоров.

Я страшно волновался и с каждым часом всё больше. Хорошо ли я делаю, что выдаю Гапкинса? Ведь из-за меня его могут послать на каторгу, если мистер Джэнет заявит полиции. А может быть, он не поверит мне и меня отправят в полицию? Но уже поздно было раздумывать. Дверь открылась, и тот же молодой человек позвал нас в дом.

Мистер Джэнет встретил нас очень приветливо. Это был широкоплечий старик с тёмным, загорелым лицом и густыми белыми волосами. Он усадил нас против себя и спросил, какое у нас важное дело.

Тут, видимо, и Чарли немного смутился. Он оглянулся на меня и сказал:

— Вот этот мальчик, сэр, расскажет вам всю историю. Вы ему верьте. Это всё правда. Я вам за него ручаюсь.

Мистер Джэнет слегка усмехнулся, но потом серьёзно посмотрел на меня и сказал коротко:

— Ну, выкладывай всю правду! Я слушаю.

Запинаясь и путаясь, я начал рассказывать. Он не прерывал меня. Понемногу я собрался с духом и уже довольно связно рассказал ему, что затевается нынешней ночью.

Когда я кончил, он заметил, точно про себя:

— Вот кста́ти, что мой ма́льчики пришлі как раз се́годня. — С э́тими слова́ми он отвори́л дверь и крикну́л: — Джон, по́ди сю́да и позови́ То́ма!

Че́рез не́сколько мину́т в ко́мнату вошли́ два вы́соких моло́дых челове́ка.

— В че́м де́ло, оте́ц? — сказа́л тот, кото́рый отвори́л нам. — Чтó-нибудь случи́лось?

Ми́стер Дже́нет подро́бно переда́л им мой расска́з. Они́ предложи́ли мне е́щё не́сколько вопро́сов. Потóм ми́стер Дже́нет ото́звал их к окну́ и не́сколько мину́т о че́м-то совеща́лся с ни́ми. Потóм он подоше́л о́пять ко мне и спроси́л:

— В кото́ром часу́ ты уше́л с у́лицы Кэ́т?

Я по́мнил, что была́ полови́на двена́дцатого, когда́ я загляну́л в столóвую, где сто́яла ми́ссис Га́пкинс.

— Тепе́рь че́тверть второ́го, — сказа́л ми́стер Дже́нет. — Он велéл тебе́ купи́ть башмаки́ и верну́ться?

— Да, сэ́р.

— Ну, так беги́ скорéй, купи́ такие́ башмаки́, как он велéл.

— Но, сэ́р, — замети́л я, — мой сапоги́ е́щё совсе́м кре́пкие.

Ми́стер Дже́нет улы́бну́лся и замети́л:

— Ты, ка́жется, хоро́ший ма́льчик. Сча́стье твоё, что ты во́время остано́вился. Как то́лько купи́шь башмаки́, беги́ скорéе на у́лицу Кэ́т.

— Наза́д, на у́лицу Кэ́т? К Джо́рджу Га́пкинсу? Да заче́м же э́то, сэ́р?

— Ви́дишь ли, я хочу́, что́бы он поше́л на э́тот грабе́ж, — отве́чал ми́стер Дже́нет. — Ты не глупы́й ма́льчик, понима́ешь, заче́м нам э́то ну́жно. Тебя́ не ожида́ет никака́я опа́сность, — прибави́л он, замети́в, что я стру́сил. — Если бы ты был сообщни́ком э́тих него́дяев, тебе́, коне́чно, доста́лось бы о́чень си́льно: тепе́рь же друго́е де́ло: ты помога́ешь мне пойма́ть их, я обещаю́ защити́ть тебя́. Даю́ тебе́ че́стное сло́во, что с э́той мину́ты и до конца́ все́го де́ла мы с сыновья́ми глаз с тебя́ не спу́стим.

После́дние слова́ ми́стера Дже́нета произне́с о́собенно вырази́тельно, вероятно́ жела́я дать мне поня́ть, что́бы я не взду́мал обману́ть его́.

— Ещё одно слово: могу я довериться тебе?

Он положил мне руку на плечо и посмотрел прямо в глаза.

— Можете, сэр, — отвечал я. — Если вы говорите, что со мной не случится ничего дурного, что вы не дадите меня в обиду, так я исполню всё, как вы велели.

— Ну, и прекрасно! Иди домой и не рассказывай никому, где ты был. Тебе, верно, придётся пролезать через какое-нибудь маленькое окошечко — так ты не бойся: я буду стоять подле и ждать тебя. Там будет, наверно, темно, но ты меня узнаешь по тому, что я возьму тебя за волосы... вот так. Ну, теперь ступай.

Чарли заикнулся было, что готов помочь ему, но тот похлопал его по плечу и сказал:

— Спасибо, малый. Хотя я и старик, да руки-то у меня, пожалуй, посильнее твоих. Недаром всю жизнь работал на корабле! И сыновья у меня ничего — не дадут отца в обиду.

После этого нам оставалось только отправиться домой.

Чарли быстро попрощался со мной и побежал на фабрику. Он взял с меня слово, что на другой день я зайду к ним опять в обед и расскажу, как обошлось всё дело.

У меня не было в голове ни одной определённой мысли; я знал только одно, что в точности исполню приказание мистера Дженета. Я не думал, что подвергаю себя при этом какой-нибудь опасности. Когда я вернулся в улицу Кэт, Джорджа Гэпкинса не было дома, и мне отворила дверь жена его. Я думал, что она очень удивится, увидев меня, но она, напротив, пристально посмотрела на меня и затем весело вскричала:

— А, ты вернулся, Джим!

— Да, я останусь здесь, — отвечал я.

— Ну, и отлично, я очень рада, что ты останешься! — вскричала она.

— А вы же мне говорили, чтобы я ушёл! — с удивлением заметил я.

— Ну да, ты ушёл и опять пришёл. Я очень рада!

Через несколько минут она спросила меня, помню ли я то место, куда её муж хочет идти сегодня ночью. Я назвал ей.

— Отлично, Джимми! — вскричала она, опять смеясь своим странным смехом. — Ты умный мальчик: умеешь и помнить секреты и хранить их! Славная штука, не правда ли? Ха, ха!

— Да, очень, — пролепетал я и в сильном волнении бросился навёрх в свою спальню.

Я так и не узнал, подозревала ли она, в чём дело. В четыре часа она оделась и ушла куда-то, оставив меня одного дома. Около семи часов вернулся Джордж Гапкинс. Он сначала рассердился, не застав жены дома, потом повеселел. За чаем он шутил и разговаривал со мной самым добродушным образом. Мне было очень тяжело слушать его шутки. Лучше бы он злился и ворчал на меня, — тогда у меня на сердце было бы легче. После чая он спросил:

— Знаешь ты Фьюлгет, Джим?

Я отвечал, что не знаю.

— Ну, всё равно. Надень свои новые башмаки и иди пешком до банка, а там садись в фьюлгетский дилижанс; как доедешь до Фьюлгета, спроси, где мост, и поверни в третью улицу за мостом; там ты найдёшь пивную; войди в неё и спроси, дома ли мистер Мэзон. Отправляйся скорей.

Надев новые башмаки, я с радостью вышел из душной комнаты на свежий воздух и быстрыми шагами направился к банку.

В девять часов я дошёл до улицы, указанной мне мистером Гапкинсом.

Мальчик, стоявший за прилавком пивной, сказал мне, что мистер Мэзон ждёт меня в своей комнате, и, войдя туда, я увидел Джорджа Гапкинса, Туйнера и Джона Армitedжа, занятых игрой в карты.

— Я мистер Мэзон, — сказал мне хозяин. — Посиди, подожди немного, Джимми.

Они продолжали играть и пить пиво. Хозяин пивной несколько раз приходил к ним и заговаривал с ними как со старинными знакомыми. Наконец в половине двенадцатого, когда совсем стемнело, мы вышли на улицу. Джордж шёл со мной вперёд, а двое других следовали за нами. Мы прошли таким образом с добрую милю. Дорогой мистер Гапкинс объяснил мне, что я

должен был делать: мне нужно пролезть в маленькое окошечко, осторожно пробраться вдоль стены и затем отодвинуть задвижку, запиравшую дверь.

— Ты не бойся, — прибавил он. — Если бы дело было опасное, я не взял бы такого мальчика, как ты. Ты ведь можешь сделать всё, что я тебе сказал?

— Могу, — отвечал я, дрожа как в лихорадке.

— Мы всё устроим отлично, — сказал мистер Гэпкинс. — Там нет даже собаки, а хозяин рано ложится спать.

Он, очевидно, не знал, что мистер Дженет был теперь не один.

Мы повернули в небольшой переулочек и подошли к забору. Туинер и Джон Армитедж догнали нас, и мы все тихо, как кошки, перелезли через забор. После этого мы пошли по дорожке, усыпанной песком, и подошли к большому тёмному дому. Ни слова не было произнесено. Я заметил, что Джон Армитедж свинтил какие-то блестящие инструменты, влез на плечи к Туинеру и стал что-то делать в стене. Минуты через две что-то звякнуло, и он соскочил вниз.

— Сними башмаки, Джим, — шепнул мне Джордж.

Дрожа от страха, я снял башмаки. Джордж взял меня за руки, влез на спину к Туинеру и просунул мои ноги в какую-то дыру.

— Тут тесно, Джим, — прошептал он, — да ничего, ты про-

лѣзешь. Прижми крѣпче рѹки к бока́м! Полеза́й бочко́м! Хорошо́! Прыга́й, не бойся, тут невысоко́; не забудь, что́ я тебе говори́л о двѣри и о задви́жке.

Я дѣлал всё, что он мне прика́зывал, и при послѣдних слова́х его́ прыгну́л вниз. Здесь, к вели́кому моему́ утешѣнию, чья́-то невидима́я рука́ схвати́ла меня́ за во́лосы, друга́я невидима́я рука́ зажа́ла мне рот, меня́ тихонько́ втолкну́ли в каку́ю-то ко́мнату и за́перли там.

Что́ было́ да́льше, я не ви́дел. Я слы́шал лёгкий скрип отво́ряемой задви́жки, затѣм шум шаго́в, крики, грѹмкий го́лос Джорджа Га́кинса, шум потасѹвки, то́пот ног и бо́льше ниче́го.

План ми́стера Дженета́ вполне́ уда́лся. Онѣ́ хорошо́ проучи́ли Джорджа Га́кинса и его́ това́рищей. А на́ будущее́ вре́мя пригрози́ли и не так раздѣ́латься.

Когда́ меня́ вы́пустили из чула́на, граби́телей и след про́сты́л. Ми́стер Дженет́ пожа́л мне рѹку, сказа́л, что́ я молоде́ц и что́ он охѹтно́ взял бы́ меня́ ю́нгой, е́сли бы́ ещё́ пла́вал на корабле́.

Я переночева́л у ми́стера Дженета́. На друго́й день́ меня́ покорми́ли сы́тным за́втраком, ещё́ раз поблагодари́ли, и к двена́дцати часа́м я о́пять побежа́л на фа́брику.

Рипстон́ и Ча́рли вы́скочили́ по́сле звонка́ чуть́ не са́мые пе́рвые. Онѣ́ потащи́ли меня́ на сосе́дний пусты́рь и заста́вили подро́бно сказа́ть, как всё́ произошло́.

— Молоде́ц! — вскрича́л Рипстон́, когда́ я ко́нчил.

И да́же Ча́рли олобрительно́ похло́пал меня́ по плечу́.

По пра́вде сказа́ть, я соверше́нно не понима́л, за что́ меня́ все хва́лят. Я ведь стра́шно тру́сил всё́ вре́мя, хоть и стара́лся не показыва́ть э́того.

Но́ меня́ занима́ло друго́е. Я нерешите́льно посмотре́л на Ча́рли и спроси́л:

— А что́, могу́ я то́же ста́ть рабо́чим?

— Отче́го же! — отвеча́л тот. — Мо́жет быть, да́же и сейча́с у нас найдѣ́тся ме́сто. Вчера́ как раз ми́стер Кра́ус — э́то наш ма́стер — говори́л, что́ с за́втрашнего́ дня́ бу́дут лома́ть одну́ ста́рую печь́ и ста́вить на её́ ме́сто но́вую. Таќ тут пона́добятся

ещё мальчики, чтоб вывозить мусор. Если хочешь, я порекомендую тебя.

Я был в полном восторге.

После обеда Чарли и Рипстон свели меня к мистеру Краусу, и он велел мне приходить на следующий день на работу.

С этих пор я уже перестал быть «маленьким оборвышем» и сделался маленьким рабочим.

Новая жизнь принесла мне много труда и лишений. Но, как ни трудно мне порой приходилось, меня поддерживала мысль, что я теперь не одинок, как прежде. Рядом со мной — мой товарищи. Они поддержат меня в трудную минуту, и вместе с ними мы когда-нибудь добьёмся лучшего будущего для всех больших и маленьких оборвышей, которые с самого раннего детства не знают ни ласки, ни радости.

О Г Л А В Л Е Н И Е

<i>Е. Брандис.</i> О Джэмсе Гринвуде и «Маленьком обр- выше»	3
I. Мачеха	9
II. Новые мучения. — Бегство	14
III. Вечер на Смитфилдском рынке.—Мне угрожает серьез- ная опасность	18
IV. Я пробую лаять. — Мой новые знакомые	26
V. Арки	31
VI. Товарищество «Рипстон, Мбулди и К ^о »	41
VII. Я начинаю работать	48
VIII. Собачонка. — За мною следят. — Неприятная ночь	57
IX. Я попадаю в работный дом	65
X. Я остаюсь в живых	71
XI. Я ещё раз направляюсь к улице Тернмилл	77
XII. Я знакомлюсь с двумя джентльменами	85
XIII. Я делаюсь уличным певцом. — Старый друг	94
XIV. Старый друг угощает и одевает меня	101
XV. Мой новый хозяин	109
XVI. Паук и его собака. — Тайственная сажа	118
XVII. Желание моё исполняется	126
XVIII. Сцена более страшная, чем все представления в театре	134
XIX. Я убегаю от полиции	142
XX. Я вступаю на новый путь	147
XXI. Я знакомлюсь с Джорджем Гапкинсом	151
XXII. Я встречаю старого товарища	157
XXIII. Моё намерение перемениться быстро исчезает	166
XXIV. Миссис Гапкинс рассказывает мне неприятные вещи	174
XXV. Я изменяю Джорджу Гапкинсу. — Занавес падает	180

ДЛЯ СЕМИЛЕТНЕЙ ШКОЛЫ

Джемс Гринвуд

МАЛЕНЬКИЙ ОБОРВЫШ

Ответственный редактор Г. Ф. Ермоленко.

Художественный редактор Н. Г. Холодовская.

Технический редактор М. Д. Суховцева

Корректоры

Т. П. Лейзерович и А. В. Ясиновская.

Сдано в набор 2/VI 1956 г. Подписано к печати

23/VIII 1956 г. Формат $60 \times 84^{1/16}$ — 12 п. л. =

= 10,96 усл. п. л. (9,14 уч.-изд. л.). Тираж 50 000 экз.

Заказ № 844. Цена 3 р. 75 к.

Детгиз. Москва, М. Черкасский пер., 1.

Фабрика детской книги Детгиза. Москва,
Сущевский вал, 49.

Цена 3 р. 75 к.

